

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ
И ПОЛИТОЛОГИИ**

Новосибирск, 2013 г.

УДК 3
ББК 6/8
С69

С69 «Актуальные вопросы философии, истории и политологии»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. (28 января 2013 г.) — Новосибирск: Изд. «СибАК»,
2013. — 176 с.

ISBN 978-5-4379-0209-7

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Актуальные вопросы философии, истории и политологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

Рецензенты:

- канд. ист. наук, доцент Прошин Денис Владимирович;
- канд. филос. наук Гужавина Татьяна Анатольевна;
- канд. ист. наук Купченко Константин Владимирович.

ISBN 978-5-4379-0209-7

ББК 6/8

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление	
Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
THE END: ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЗМА И ЕЕ ГОЛЛИВУДСКАЯ «ЭКРАНИЗАЦИЯ»	6
Прошин Денис Владимирович	
ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА	15
Хома Наталья Михайловна	
1.2. Мировая политика	20
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРЕДВЕРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ	20
Гарбузарова Елена Геннадьевна	
1.3. Политический PR и реклама	26
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА МЕСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ	26
Амершина Жанна Маратовна	
Секция 2. Социология	32
2.1. Социология коммуникаций	32
ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ	32
Сусская Ольга Александровна	
Секция 3. Философия	41
3.1. Философия и ее роль в современном обществе	41
СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ БЕСКОНЕЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ	41
Воробьев Дмитрий Олегович	
Маслова Елизавета Григорьевна	
ГЕНЕЗИС МОРАЛИ КАК СЛОЖНООРГАНИЗОВАННАЯ СИСТЕМА	45
Кашин Даниил Олегович	

3.2. Динамика современной культуры	50
АРТЕФАКТ КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА КУЛЬТУРЫ	50
Белов Евгений Алексеевич	
НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	55
Мальченко Виталий Игоревич	
ОБЩАЯ МЕТАФИЗИКА ДРЕВНЕЙ ТАНАТОГРАФИИ	63
Тупицин Алексей Анатольевич	
3.3. Социальная философия	71
ЭТНОС: ПРОБЛЕМА ПОТЕНЦИАЛА СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ	71
Емельянова Юлия Павловна	
ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАК МЕТОД ПОНИМАЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	76
Рыжков Денис Леонидович	
СОБОРНОСТЬ И ЕДИНОНАЧАЛИЕ В ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.С. ХОМЯКОВА	83
Щипачев Евгений Андреевич	
3.4. Онтология и теория познания	88
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ НАУК	88
Якушева Наталья Юрьевна	
Секция 4. История	93
4.1. История России	93
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУРСЫ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	93
Антонова Юлия Викторовна	
ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	99
Купченко Константин Владимирович	
КАЗАЧЬИ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКА	103
Нещеретов Иван Валерьевич	
ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА	107
Рындин Сергей Николаевич	

СОБЫТИЯ СЕНТЯБРЯ — ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА — «БЕЛОЕ ПЯТНО» СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ	111
Шереметьева Лариса Николаевна	
БЕЖЕНЦЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	121
Шмакова Наталья Николаевна	
4.2. Всемирная история	127
ПОДГОТОВКА КАДРОВ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СССР (1924—1933 ГГ.)	127
Вальчук Елена Ивановна	
БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.: КРАТКИЙ ОБЗОР	132
Калько Вера Николаевна	
ОБ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН КРАХА ИМПЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ ПОЛЬСКИХ ЭЛИТ XVI — СЕРЕДИНЫ XVII ВВ.	137
Мельничук Игорь Анатольевич	
О БОЛГАРАХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ПРИАЗОВЬЕ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ	141
Стефанов Юрий Анатольевич	
4.3. История науки и техники	151
О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОВ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ	151
Андрющенко Людмила Эрнстовна	
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	160
РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОСТОЯНИИ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.	160
Гришакова Лариса Валерьевна	
СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЕМЕЦКИХ И МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ЮГА УКРАИНЫ	172
Хрящевская Людмила Михайловна	

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

THE END: ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛЬНОГО ЭКОЛОГИЗМА И ЕЕ ГОЛЛИВУДСКАЯ «ЭКРАНИЗАЦИЯ»

Прошин Денис Владимирович

канд. ист. наук,

доцент Днепропетровского университета им. А. Нобеля,

г. Днепропетровск

E-mail: bishop.74@mail.ru

Возникновение самостоятельного экологического направления в общественно-политической жизни Запада относится к концу шестидесятых — началу семидесятых годов прошлого века. Вскоре в этом русле обозначилось несколько течений, среди которых заметное место заняли экологические движения радикального толка. Всякий желающий познакомиться с идеями радикального экологизма, вполне естественно, в первую очередь обращается к политической публицистике, к научной или научно-популярной литературе. Однако сфера, в которой ощущается идейное влияние радикального экологизма, намного шире. В данной статье на примере продукции американской киноиндустрии показано, каким образом радикально-экологические идеи преломляются в призме массовой культуры и распространяются по ее каналам.

На текущем этапе исследования автор не считает возможным делать общие выводы относительно того, насколько глубоким является проникновение радикально-экологической идеологии в Голливуд, каковы пути этого проникновения, каков социокультурный резонанс, получаемый киноисториями, «окрашенными в зеленый цвет». Здесь представлен лишь первоначальный очерк

проблемы: констатируется созвучие идеологии радикального экологизма и тональности немалого числа выходящих в мировой прокат американских фильмов и в первом приближении делается обзор той радикально-экологической идейной гаммы, которая раскрывается перед зрительской аудиторией.

Насколько автор может судить, данная проблема еще не поднималась ни российскими, ни украинскими исследователями. Однако сама по себе практика идеологического анализа продукции массового кинематографа (массовой культуры вообще) имеет долгую историю и может быть представлена целым рядом имен, широко известных как в академических, так и в общественно-политических кругах (С. Жижек [17], С. Кара-Мурза [1], К. Крылов [2], А. Тарасов [4], У. Эко [5], М. Элиаде [6]). Что касается собственно феномена радикального экологизма, то при работе над статьей автор опирался на исследования М. Льюиса [11] и Р. Скарса [14], а также на материалы самих радикальных экологов или тех, кто в той или иной мере симпатизирует им [9; 13; 16].

Подобно любым проявлениям радикализма, идеи радикальных экологов по меньшей мере небесспорны; в некоторых ключевых пунктах они подчеркнута, так сказать, принципиально антигуманны (если понимать под этим враждебность к современному «цивилизованному человеку»). Циркуляция и подпитка этих идей в социокультурном мейнстриме при посредстве такого мощного медиума, как современное массовое кино, безусловно, заслуживает внимания, какими бы ни были на данный момент причины, масштабы и последствия этих процессов.

Автор не ставит перед собой параллельной задачи проанализировать базовые положения радикально-экологической идеологии. Более того, предполагается, что читатель уже имеет достаточное представление об этом явлении. Но все же в качестве ориентира здесь предложен своего рода компендиум радикально-экологических идей.

Радикальный экологизм требует решительного отказа от антропоцентрического взгляда на мир. Земля со всем разнообразием ее живой и неживой природы рассматривается как единое целое, одной из частей, а вовсе не единоличным хозяином которого является человек [13, р. 234]. Примитивные общины охотников и собирателей рассматриваются как образец поддержания гармоничных отношений с природой [11, р. 3; 13, р. 45], тогда как индустриальное производство, рынок, потребительское общество, «западный образ жизни» вообще воспринимаются как абсолютное зло, «болезнь» планеты. Решительная борьба с этой «болезнью» должна вестись во имя всех форм жизни,

отнюдь не только ради будущих людских поколений (последнее с точки зрения радикальных экологов представляется всего лишь смягченным проявлением того же эгоистического антропоцентризма, которым отмечена деятельность правительств и корпораций «индустриальных» или «вестернизированных» стран).

То, что подобного рода идеи в той или иной форме давно нашли дорогу в область американского массового кинематографа, иллюстрируется довольно длинным перечнем фильмов: «Человек по имени Конь» (реж. Э. Сильверстейн, 1970), «Кинг-Конг» (реж. Дж. Гиллермин, 1976), «Смерть среди айсбергов» (реж. М. Андерсон, 1977), «Прощание с королем» (реж. Дж. Милиус, 1988), «Танцы с волками» (реж. К. Костнер, 1990), «Игра в полях господних» (реж. Э. Бабенко, 1991), «Знахарь» (реж. Дж. Мактирнан, 1992), «Дело о пеликанах» (реж. А. Пакула, 1993), трилогия «семейных фильмов» о косатке Вилли (реж. С. Уинснер, Д. Литтл, С. Пиллсбери, 1993-1997), «В смертельной зоне» (реж. С. Сигал, 1994), «Двенадцать обезьян» (реж. Т. Гиллиам, 1995), «Огонь из преисподней» (реж. Ф. Алкала, 1997), «Апокалипсис» (реж. М. Гибсон, 2006) и т. д. (подробную информацию о фильмах здесь и далее см.: [10]).

Для детального же анализа автором отобраны «День, когда Земля остановилась» (реж. С. Дерриксон, 2008) и «Аватар» (реж. Дж. Камерон, 2009). Перед нами совершенно разные по своей тематике фантастические фильмы, и отнюдь не самые глубокие (если такой критерий вообще применим к массовому кино). Однако их отличает предельная откровенность и размах в отражении радикально-экологической идеологии. Это не означает, что создатели этих лент являются по совместительству активистами или последовательными сторонниками радикальных экологических движений. Автор, как уже отмечалось, не намерен здесь проследить генезис «зеленой» продукции Голливуда. Достаточно сказать, что в отобранных для анализа случаях мы имеем дело с комбинацией давних идейных тенденций в голливудской среде, режиссерских амбиций и неотделимого от них расчета на привлекательность провокационно-радикального посыла как для широкого зрителя, так и для либеральной критики (некоторые режиссерские соображения на этот счет см.: [7; 12]). Существенно то, что, какой бы ни была предыстория создания этих фильмов, они дадут нам отличную возможность детально рассмотреть особенности голливудских вариаций на темы, предлагаемые радикальным экологизмом.

В «Аватаре» Камерона изображен конфликт между землянами (горнодобывающей компанией RDA) и инопланетянами на'ви —

аборигенами Пандоры, ставшей объектом коммерческих интересов земных горонодобытчиков. Это межрасовое столкновение подано в лишенной оттенков черно-белой «манихейской» гамме. На'ви — хрестоматийные «благородные дикари» из золотого века, живущие дружными автаркическими общинами и пребывающие в абсолютном биопсихическом единстве с природой. Технически высокоразвитые земляне, с другой стороны, за редким исключением движимы хищническими, деструктивными мотивами и демонстрируют полное равнодушие к судьбе Пандоры и ее обитателей. Конфликт перерастает в войну, в которой на помощь терпящим поражение на'ви в последний момент приходит фауна Пандоры, обеспечивая победу аборигенов и изгнание землян.

Отсутствие оттенков в созданной Камероном картине превращает ее в икону радикально-экологического кича. (Свидетельством того, что создатели «Аватара» планомерно эксплуатируют экологическую тему, является решение начать продажу DVD-версии фильма в День Земли, 22 апреля 2010 г. [15]. Интересно также, что под впечатлением от фильма в России было создано «Общественное экологическое движение Na'vi» [3].)

Режиссер любит и предлагает зрителю любоваться золотым веком первобытных обитателей Пандоры. Между тем идеологема первозданной гармонии человека и природы давно уже разрушена антропологами и экологами. На'ви трепетно относятся ко всему живому и считают себя всего лишь одной из равноправных частей «организма» Пандоры. Это созвучно тому, как обосновывают свои акции «диверсанты» из «Фронта освобождения Земли» (ЭЛФ), заявляющие, что ведут борьбу не только в интересах человека, но и в интересах братских «животных народов», подвергающихся «геноциду» [13, pp. 41—42, 49]. Однако ни аборигены Пандоры, ни «экотеррористы» из ЭЛФ не нашли бы общего языка с индейцами кри, «имевшими склонность убивать животных без разбора, в количествах, превосходивших потребности обмена или питания», или индейцами шошонами, «стремившимися истребить всех животных в округе ради быстрого увеличения запасов пищи» [11, pp. 63—64].

Не менее проблематична технофобия, которой пронизан «Аватар». Техника здесь в подавляющем большинстве случаев — сила разрушительная. И борьба, которую на'ви ведут против землян, — это прежде всего противостояние живого неживому; противостояние природного мира миру техническому; “monkeywrenching”, разросшийся до масштабов войны. (С момента выхода в 1975 г. книги Э. Эбби «Банда разводного ключа» (“The Monkey Wrench Gang”)

саботаж, “monkeywrenching”, стал одним из излюбленных методов «экотеррористов» [14, pp. 72—74].) Однако налицо очевидный парадокс. Ведь именно техника дала благородному доктору Грейс Огустин возможность оказаться в райском саду Пандоры. Именно технике был обязан своей второй жизнью на Пандоре инвалид Джейк Салли. Камерон мог бы достичь редкого в массовом кино драматизма, если бы после победы над землянами, закрытия базы и спасения на’ви Джейк навсегда лишился возможностей, подаренных ему аватаром. Но вместо того, чтобы раскрыть двойственность той роли, которую наука и техника играют в жизни человека, режиссер пошел по другому пути и в полном созвучии с технофобскими, антисциентистскими настроениями мистически переселил сознание Джейка из его немощного человеческого тела в искусственную оболочку аватара. (Интересна уже выходящая за рамки данной статьи проблема переключки «Аватара» и разнообразных неорелигиозных течений Нью Эйдж.)

«Поиски самого себя», как выразился Камерон (режиссер и сценарист в одном лице) о судьбе своего главного персонажа, закончились для Джейка трансвидовой реинкарнацией и окончательным отказом от Земли и всего земного. Вообще в пространстве созданного им мира Камерон не оставил земной цивилизации даже символической надежды. Единственный «светлый путь», открытый в «Аватаре» не только для Джейка, но для всех землян, — это разрыв с Землей: или доблестная смерть в бою с земной армадой (пилот Труди Чако); или блаженная смерть-растворение в биосфере Пандоры (доктор Огустин); или жизнь «невозвращенцев», принятых великодушными туземцами (еще несколько землян, перешедших на сторону на’ви). Камерон до конца сохраняет верность своей «манихейской» установке: конфликт между землянами и на’ви, между цивилизацией и природой был и остается непримиримым.

В этой черно-белой картине нет места тому факту, что осознание хрупкости природного мира само по себе является продуктом развития цивилизации. Не испытывавшие никакого «благоговения» перед природой дикари, как правило, просто не имели возможностей, достаточных для того, чтобы серьезно угрожать ей. Цивилизация же, разрушая природный мир намного сильнее, чем примитивные племена, постепенно пришла к вынужденному пониманию необходимости защиты окружающей среды и возвела сохранение природы в ранг важнейшей ценности. Оставляя без внимания столь неудобные «нюансы», Камерон, подобно радикальным экологистам, выносит цивилизации суровый приговор. Какими бы ни были личные воззрения режиссера, в своем, безусловно, самом знаменитом произведении

он выступил на стороне тех, кто призывает к разрушению цивилизации со всеми ее недугами, достижениями и возможностями ради «возвращения» в утопический мир, имеющий мало общего с реалиями примитивных обществ. Любование инопланетной идиллией перетекает в тотальное отрицание реального человека.

«Аватар» завершается изгнанием землян, после чего режиссер предоставляет Землю, весь фильм оставшуюся за кадром, ее собственной, надо полагать, незавидной участи. В «Дне, когда Земля остановилась» Дерриксона уже сама наша планета становится эпицентром событий, что при всей фантастичности сюжета придает ему дополнительную остроту. Более того, фильм, вышедший на экраны в конце 2008, представляет собой современную трактовку более ранней одноименной истории (реж. Т. Уайз, 1951), и те изменения, что были внесены в первоначальный сюжет, делают новую версию предметом, заслуживающим особого интереса.

В фильме Уайза, снятом в первые годы советско-американского ядерного противостояния, Земля получает ультимативное предупреждение от некоего союза инопланетных цивилизаций, предупреждающего земные правительства от попыток вынести гонку вооружений в космос (что каким-то образом может угрожать безопасности самих инопланетян). Организовав демонстрационное отключение электроэнергии в масштабах земного шара, предупредив, что расширение военных приготовлений приведет к превентивному удару из космоса и уничтожению всей планеты, и призвав землян к благоразумию, инопланетный посланец отбывает восвояси.

В ремейке, снятом Дерриксоном, тема военной угрозы со стороны землян отсутствует. Вместо этого пришелец Клаату, выступающий от имени все того же инопланетного союза, выражает озабоченность по поводу разрушения, которому земляне подвергают свою планету, являющуюся одним из редчайших космических тел, способных поддерживать существование жизни. (Показательно, что в первоначальной версии инопланетный союз готов уничтожить Землю целиком, не останавливаясь ни перед какими «экологическими» соображениями.) Предельно ужесточается и позиция внеземного разума. Если в фильме Уайза землян, даже после всех их происков против инопланетного посла, оставляют всего лишь с серьезным предупреждением, то в ремейке, столкнувшись с несговорчивостью и агрессивностью американских властей (которым режиссер доверил олицетворять все земные правительства), Клаату немедленно (и единолично) запускает процесс уничтожения человечества и всего, что создано человеком. Только ценой огромных усилий и с немалым

риском для жизни нескольким «лучшим представителям» человеческого рода удастся убедить пришельца остановить аннигиляцию. Процесс остановлен; смягчившийся Клаату покидает Землю с надеждой на то, что пережитый шок заставит землян в корне изменить свое отношение к их драгоценной планете. При этом все энергосистемы и механизмы на Земле выходят из строя. И хотя режиссер не уточняет, окончательная это остановка или демонстрационная, временная, характер предъявленного ультиматума во всяком случае не оставляет землянам надежд на продолжение активного использования техники.

Если не поддастся первоначальному соблазну отбросить обе ленты как легковесную бульварную фантастику, то при детальном рассмотрении откроется весьма тревожная картина. Контраст между двумя фильмами разителен. Первый — пусть и наивная, но вместе с тем довольно логичная фантастическая история, содержащая в целом здоровое зерно. Разумеется, предупреждение о грозящем землянам космическом ударе окрашивает весь сюжет в мрачноватые тона, однако, несмотря на это, общая тональность снятого в 1951 фильма позитивна. Землянам оставлена возможность самостоятельно решить стоящие перед ними проблемы, причем сделать это без отката в средневековье или еще дальше в прошлое. С другой стороны, ремейк 2008 проникнут враждебностью к человечеству, в нем практически сразу на первый план выдвигается идея неисправимости земной цивилизации и как нечто само собой разумеющееся, естественное предлагается сценарий тотального геноцида *Homo sapiens*. Даже после того, как глобальная зачистка остановлена, земляне остаются перед лицом надвигающегося жесточайшего испытания, вызванного демонтажем всех «несущих структур» технологической цивилизации.

Фильм, за три месяца собравший в мировом прокате 230 млн. долл., доносит до массового зрителя мысль о человечестве как о «болезни», убивающей Землю; «болезни», искоренение которой может потребовать самых решительных действий. Если не по своему конкретному содержанию, то по общему звучанию эта «антропофобская» мысль близка постулатам радикально-экологической идеологии. («Бонмо» принца Филиппа, герцога Эдинбургского, почетного президента Всемирного фонда природы, показывает, что подобные рассуждения вышли уже далеко за пределы радикально-экологических кругов и стали допустимыми даже в среде респектабельных салонных природозащитников. Принц-консорт изволил выразить следующее пожелание: «В том случае, если меня ждет реинкарнация, я хотел бы возродиться в качестве смертельного

вируса, чтобы как-то поспособствовать решению проблемы перенаселения» [8].)

Одновременно, под щебет птиц, уже не заглушаемый шумом работающих механизмов, на экране разворачивается абсурдная картина благотворного «демонтажа» технологического фундамента цивилизации. Если в «Аватаре» Камерон упоенно создает кичевые образы первобытного золотого века, еще не потерявшего своей чистоты, то в «Дне, когда Земля остановилась» Дерриксон показывает, как золотой век возвращается на «остановившуюся» Землю. Нужно ли говорить, что изображенный в фильме глобальный технический коллапс привел бы к глобальным же масштабам катастрофе с непоправимыми последствиями для всего живого? Странное впечатление производит и то, что противостоящий землянам инопланетный союз представляет собой образец высочайшего технологического развития. Земле в такой картине мироздания, очевидно, уготована судьба некой резервации для примитивного населения, живущего в вынужденной «гармонии» с природой и под присмотром технологически передовых «старших братьев по разуму». Почему такая унижительная участь должна рассматриваться как новый золотой век, можно понять только с позиций радикального экологизма, для представителей которого техническое «разоружение» землян давно уже стало самоцелью.

Неоспорим тот факт, что человечество стоит перед лицом серьезнейших экологических проблем, требующих непростых решений. Однако едва ли таким решением являются радикально-экологические программы возврата к примитивным порядкам далекого прошлого, насильственного «уравнивания» в правах людей и животных, директивного ограничения рождаемости. Скорее в данном случае мы имеем дело с опасной утопией. И, увы, образы, представшие перед зрителем в двух рассмотренных здесь фильмах, — это не просто неудачные фантастические преувеличения, не просто плод разыгравшегося режиссерского или сценаристского воображения. В «художественно приукрашенной» форме на экране нашли отражение ключевые идеи радикального экологизма. Возвращаясь с экрана в реальный мир, эти идеи, весьма вероятно, лишь сгущают атмосферу, в которой болезненные экологические проблемы превращаются в повод для безответственных антигуманных высказываний, предельно упрощенных оценок, нежизнеспособных «спасительных проектов» и разного рода авантюр.

Список литературы:

1. Кара-Мурза С. Потерянный разум. — М.: Эксмо, 2005. 736 с.
2. Крылов К. Разбирая сумрак. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.apn.ru/publications/article1729.htm>.
3. Общественное экологическое движение Na'vi. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eco.na-vi.su>.
4. Тарасов А. Анти-Матрица. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://scepsis.ru/library/id_1895.html.
5. Эко У. Роль читателя. — СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: Парадигма, 2005. 224 с.
7. Boucher G. James Cameron: Yes, “Avatar” is “Dances with Wolves” in space... sorta. [electronic resource] — Access mode. — URL: <http://herocomplex.latimes.com/2009/08/14/james-cameron-the-new-trek-rocks-but-transformers-is-gimcrackery>.
8. Did I say that? [electronic resource] — Access mode. — URL: <http://www.guardian.co.uk/lifeandstyle/2009/jun/21/quotes-by-prince-philip>.
9. Igniting a Revolution: Voices in Defense of the Earth (edited by S. Best and A. Nocella). — Oakland: AK Press, 2006. 441 p.
10. Internet Movie Database. [electronic resource] — Access mode. — URL: <http://www.imdb.com>.
11. Lewis M. Green Delusions: An Environmentalist Critique of Radical Environmentalism. — Durham: Duke University Press, 1998. 288 p.
12. Ordon M. Eye-popping “Avatar” pioneers new technology. [electronic resource] — Access mode. — URL: <http://www.sfgate.com/entertainment/article/Eye-popping-Avatar-pioneers-new-technology-3278484.php>.
13. Pickering L. The Earth Liberation Front, 1997—2002. — Portland: Arissa Media Group, 2007. 237 p.
14. Scarce R. Eco-Warriors: Understanding the Radical Environmental Movement. — Walnut Creek: Left Coast Press, Inc., 2006. 313 p.
15. Subers R. “Avatar” Strikes DVD. [electronic resource] — Access mode. — URL: <http://www.boxofficemojo.com/news/?id=2728&p=.htm>.
16. Terrorists or Freedom Fighters? Reflections on the Liberation of Animals (edited by S. Best and A. Nocella). — N. Y.: Lantern Books, 2004. 402 p.
17. Zizek S. The Matrix: The Truth of the Exaggerations. [electronic resource] — Access mode. — URL: <http://www.lacan.com/matrix.html>.

ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИИ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Хома Наталья Михайловна

канд. полит. наук, доцент,

*докторант отдела политико-правовых проблем политологии
Института государства и права им. В. Корецкого НАН Украины*

E-mail: kchoma@mail.ru

На сегодня отсутствует единая, целостная модель социального государства, за последнюю четверть века выделен ряд моделей, которые отличаются объемом льгот и обоснованием права на их получение, финансированием и организацией. Модели социального государства методологически базируются на разных идеологиях, которые предлагают зачастую противоположные подходы к решению социальных проблем, их многообразии объясняется, прежде всего, историческими компромиссами на начальном этапе существования социального государства.

Для Украины проблема выбора модели социального государства, не решена, не сформирована доктрина организации социальной сферы, наработки по подготовке концепции социального государства носят поисковый характер. Такая тенденция присуща большинству постсоветских государств. Это актуализирует тему нашего исследования.

Модели социальных государств определяются не только объемом социальных расходов, но и их эффективностью для жизни общества. Существенным фактором, отличающим социальные модели, являются структура и конфигурация, сочетание важнейших институтов социальной защиты — страхования, социальной помощи, государственного социального обеспечения, медицинской помощи и образования, размеры ресурсов, направляемых на их функционирование, а также доминирующая роль одного из институтов социальной защиты.

Попытки типологизировать модели социального государства имеют давнюю традицию в сравнительных исследованиях, но любая типология является упрощенной схемой, которая не может полностью отразить все многообразие социально-государственных программ. Несколько из них:

1. Г. Виленский и Ч. Лебо за критерием масштабов государственного вмешательства в социально-экономическую сферу выделили «*институциональную*» и «*остаточную*» модели;

2. Т. Гилтон и Н. Фернис выделили: *позитивное государство социальной защиты* (англо-американская и англо-саксонская модели), *государство социальной безопасности* (государство социальной защи-

ценности, государство социальной защиты), *социальное государство всеобщего благосостояния* (государство всеобщего благосостояния, социальное государство всеобщего благоденствия);

3. К. Эспин-Андерсон критериями типологии социального государства предлагает изменения в системах стратификации, степень расширения социальных прав и общественно-частная организация социального обеспечения; он выделяет *либеральный, консервативно-корпоративистский* и *социал-демократический* (универсальный, скандинавский) типы [2, с. 28—29];

4. Н. Гинсбург дополняет предыдущую классификацию *британским либерально-коллективистским государством всеобщего благосостояния* (сочетает социалистический и либеральный типы) [4, с. 21];

5. Ряд авторов склоняются к выделению дополнительно *католического (латинского)* типа, в котором степень ответственности за судьбу человека низкая, как и в либеральном, а необходимая помощь для людей базируется на принципах христианской морали, поступает от семьи, общины, местной власти и в последнюю очередь — от государства.

6. А. Готье выделяет *социально-демократическую, консервативную, юго-европейскую и либеральную* модели [3, с. 453];

7. В документах Еврокомиссии выделяются следующие модели: *континентальная (бисмарковской), англосаксонская (модель Бевериджа), скандинавская (северная) и южно-европейская (средиземноморская)*;

8. А. Сапир доказывает существование в рамках ЕС *северной, англосаксонской, континентальной и средиземноморской* моделей [5];

9. Е. Букоди и Р. Роберт различают шесть типов европейского социального государства: *социал-демократический, либеральный, южноевропейский, постсоциалистический корпоративистский; постсоциалистический либеральный* [1].

В украинской политической науке сформировалось несколько подходов к классификации моделей социального государства. О. Агарков, О. Новикова, А. Силенко рассматривают две основные модели: *либеральную (остаточную)* и *социально-демократическую*. В. Намчук выделяет *патерналистскую, корпоративистскую и этатистскую* модели социального государств. И. Козаченко и В. Николаевский выделяют *неолиберальный, социально-католический и социально-демократический* типы моделей. Л. Четверикова выделяет *либеральный и социал-демократический* типы, а предложенный К. Эспин-Андерсеном третий тип социального государства (*корпоративистская модель*), по ее мнению, является разновидностью социал-демократического типа социального государства. Исследователями моделей

социального государства высказываются мнения об уместности классификации социального государства по пропорции участия государства и гражданского общества в системе социальной политики.

Наше авторское видение типологии моделей социального государства базируется на значимости конвергенции идеологий под влиянием глобализации и индивидуализации, когда элементы разных политических систем взглядов синтезируются. Эпоха глобализации демонстрирует общемировую тенденцию к взаимовлиянию, прежде всего, социалистических и либеральных идей. Социал-демократические проекты наполняются элементами либерализма в отношении государства, экономики и общества. Либерализм эволюционирует в понимании личности, ее роли в обществе, испытывает на себе, особенно в сфере социальной защиты, влияние социал-демократии. В идеологию либерализма вошли социал-демократические идеи социальной защищенности и справедливости, которые предусматривают перераспределение доходов от богатых в пользу малоимущих. Неолиберализм заметно акцентирует внимание на проблемах равенства и справедливости, человеческий капитал позиционируется как приоритет социальной политики. Следовательно, социал-демократия постепенно либерализуется, а либерализм — социал-демократизируется.

В результате диффузии идеологий и под влиянием вызовов XXI в. классические типы социального государства (либеральная, корпоративная, социал-демократическая) трансформируются, по нашему мнению, в *неолиберальную, корпоративно-либеральную (консервативно-либеральную)* и *социал-либеральную*. Активизация либеральной составляющей, на наш взгляд, обусловлена процессами глобализации. Связь между либерализмом и глобализацией очевиден; глобализацию и либерализм, прежде всего, объединяет идея примата реализации частного интереса в институционально благоприятном и беспрепятственном пространстве.

Неолиберальная модель социального государства интенсифицирует активность личности и трудовую мотивацию, развитие предпринимательского потенциала, повышение квалификации и переквалификацию. Государственные социальные программы сохраняются относительно уязвимых слоев общества. Акцент — на повышение доходов от работы все большего количества людей. Но, по нашему мнению, эта модель направлена на повышение качества жизни именно работающих и обходит неработающие категории, напр., молодых матерей.

Корпоративно-либеральная модель социального государства сохраняет высокий уровень социального корпоративизма, активизируется партнерство между государством и институтами гражданского общества, однако государственные социальные программы сужаются

и все активнее поощряется индивидуальная инициативность для роста благосостояния именно за счет трудовой инициативности. Приоритет в программах социального обеспечения имеет не отдельный индивид, а семья.

Социал-либеральная модель социального государства характеризуется ослаблением принципа универсальности, сокращением всеобъемлющего характера и щедрости гарантий, наполнением содержания модели мотивам активизации инициативы индивида в самообеспечении.

По времени появления можем выделить *классические* (устоявшиеся, традиционные) модели, которые на сегодня уже трансформируются, видоизменяются, взаимовлияют, и *неомодели* социального государства (напр., модели, которые формируются в посттоталитарных государствах Центральной и Восточной Европы, проекты единой социальной модели ЕС и др.), которые еще не подтвердили готовность к эффективному внедрению в условиях глобализационных вызовов, находятся на организационной стадии, демонстрируют противоречиво-непоследовательные реформы.

По соотношению активности государства в решении социальных проблем и инициативностью граждан в решении проблем благосостояния, выделим *патерналистскую*, *классическую* и *активизирующую модели* социального государства.

Патерналистская модель основывается на идее государственной опеки на социальной сфере, концентрации в руках государства ресурсов, необходимых для жизнеобеспечения и социальной защиты населения и, в свою очередь, обеспечивают государству возможность быть субъектом принуждения. Социальная сфера, ее отрасли и учреждения огосударствленные, социальные услуги со стороны государства (различные социальные выплаты) являются чрезмерными, что не способствует развитию инициативности, активизации внутренних ресурсов личности. Этот тип теряет свою жизнеспособность под влиянием вызовов XXI века.

Классическая модель обеспечивает достаточный уровень социальной защиты уязвимых слоев населения и равный доступ граждан к базовым социальным гарантиям в сфере государственного здравоохранения, образования, социального обеспечения и трудовой деятельности. Это достигается не только за счет перераспределения материальных благ от богатых к бедным (это источник ослабевает в условиях экономической нестабильности), но и за счет повышения трудовой мотивации каждого члена общества и необходимой поддержки его усилий по реализации своего потенциала.

Активизирующая модель предполагает, что основной задачей государства является формирование системы условий для более полного использования трудового, интеллектуального, предпринимательского потенциала трудоспособных граждан, стимулирования их личной ответственности за самообеспечение. Социальное государство обеспечивает только основные потребности человека при обстоятельствах, когда человек не в состоянии обеспечить себе минимальный прожиточный уровень. Обязательным и решающим условием для получения помощи является обязанность трудоспособных граждан обеспечивать свое существование, быть социально активными, вкладывать свой труд в развитие общества, их готовность повышать квалификацию. Среди функций государства важнейшими становятся инициирование, активизация, стимулирование граждан, поднятие уровня их образования.

Реальная социальная практика базируется не только на теоретических моделях, но и учитывает исторические, культурные, экономические и политические условия, поэтому преобладают смешанные модели, в которых выделяют наиболее характерные для той или иной модели признаки. Выбор конкретной модели социального государства всегда зависит от комплекса условий, определяется конкретным типом общественно-политического устройства государства, его идеологическими, духовными принципами, особенностями современного исторического этапа. Но в любом случае социальное государство в современных условиях с необходимостью предполагает наличие, с одной стороны, сильного государства, способного нести ответственность за развитие человеческих ресурсов, а, с другой, наличие развитых институтов гражданского общества, способных поставить государство под свой контроль.

Список литературы:

1. Bukodi E., Robert P. Occupational Mobility in Europe. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2007.
2. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge, UK: Polity Press, 1990, p. 28—30.
3. Gauthier A.H. Family policy in industrialized countries: is there convergence? — Population (English ed.) Vol. 57, № 3, 2002. — p. 453.
4. Ginsburg N. Divisions of Welfare. A Critical Introduction to Comparative Welfare Policy. — London, 1993. — p. 21.
5. Sapir A. Globalisation and the Reform of European Social Models (Background document for the presentation at ECOFIN informal Meeting in Manchester, 9 Sept. 2005)// [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.bruegel.org>

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПРЕДВЕРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Гарбузарова Елена Геннадьевна

канд. ист. наук, доцент КРСУ,

г. Бишкек

E-mail: play_elenag@mail.ru

В современном мире противоречия и проблемы на региональном уровне носят глобальный характер. В свою очередь, ведущие мировые державы и влиятельные транснациональные акторы оказывают значительное влияние на ход развития региональных событий. Учитывая тот факт, что в условиях глобализации границы между внутренней и внешней безопасностью размываются, то становится довольно сложно выявить основной источник опасности таких современных угроз как терроризм и наркобизнес.

Безопасность Центральной Азии зависит от событий, происходящих в Афганистане, в виду его географического положения. Это государство — исламская республика, расположившееся на Среднем Востоке, имеет важное геополитическое значение в регионе. М. Леонтьев пишет: «географическое положение Афганистана и особый характер народа придают этой стране важное политическое значение в делах Центральной Азии, которое едва ли можно переоценить» [2, с. 51]. По определению ЮНЕСКО Афганистан входит в понятие «Центральная Азия». Соответственно любое событие, происходящее в этой стране, отражается на обстановке во всем Центральноазиатском регионе и требует комплексного, интегрированного подхода, так как в одиночку региональным государствам с новыми вызовами и угрозами не справиться.

Военно-политический статус-кво в Центральной Азии может измениться в 2014 г., когда американские войска покинут Афганистан. В 2011 г. президент США Б. Обама объявил о начале вывода американского военного контингента из Афганистана. До 2014 г. этот процесс, с последовательной передачей функций по обеспечению безопасности афганской армии, должен завершиться.

После террористических атак 11 сентября 2001 г., когда в Афганистане началась антитеррористическая война, государства Центральной Азии оказались под пристальным вниманием мирового сообщества. Внезапно, во время начала второго этапа становления независимости, соседние с Афганистаном государства стали стратегически важны в войне против терроризма. В Узбекистане и Кыргызстане были дислоцированы американские солдаты. После андижанских событий 2005 г. Вашингтон вывел свой контингент (приблизительно 1000 солдат) из Узбекистана. Западные страны активно обсуждали встречу стран-участниц ШОС в Астане и подписание резолюции, в которой отмечалось, что все иностранные государства должны закрыть имеющиеся военные базы в Центральной Азии [9, р. 5]. Обсуждалось на Западе и то, что Россия также имеет свои базы в Кыргызстане и Таджикистане, а столь существенные меры были приняты только против США. Но несмотря, ни на что, американская военная база осталась в Кыргызстане. В тот момент впервые заговорили о том, что Афганистан больше не нуждается в военной поддержке извне.

Уход американских войск из Афганистана может привести к масштабной дестабилизации в стране, повысить вероятность захвата власти талибами. С 1996 г. начался процесс исламизации Афганистана, что вызвало беспокойство региональных государств. В 2000 г. талибы при поддержке ИДУ (Исламское движение Узбекистана) захватили штаб-квартиру своего главного противника лидера Северного альянса А.Ш. Масуда: возникла угроза безопасности Центральноазиатского региона. В этот момент существенно возросла роль России и Китая в регионе, встал вопрос о необходимости создания региональной коалиции для борьбы с террористической угрозой. 14—15 июня 2001 г. в Шанхае в присутствии России, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). На саммите была принята декларация по поддержанию и обеспечению мира, безопасности и стабильности в Центральной Азии и конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Однако уже 6 декабря 2001 г. военно-теократическое государственное образование талибов было ликвидировано силами антитеррористической коалиции. Но нет гарантий того, что после 2014 г. талибы вновь не вернуться на политическую арену в Афганистане. В одночасье страны Центральной Азии может захлестнуть волна исламистских движений. После распада СССР в Узбекистане и Таджикистане активно действовала исламская оппозиция существующим режимам, но властям

удалось значительно подорвать их деятельность. Существует вероятность того, что на территории современного Афганистана и частично Пакистана и Ирана могут быть образованы новые государства по этническому признаку: Пуштунистан, Хазараджат, объединенный Таджикистан, объединенный Узбекистан, объединенный Туркменистан и Белуджистан [3, с. 458]. В начале 2012 г. в газете The Times of London были опубликованы выдержки из секретного документа НАТО о том, что в 2014 г. талибы могут вновь взять контроль над Афганистаном [11, р. 3]. Кроме того, лондонская газета отмечает, что правительство Пакистана и его межведомственная разведка (ISI) окажут движению «Талибан» соответствующую помощь.

В июне 2012 г. ШОС приняло важное решение по афганской проблеме, предоставив Афганистану статус наблюдателя. Этот шаг следует рассматривать как стремление стран-участниц к тесному взаимодействию с афганскими политическими силами по противодействию транснациональным вызовам и угрозам.

Особую остроту приобретает проблема с контрабандой наркотиков. По данным Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности 92 % мирового опиума производится в Афганистане. Североатлантический альянс неоднократно подчеркивал, что готов оказать афганским властям помощь в решении этой проблемы. Однако, специалистами доказано, что после начала антитеррористической операции в Афганистане, масштаб производства наркотиков увеличился с 185 тонн в год до 8200 тонн. К примеру, в 2010 г. во время наступательной операции Международных сил по содействию безопасности в Афганистане в провинции Гильменд, войска НАТО оставили в неприкосновенности посевы наркотиков [10, р. 4]. В 2010 г. глава Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков В. Иванов заявлял, что главным источником нестабильности и сбоев в архитектуре безопасности в Центральноазиатском регионе является производство наркотиков в Афганистане. Для эффективного решения этой проблемы необходима всеобъемлющая стратегия посредством объединения усилий всего мирового сообщества с целью предотвращения масштабного ущерба региональной безопасности и стратегической стабильности Центральной Азии.

Для предотвращения возможных деструктивных тенденций после 2014 г. центральноазиатским государствам придется приложить немало усилий, учитывая тот факт, что после распада СССР они до сих пор находятся на пути поступательного эволюционного развития и пребывают в неустойчивом состоянии. Комплексными инструмен-

тами по обеспечению безопасности и стабильности в Центрально-азиатском регионе выступают ШОС и ОДКБ. В задачи ШОС входит решение проблем расшатывающих фундаментальные основы безопасности, а также проблемы территориального характера на границах стран-участниц. Тем не менее, больше вероятен тот факт, что данная организация через региональное сотрудничество стремится противодействовать внешним угрозам. Приоритетность данной организации подтверждает заявление министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова незадолго до начала саммита ШОС в Пекине в 2012 г. «Все более очевидно, что мир находится на переломном этапе развития... Наша организация стала одним из ключевых факторов укрепления безопасности в Центральной Азии» — отметил министр [4, с. 8].

Не менее значимым является военный блок ОДКБ, созданный еще 15 мая 1992 г., и через 10 лет получивший нынешний статус. В 2012 г. по случаю 20-й годовщины подписания Договора о коллективной безопасности и к 10-ой годовщине принятия решения о создании ОДКБ президент РФ В. Путин подчеркнул в своем заявлении стратегическую значимость ОДКБ: «за десятилетний период, считаю, наша организация достойно проявила себя, окрепла и возмужала. Вырос международный авторитет ОДКБ — она стала одним из действенных инструментов коллективной безопасности в зоне своей ответственности» [5, с. 2].

Как отмечается в коллективном исследовании «ОДКБ: ответственная безопасность» роль военного блока значительно возрастет в случае повышенной активности афганских радикальных группировок. В исследовании подчеркивается: «Активизация афганских радикалов и их союзников потребует от России выполнения своих обязательств в рамках ОДКБ как в составе коллективных сил, так и на двусторонней основе. Кроме того, такая активизация создаст прямую угрозу функционированию военных объектов России и ОДКБ в Таджикистане и Киргизии.

Не исключается участие сил ОДКБ в приграничном военном конфликте, которому могут предшествовать пограничные инциденты. В частности, речь идет о недопущении проникновения вооруженных группировок талибов с афганской территории, о демонстрации военной силы и решимости отстаивать интересы коалиции с применением всех средств вооруженной борьбы, уничтожении формирований, предпринявших вторжение на территорию страны-члена ОДКБ. При этом сохранится задача избегать переноса боевых действий наземных группировок на территорию Афганистана» [8, с. 46]. Кроме

того, президент КР А. Атамбаев на итоговой пресс-конференции в Бишкеке в 2012 г. заявил, что необходимо учитывать «возможное проникновение в республику террористов после ухода из Афганистана коалиционных сил и быть готовыми к такому развороту событий. Необходимо перевооружать армию, укреплять границы. Я надеюсь на поддержку союзников из ОДКБ» [6, с. 13]. В целом трудно переоценить значение ШОС и ОДКБ в деле по обеспечению региональной безопасности в Центральной Азии.

Следует отметить, что нередко в решении вопросов региональной безопасности, центральноазиатские государства склонны действовать в одностороннем порядке. Кроме того, отмечается такая тенденция, что на фоне многочисленных внутренних и внешних проблем, они пытаются выторговать для себя определенные привилегии из сложившейся ситуации. Существует вероятность возобновления американского военного присутствия в Узбекистане. В очередной раз, разыгрывая американскую карту, в июле 2012 г. Узбекистан принял решение приостановить свое членство в ОДКБ. В уставе ОДКБ четко прописано, что «государства-члены принимают решение о размещении на своих территориях группировок войск (сил) объектов военной инфраструктуры государств, не являющихся членами организации, после проведения неотложных консультаций (согласования) с другими государствами-членами» [7]. Безусловно, не все государства-члены ОДКБ согласятся с намерениями узбекских властей вновь открыть двери США.

Учитывая американские интересы в Центральной Азии, Пентагон не допустит ухода американских солдат из региона в полном составе. Как отмечает американский политолог З. Бжезинский, США в своей политике на Востоке должны исходить из миротворческих принципов, которые будут способствовать равновесию между крупнейшими державами в этой части мира. Примечательно, что З. Бжезинский пишет: «США следует взять на себя в Азии роль гаранта регионального равновесия, которую Великобритания играла в свое время в европейской политике XIX и начала XX в. США могут и должны помочь азиатским странам не ввязываться в борьбу за доминирующее положение в регионе, выполняя функцию посредника в урегулировании конфликтов и сглаживая дисбаланс сил между потенциальными соперниками» [1, с. 38]. Но следует также подчеркнуть, что на данный момент стоит вопрос о выводе американской военной базы «Манас» из Кыргызстана. Президент КР А. Атамбаев сразу после победы на выборах на пост главы государства республики в 2011 г. заявил, что в 2014 г. истекает срок договора

с США о размещении базы, и она будет преобразована в гражданский объект. В декабре 2012 г. А. Атамбаев отметил, что присутствие американской военной базы опасно для Кыргызстана. Однако Вашингтон рассчитывает, что Киргизия проявит гибкость при решении данного вопроса.

Таким образом, стабильность в Центральноазиатском регионе — это основа интересов мировых и региональных держав. Можно попытаться выделить три ключевых задачи, которые стоят перед мировым сообществом в Центральной Азии после ухода войск международной коалиции из Афганистана: 1) поддержание порядка в Афганистане, помощь в строительстве сильного независимого государства; 2) сохранение геополитического статус-кво; 3) сотрудничество ведущих держав в борьбе с терроризмом, экстремизмом и наркоторговлей. Только совместными усилиями государств можно будет добиться сохранения статус-кво и управляемости военно-политической ситуацией в Центральной Азии. Пусть даже неэффективно осуществляется борьба с наркотиками, но, тем не менее, усилия Североатлантического альянса направлены на снижение напряженности в регионе и обеспечение баланса сил. Отход США и России от традиционных стереотипов «холодной войны» и привычки усматривать в каждом шаге обеих сторон потенциальную угрозу и поворот к конструктивному взаимодействию мог бы нацелить их на успешное решение существующих региональных проблем.

Список литературы:

1. Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад // Россия в глобальной политике. Том 10. 2012. № 1. — 232 с.
2. Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. — 319 с.
3. Нартов Н.А., Нартов В.Н. Геополитика. М.: Юнити, 2007. — 527 с.
4. Российская газета, 12 мая 2012.
5. Российская газета, 17 мая 2012.
6. Российская газета, 27 декабря 2012.
7. Устав ОДКБ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm>.
8. Юргенс И.Ю., Кулик С.А., Никитин А.И. и др. ОДКБ: ответственная безопасность. М.: Институт современного развития, 2011. — 67 с.
9. Krumm R. Central Asia: The struggle for power, energy and human rights. Berlin: Compass 2020: Fridrich Ebert Stiftung, 2007. — 17 p.
10. The Times of London, 26 February 2010.
11. The Times of London, 1 February 2012.

1.3. ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR И РЕКЛАМА

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА МЕСТНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Амершина Жанна Маратовна

*магистрант Карагандинского государственного университета
им. академика Е.А. Букетова, г. Караганда
E-mail: janna.amershina@gmail.com*

Одним из важнейших условий эффективного функционирования и развития системы государственного управления является формирование позитивного имиджа органов власти. Имидж демонстрирует степень доверия населения к власти и выступает критерием оценки социумом эффективности управленческой деятельности и проводимых административных реформ. Существующий имидж помогает определить уровень соответствия действий государственных органов ожиданиям и требованиям, как отдельных социальных групп, так и всего общества.

В этой связи, в политической практике большинства стран сегодня серьезное внимание уделяется деятельности по формированию положительного имиджа государственных служащих. В частности, многие развитые западные страны мира ставят перед собой задачу активного сотрудничества органов государственного управления с населением. На постоянной основе осуществляется мониторинг мнений потребителей о качестве получаемых государственных услуг, а также повышение их прозрачности и оперативности [1, с. 38].

Для оценки деятельности и изучения качественного содержания сформированного на сегодняшний день имиджа местных государственных органов управления в городе Караганде (Казахстан) на протяжении четырех лет — в 2009, 2010, 2011, 2012 годах — проводился социологический опрос населения, результаты которого входили в комплекс рекомендаций для руководства города.

При проведении исследования эксперты руководствовались гипотезой о прямой зависимости степени прозрачности деятельности органов государственного управления (информированности потреби-

телей государственных услуг) и уровня поддержки и лояльности населения (положительного имиджа власти).

Опрос проводился методом собственно случайной бесповторной выборки среди жителей всех районов города. Количество респондентов при каждом социологическом исследовании составляло не менее 1000 человек возрастом от 18 лет и старше с репрезентативной выборкой по полу и возрасту соответственно численности и структуре населения города. В 2008 году был проведен пилотный опрос, по итогам которого было скорректирована анонимная анкета-опросник. Опрос осуществляли интервьюеры, подготовленные руководителями исследовательской группы. Автор статьи в разные годы выступала как интервьюер и специалист группы по обработке итогов опроса, а также участвовала в написании итоговых аналитических материалов, представляемых акимату города Караганды в рамках выполнения государственного заказа.

Первый блок вопросов анкеты был направлен на выявление базовой информированности и отношения горожан к деятельности акима (мэра) города. В 2009 году менее половины населения города знало имя первого руководителя, что является, на наш взгляд, крайне низким показателем. Потенциально это может быть следствием ряда причин: низкой политической культурой горожан, неэффективностью и непрозрачностью деятельности руководства города, в частности отсутствием налаженной работы по связям со СМИ и общественностью, недостаточным освещением деятельности администрации города региональными медиа.

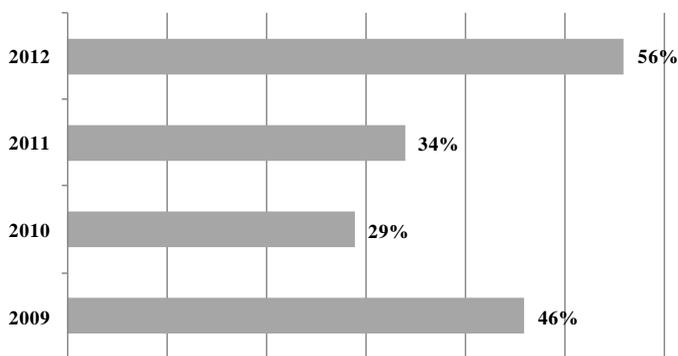

Рисунок 1. Доля респондентов, знающих имя действующего акима города

В 2010 году мы видим резкое снижение уровня узнаваемости первого руководителя города, что, вероятно, связано с назначением в январе нового акима Караганды. В 2011 году наблюдается незначительный рост показателя и резкий скачок — в 2012 году. Данный процесс автор во многом связывает с возрастанием степени освещения деятельности нового акима в региональных СМИ [3].

Последний фактор, по мнению автора, оказал влияние и на тот факт, что субъективная оценка деятельности акима города со стороны граждан существенно улучшилась в 2010 году и оставалась стабильной на протяжении трех последующих лет.

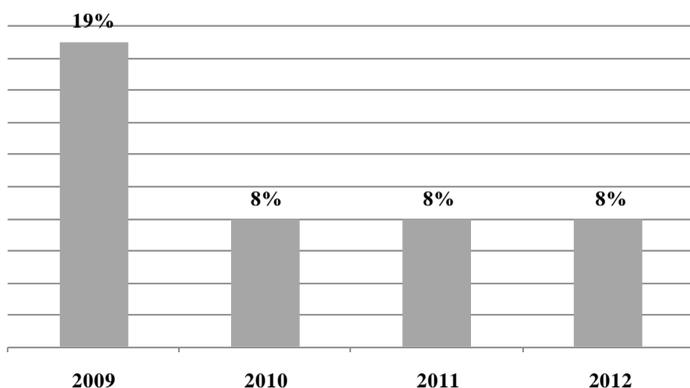

Рисунок 2. Доля респондентов, негативно оценивающих деятельность акима города

Вместе с тем, данные показатели носят неоднозначный характер. С одной стороны, это может говорить об улучшении деятельности властей города и повышении качества государственных услуг, оказываемой населению. С другой стороны, весьма высокой является доля граждан, отмечающих нехватку информации о деятельности администрации города (рисунок 3), что может свидетельствовать о том, что доля граждан, негативно оценивающая деятельность руководства города остается на прежнем уровне в силу сложности формирования отношения к объекту, не обладая достаточной информацией о нем.

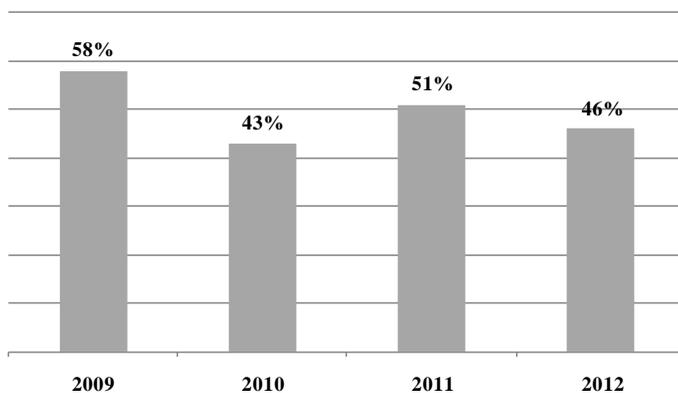

Рисунок 3. Доля респондентов, ощущающих нехватку информации о деятельности администрации города

Как мы видим на рисунке, показатели результатов варьируются, что свидетельствует об отсутствии целенаправленной работы администрации города с населением по информированию граждан о результатах своей работы. Отсутствие заинтересованности со стороны властей во многом связано с отсутствием выборности руководителей населенных пунктов в Казахстане. Назначение региональных руководителей центральными органами власти ведет к стремлению областных и городских акиматов продемонстрировать результаты своей работы, прежде всего, вышестоящим органам власти, зачастую главы городов и регионов активно не заинтересованы в формировании позитивного имиджа среди населения.

Учитывая динамику изменений, можно утверждать, что ежегодно в среднем не менее 40 % горожан не получают информацию о результатах деятельности руководства города, что говорит о крайне низкой степени как эффективности информационной работы администрации, так и в целом транспарентности деятельности. Это является, по мнению автора, крайне негативным фактором, учитывая, что роль информации в современном обществе трудно переоценить. Информация является основным продуктом производства и мощнейшим политическим и экономическим ресурсом. Еще в 1986 году Д. Белл в своей статье «Социальные рамки информационного общества» писал о том, что «... знания и информация становятся стратегическими ресурсами и агентом трансформации постиндустриального общества» [2].

Немаловажным показателем для имиджа власти является оценка карагандинцами деятельности городских властей в решении актуальных проблем, возникающих в городе. В среднем оценка за период 2010—2011 гг. была удовлетворительной, но с тенденцией к снижению в 2012 году. Это, вероятно, свидетельствует о том, что актуализировался ряд проблем, вследствие недостаточно эффективной работы городских властей в этих сферах.

Последнее подтверждают и итоги опроса, в котором горожане оценивали работу городских властей по следующим направлениям: социальная сферы, сфера культура и науки, досуга, архитектуры и инфраструктуры города, а так же экономика и экология.

Таблица 1.

Оценка жителями работы администрации по развитию города

Сфера	Средняя оценка				Динамика 2011— 2012 гг.
	2009 год	2010 год	2011 год	2012 год	
Социальная сфера	2,9	2,5	3,6	2,4	-1,2
Культура, наука	3,2	4	3,8	2,8	- 1
Досуг	2,8	2,6	3,6	2,8	- 0,75
Архитектура, инфраструктура	2,8	2,1	3,9	2,5	- 1,4
Экономика	2,8	2,5	3,6	2,7	- 0,9
Экология	3,8	2,2	2,9	2,7	- 0,2

В целом, стоит отметить довольно низкий уровень удовлетворенности граждан, учитывая, что при оценивании по пятибалльной шкале, средний показатель за все годы составляет 2,97 балла. По данным таблицы можно увидеть, что в 2012 году отмечается общее снижение удовлетворенности работой специализированных отделов городской администрации по сравнению с 2009 и 2011 годами. Наибольшая отрицательная динамика в оценках работы городских властей отмечена по направлениям: «Архитектура и инфраструктура», «Социальная сфера», «Культура и наука».

Таким образом, результаты проведенных исследований подтвердили предположение о зависимости проводимой информационной работы на формирование положительного имиджа органов государственной власти. В частности, более активное освещение деятельности акима в местных средствах массовой информации позволило повысить его узнаваемость, а количество респондентов, негативно оценивающих свое отношение к руководителю города, снизилось.

Вместе с тем, администрации города следует проводить информационную работу более целенаправленно, не расценивая информационную активность как разовое пиар-мероприятие. Доля горожан, испытывающих недостаток информации, все еще остается значительной, что сигнализирует о необходимости уделять больше внимания вопросам получения общественной поддержки через доступные каналы информации, активизировать деятельность, направленную на улучшение работы по связям с общественностью. Важность данных мероприятий несомненна, учитывая, что имидж органов государственной власти оказывает значительное влияние на отношение и лояльность населения государственной власти, определяет степень поддержки гражданами их деятельности и проводимых реформ.

Список литературы:

1. Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада. М.: Издательская корпорация «Логос», 2001. — 200 с.
2. Д. Белл. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. с. 330—342.
3. Результаты контент-анализа региональных СМИ города Караганды в 2009—2012 годах.
4. Результаты социологического опроса жителей города Караганды в 2009—2012 годах.
5. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Академкнига, 2003. — 596 с.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИЙ

ПРОБЛЕМЫ ГУМАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сусская Ольга Александровна

*канд. филол. наук, доцент, Национальный университет
«Киево-Могилянская Академия»,
г. Киев*

E-mail: susskaya@bigmir.net

Тесно связанные с проблемами формирования общественного мнения и массового сознания в целом, социологические, социопсихологические, социокоммуникативные исследования воздействий информационного пространства на личность, становятся актуальны сегодня не только для социологии коммуникации и социологии личности, но и для психологии общения и социальной психологии, теории коммуникации, психолингвистики, теории речевой коммуникации, социологии массовых коммуникаций, журналистики.

Известно, что массовая коммуникация представляет собой систему целенаправленно организованной деятельности. Важнейшим условием ее предстает коммуникативное взаимодействие коммуникатора с аудиторией. Оно обеспечено технологически — каналами, по которым поступает информация к потребителям, и психологически — взаимодействием сознания коммуникатора с сознанием его читателей, слушателей, зрителей. Однако, использование того или иного канала в виде конкретного функционального средства массовой коммуникации: газеты, радио или телевидения, еще не означает установления и поддержания социокоммуникативной связи — «коммуникативного взаимодействия», обязательно включающего в себя акты восприятия и осмысления полученной информации. Любое коммуникативное

действие и его «акторы» (Ю. Хабермас), связано со столкновением психики человека с окружающей его коммуникативной средой, в т. ч. с современным информационным пространством и социокультурной средой в целом. Взаимодействие с этими двумя средами может носить как гуманизирующий (развивающий и оказывающий позитивное влияние на личность), так и противоположный — дегуманизирующий (разрушающий личность) характер. Изучение этих вдиамопротивоположных процессов всегда превращается в решение комплекса полипарадигмальных проблем.

Полипарадигмальность, являясь одной из особенностей медиакультуры, обусловлена необходимостью сосуществования разнообразных социокультурных, социокоммуникативных (включая нарративные) моделей ее воспроизведения — преимущественно вербального, т. е. представленность её в определенных дискурсивных формах. «Многоязычие, множественность «идентичностей» и «принадлежностей», *pogranicze*, интертекстуальность — это важные компоненты современного дискурса...» [3, с. 53], — отмечает современная исследовательница литературного процесса Джованна Б. Беркофф. Сегодня принято говорить о «форматах» дискурса, хотя, с точки зрения исследователей медиакультуры, это не выдерживает критики в плане научной корректности. В связи с этим подчеркнем, что как в традиционной, так и в постмодерной социокультурной парадигме рассматриваются не только процессы трансформаций социокультурной среды, но и «метасреды», созданной благодаря экспансии сетевых технологий, совершивших «переворот» в информационном пространстве, сделав медиаконтент доступным и потенциально связанным со всеми — художественными и нехудожественными явлениями культуры, возникновением новой культуры сетевых коммуникативных отношений, перехода множественных пластов вербальной информации в пласты «экранных» изобразительных конструктов, что ранее не представлялось возможным. Создается, таким образом, совершенно новый тип культуры, основным интеллектуально-коммуникативным носителем которого является его «экранность» [7]. В связи с вышеизложенным, смысл проблемы гуманизации коммуникативного взаимодействия следует признать актуальным и рассматривать как присущий всем субъектам этого взаимодействия, как со стороны Коммуникатора, так и со стороны массовой аудитории. Здесь идет речь не только о превращении процесса *воздействия* на аудиторию масс-медиа в процес *взаимодействия* с ней; здесь необходимо комплексное изучение процессов предьявления//воспроизведения и восприятия информации в медиасфере,

что может стать актуальной проблемой коммуникативистики, насущной необходимостью журналистики, широким полем деятельности исследователей массовой коммуникации.

Представление о «гиперреальности» (Ж. Бодрияр) и в системе журналистики, и в научных средах, именуемое «совокупным контентом» информационного пространства, со временем стало значительно шире; стало очевидным, что необходимы поиски новых путей решения проблемы сосуществования в системе «человек — информация — общество» на современном витке развития последнего. Производство продукции любого средства массовой коммуникации в статистически значительных масштабах: объемах вещания и распространения, всегда влекло за собой те или иные изменения в смысловом поле реципиента [8].

При этом, социальная и психологическая значимость коммуникации в целом, и в каждом отдельном случае, а также понимание «акторами» — участниками коммуникативного действия [11] своих социальных ролей, реализуемых в конкретной коммуникативной ситуации, (что является непосредственной предпосылкой любого общения), приобретает особое значение в условиях *массового социально ориентированного общения* (термин А.А. Леонтьева) во всех его формах, соответствующих тому каналу массовой коммуникации, которым пользуются коммуниканты. Вместе с тем, как отмечал ещё Г. Маркузе, личностное пространство человека в условиях «технологической рациональности» постепенно деформируется, сужается, вплоть до исчезновения. Начинают доминировать такие черты, как: конформность, подчинённость чужому влиянию, заниженный уровень интересов, неспособность к рефлексии как способу осознания и отражения мира, ориентация преимущественно на мнения других, потребность в одобрении своих действий окружающими.

В рамках решения проблем гуманизации воздействия информационного пространства на личность [9] возникает вопрос об «экологии коммуникаций», трактуемый сегодня не только в узком смысле содержания сообщений, но и осмысления медиаконтента на основе самосознания, ценностных ориентиров личности, превращения потребительского «одномерного» восприятия. «Становление Homo communicativus представляет собой не очередной этап — «виток», поворот в переопределении человека, но синтез накопленных в истории Культуры личностных качеств. Их единство — условие и основа развития обновленной формы гуманизма, сохраняющей приоритет человека (выделение автора) по отношению к любым проявлениям коммуникативной среды» [2, с. 8].

Основой для понимания общения как с психологической, так и социокоммуникативной стороны, безусловно, является *диалогичность*, т. е. обусловленность взаимодействия сознания инициатора общения (говорящего) и адресата информации или сообщения (слушающего). Исходя из гуманизационных принципов, (а мы убеждены, что они имеют глубинный философский характер и когут трактоваться, как определяющие), *диалогичность* можно считать необходимым признаком эффективной коммуникации, в виду коммуникативного взаимодействия между участниками коммуникативного действия — «актерами» (Ю. Хабермас) — как в рамках интерперсонального, так и массового общения [11]. Именно на эту особенность, как одну из базовых характеристик процесса общения, указывают ведущие отечественные психологи, в частности, член-корр. НАПН Украины, доктор психологических наук Г.А. Балл: «Гуманистическая парадигма социальных отношений рассматривает воздействия, осуществляемые в их рамках, как моменты взаимодействия партнеров, каждый из которых трактуется всеми ними как полноправный субъект. Соответствующую стратегию воздействий принято в современном человековедении называть диалогической (как известно, в XX в., благодаря трудам Мартина Бубера, Михаила Бахтина и других, произошло переосмысление понятия «диалог», который традиционно характеризовало лишь форму общения). Диалогическая стратегия может быть противопоставлена двум гораздо более распространенным стратегиям воздействий, а именно императивной и манипулятивной, которые могут рассматриваться в качестве вариантов монологической стратегии» [1, с. 352].

Диалогизм, также отмечает и И.Т. Фролов [10, с. 43], как современный гуманизм, тесно связан со способностью к диалогу в актуальном и историческом аспектах. При этом нельзя ограничиваться теоретическим анализом диалога и применением диалогических принципов в тех или иных специальных областях (как, например, психологическое консультирование и психотерапия), при всей их значимости. Как подчеркивал А.И. Пригожин, «ставится задача найти средства перевода идеологемы диалогичности в культуру реального поведения» [6, с. 52].

Философские основы гуманизации деятельности общения, в том числе, информационной деятельности как деятельности по созданию и распространению сообщений через средства массовой коммуникации, являются в современном обществе едва ли не наиболее широкомасштабным и разветвленным видом информационного обмена, и становятся с предметом изучения целого спектра смежных

отраслей научных знаний: философии, социологии, психологии. Касаясь особенностей философского осмысления, мы склонны рассматривать гуманизм как философскую и психологическую категорию теоретико-методологического видения проблем исследования психологических детерминант коммуникативного воздействия (в т. ч. в условиях массовой коммуникации). Анализируя методологические подходы, М. Мамардашвили считал наиболее распространенным метод анализа сознания и его характеристик, соответственно «предметностям», то есть соответственно значимым для субъекта сознания объективностям, что, в свою очередь, анализируются как порождаемы саморазвитием и дифференциацией системы социальной деятельности как целого [5, с. 298]. Исходя из того, что для массовой коммуникации, в частности, для ее электронных средств — радио и телевидения, характерно использование одновременно со словом целого ряда знаковых систем, которые играют важную роль в организации, подготовке (создании) и продуцировании (воспроизведении) текста сообщений — совокупного контента, мы вправе рассматривать коммуникативную деятельность как составную часть общей социально-культурной ситуации, в которой существует человек [8].

Учитывая современные тенденции роста роли и объемов информации именно информационное пространство любого государства отражает уровень развития и перспективы демократии. Категория «информационное пространство государства» включает в себя те явления и процессы, происходящие в пространстве государства имеют к нему определенную отнесенность, и в своей основе имеют механизм власти информации. В свою очередь, информационное пространство Украины — это среда, в которой осуществляется формирование, сбор, хранение и распространение информации, это те явления и процессы, происходящие в пространстве государства, что имеют к нему определенную отнесенность, и в своей основе включают механизм власти информации.

С развитием и распространением средств накопления, хранения и передачи информационных ресурсов информационное пространство приобретает новые, более сложные черты и важное значение в формировании общественного мнения, воспитании, наконец, лояльности или нелояльности. Отсюда и вытекает его огромное значение, особенно в обществах переходного периода.

Проблемы коммуникативной адаптации в информационном пространстве. Весь комплекс вопросов, связанных с функционированием информационного пространства любой страны весьма условно можно разделить на несколько следующих групп: а) политические;

б) правовые; в) экономико-финансовые; г) технологические; д) психологические; е) культурно-образовательные. Эти проблемы тесно связаны между собой, и поэтому не могут рассматриваться отдельно, так же как и их решение должно носить системный характер и четкую направленность. Попробуем проанализировать присущие современному украинскому информационному пространству проблемы и определить перспективы их решения.

Проблемы политического характера в основном заключаются в некоторых противоречиях развития и тактиках перехода к демократии, которые можно свести к следующему. До сих пор в независимой Украине нет собственной действенной концепции информационной политики — своеобразного компаса, по которому сверяются результаты реформирования национальной информационной системы. В течение двух последних десятилетий информационное пространство нашей страны формировалось и развивалось стихийно, фрагментарно, параллельно, а иногда, и вопреки провозглашенным демократическим ценностям и нормам, в т. ч. и тенденциям гуманизации общественных отношений.

В политическом плане, как позитив, следует отметить, что появляются публикации, законодательные акты, разворачиваются дискуссии по поводу оптимизации функционирования национального информационного пространства, взаимовлияния и включенности его в систему мирового информационного обмена.

Правовые проблемы. В настоящее время можем констатировать, что Украина имеет достаточно развитую правовую базу, но она мало действенна, или в силу разных причин просто не выполняется; интересные и прогрессивные правовые разработки специалистов разного уровня по информационному праву зачастую с трудом согласуются с реалиями. Целый ряд проблем, как уже отмечалось, почти полностью остается без внимания со стороны государства. Отсутствие концепции информационной политики, согласованной правовой базы и постоянная нехватка средств у государства, практически устранили его из этой сферы. Именно таким образом, достаточно прогрессивное правовое поле украинского государства теряет свою привлекательность и актуальность, на его основе уже невозможно дать оперативный и эффективный ответ на вызовы современности.

В пределах круга правовых проблем также должны признать невыполнение некоторых крупных демократических прав и свобод граждан, таких как, например, свобода доступа к информации, а также право на общественный контроль за деятельностью власти.

Обеспечение прозрачности государственных органов является одной из предпосылок формирования демократического общества, а обязанность государства по предоставлению правдивой и непредвзятой информации гражданам лежит в основе построения гражданского общества и расширения взаимной ответственности власти и общества.

Экономические проблемы. Неэффективность экономических реформ, низкая платежеспособность населения — все это негативно сказывается на функционировании информационного пространства Украины. Используя неспособность государства в экономической поддержке медийной сферы, информационное пространство узурпируют в своих собственных интересах определенные экономико-финансовые группы (как внутренние, так и внешние), причем цели, которые они преследуют зачастую очень далеки от целей общественного развития Украины. Сюда относятся и неурегулирование вопросов первоначальной приватизации агентов информационного пространства, что привело к потере контроля над этим процессом со стороны государства, и несостоятельность украинских субъектов медиасферы действовать в интересах Украины в международном информационном пространстве, формируя имидж нашей страны.

Технологические проблемы. Следующий круг проблем касается технологического обеспечения деятельности субъектов информационного пространства, находящегося в прямой зависимости от решения экономико-финансовых вопросов. Два главных «опорных» аспекта этой проблемы: во-первых, в телекоммуникационной сфере объективно существуют возможности использования новых современных технологических разработок, и с внедрением соответствующих технологий, становятся всё более широкими; во-вторых, проблемой их использования, с одной стороны, является недостаток у большинства агентов информационного пространства средств, а с другой — проблема в определенном консерватизме, причем как со стороны самих этих субъектов, так и со стороны топ-менеджмента. Технологическая политика как составляющая информационной политики в Украине недостаточно развита и как результат — технологическая отсталость и потеря позиций в оперативности информации. Здесь также возникает проблема относительно низкого качества уровня и неконкурентности национального телерадиоинформационного продукта.

Психологические проблемы. Наряду с этими трудностями, большой круг проблем создает комплекс психологических вопросов, связанный с процессами, происходящими в сознании и самосознания людей, сдвигами в системе потребностей и ценностей. Слом старой структуры общественного сознания и кризис индивидуального

сознания, вследствие разрушения утопических представлений, девальвации ценностей и норм, сами по себе не могли привести к рождению новой системы общественного сознания, как ожидалось в период становления независимой Украины. Современное украинское сознание уже избавилась от многих недостатков и преимуществ сознания прошлой эпохи, но до сих пор не приобрело новых черт, сознательных или подсознательных признаков информационного общества, в которое мы пытаемся войти. Только когда человек перестанет чувствовать себя лишь средством, и ощутит себя полноправным субъектом информационного пространства, он сможет более полно раскрыть свои внутренние возможности творческого развития. Понятно, что такое отношение к реальности требует высокого духовного развития и интеллектуального уровня.

Культурно-образовательные проблемы. Сфера культуры, наряду с другими, находится в состоянии стагнации, что обусловлено, во многом, системным экономическим кризисом. Среди последствий можно отметить и падение общего уровня образования, что логично отражается в изменениях в духовных потребностях человека; и размывание интеллектуальной и культурной направленности личности, что, в свою очередь, искажает сам процесс формирования человека и гражданина. Даже группы, стоящие в авангарде гражданского общества, т. е. сами журналисты, во многих случаях демонстрируют явную необразованность, некомпетентность, что влечет за собой проблемы доверия, снижение уровня объективности и достоверности информации, падает доверие к социальным институтам общества и одновременно деформируются представления людей о реальных и иллюзорных социальных статусах.

Наша страна выбрала путь развития и становления демократического общества, и здесь необходимо учитывать, что отношения коммуникативного взаимодействия, приходящие на смену императивному воздействию в масс-медийном пространстве — сложная сфера, решение проблем которой требуют высокого профессионализма, причем решаться они должны комплексно, исходя из широкого спектра, как проблем социального управления, так и проблем организации информационного пространства, качественного улучшения его содержания; здесь одной из важнейших предстает проблема гуманизации коммуникативного процесса, увеличение значимости субъектности реципиента, во всех аспектах информационной деятельности. Только в этом случае возможно преодолеть все сложности перехода к глубинной демократизации и формированию настоящего гражданского общества.

Список литературы:

1. Балл Г.А. Психология в радиогуманистической перспективе: Избранные работы. — М.: Изд-во Основа, 2006.
2. Баркова Э.В. Homo communicativus как субъект Возрождения XXI века / Э.В. Баркова // Коммуникативные стратегии информационного общества: Междунар. науч.-теор. конф. Спб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. С. 6—10.
3. Беркофф Д.Б. Существует ли канон украинского литературного Барокко? / Д.Б. Беркофф // Украинский гуманитарный обзор. Вып. 16—17. — К.: Критика, 2012. С. 9—54. — укр. яз.
4. Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл; Издательский дом «Академия», 2007.
5. Мамардашвили М. Как я понимаю философию / М. Мамардашвили. — М., 1990.
6. Пригожин А.И. Диалогические решения // Общественные науки и современность. — 2004. — № 3. — С. 51—60.
7. Разлогов К.Э. Экран как мясорубка культурного дискурса / К.Э. Разлогов // Экранная культура. Теоретические проблемы. — СПб, 2012.
8. Сусская О.А. Информационное поле личности: Формирование информационного выбора в условиях современной социокультурной среды. — К., 2003. — укр. яз.
9. Сусская О.А. Гуманизационные задачи формирования украинского информационного пространства / О.А. Сусская // Вестник Государственной академии руководящих кадров культуры и искусств. — К. — 2001 — № 2. С. 27—38.
10. Фролов И.Т. Вступительное слово на Первом Российском философском конгрессе // Вопр. философии. — 1997. — 11. — С. 41—44.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. С нем. под ред. Д.В. Складнева, послесл. Б.В. Маркова. — СПб.: Наука, 2000.

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

СУЩНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ БЕСКОНЕЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ

Воробьёв Дмитрий Олегович

*аспирант кафедры философии и религиоведения ОГПУ, г Оренбург
ассистент кафедры философии ОрГМА,
г. Оренбург*

E-mail: dratsolonchack@mail.ru

Маслова Елизавета Григорьевна

*студент 2 курса стоматологического факультета, 23 группы ОрГМА,
г. Оренбург*

E-mail: lisa_maslova@mail.ru

Бесконечность одно важнейших и основополагающих понятий в философии. Введённое в философский дискурс греческими мыслителями понятие бесконечности до сих пор не теряет своей актуальности и значимости в различных сферах знания, прежде всего, касаясь философских исследований и точных, математических наук.

Рассматривая философский аспект проблемы бесконечности, мы должны, прежде всего, выделить те проблемы, с которыми сталкивается человеческое сознание, в попытке помыслить, открыть для себя бесконечность, узнать её сущностные основы.

Во-первых, понятие бесконечность связано, по мнению авторов, с рядом характеристик, имманентных ей и определяющих её своеобразие, например, таких как абсолютность, неизменяемость, всеохватность, беспредельность, незавершённости. Эти характеристики, по нашему мнению, являются базисными, онтологическими характе-

ристиками бесконечности, задающие особые свойства бесконечности, такие как парадоксальность, трансцендентальность, метафизичность [3].

Во-вторых, понятие бесконечность познаётся и объективируется как наличная данность мирового бытия, как его необходимая часть, через дихотомичное ей понятие конечность. То есть именно конечность определённых процессов, в том числе и жизни самого человека, задало проблему бесконечного в бытие мира и человека [4]. Смерть как феномен индивидуального субъект-объектного я-бытия изначально задаёт жизни линейность и определённость [5, с. 258—259]. Безусловно, также и то, что самоосуществление субъект-объектной экзистенции в различных событиях и действиях определённо и количество вариаций субъект-объектных действий, как правило, уже известно [4]. Но, тем не менее, несмотря на кажущийся детерминизм жизни субъекта, и объекта, именно наличие бесконечности как величины неопределённой, неузнанной до конца, рождает в бытие одного из членов общества так называемую аномалию — нетипичное поведение, мышление, нетипичную репрезентацию я-бытия вовне. Наличие бесконечности как элемента мирового бытия приводит к нарушению однонаправленного самоосуществления и развития бытия в целом, оно вкладывает в принцип развития относительность и случайность, порождая постоянную гносеологическую неизвестность.

В-третьих, мы можем также выделить другой аспект проблемы бесконечности, её непосредственную связь с вечностью и априорными формами мирового бытия. Обладая такой характеристикой как абсолютность, бесконечность сливается с вечностью, и вечность становится одним из элементов бесконечности. Через взаимодействие с вечностью бесконечность обретает такую важную характеристику как незавершённость то есть постоянную потенциальность мирового бытия в своём развитии во всех своих формах [3]. Рассматривая вопрос о сущностном взаимодействии и взаимопроникновении вечности и бесконечности мы, так или иначе, снова возвращаемся к сознанию познающего субъекта, постигающего окружающее бытие в основном посредством граничных категорий и понятий [1, с. 98—100]. Например, к ним относятся три выделенные философами априорные формы окружающего субъекта бытия: космос, время и пространство. Как мы полагаем, эти понятия, обозначающие основные формы существования материи входят в непосредственный конфликт с понятием бесконечности. Время и пространство, как и космос, есть понятия границы, то есть, они ограничивают и вносят определённые субъективные и объективные закономерности в существование и развитие различных форм материи. Кроме того, пространство

и время выступают своеобразными направляющими, субъект и объект осуществляют в них и посредством их своё индивидуальное бытие во всём его многообразии. Обозначая буквенно или с помощью цифр, те или иные свойства окружающего нас бытия, мы выделяем собственную экзистенцию из бесконечности самоосуществления мирового бытия, наделяя, таким образом, своё индивидуальное бытие и его реализацию в объективной реальности смыслом и содержанием. Космос также играет роль ограничителя потенциальной бесконечности.

В-четвёртых, безусловная сложность познания бесконечности. Человеческое сознание с трудом может вместить и постичь то, что не имеет пределов, и что обладает абсолютными свойствами. Поэтому частым выходом для субъекта становится сознательное употребление и использование когнитивных редукций, операций, связанных с когнитивным упрощением знания, для того, чтобы наделив его человеческими смыслами, приблизить к себе и познать хотя бы частные элементы и аспекты. Но, тем не менее, существуют эффективные практики познания, позволяющие наиболее адекватно и эффективно подойти к проблеме изучения и познания бесконечности. С точки зрения авторов, таковыми являются феноменологическая редукция и трансцендирование [1, с. 98—100]. Применение этих методов в практике познания бесконечности требует определённого уровня развития не только мышления субъекта, но и сознания в целом. Познание бесконечного граничит с человеческой точки зрения порой с невысказанным, парадоксальным, абсурдным. И именно в этом одна из составляющих сложности понимания и восприятия бесконечности. Человеческое сознание должно быть развито настолько, что не только примет новое знание, но также с помощью различных когнитивных практик переведёт его в теоретическое и практическое знание, основанное на оригинальных, индивидуальных выводах, подкреплённых соответствующими данными и результатами. Причём субъект должен будет противостоять появлению в процессе познания бесконечности старых шаблонов и стереотипов восприятия данной категории, как своих собственных, так и сторонних, приходящих извне.

Поэтому именно феноменологическая редукция, находящаяся в активном взаимодействии с трансценденцией могут приблизить субъекта к искомому аспектам бесконечности. Феноменологическая редукция, опирающаяся на исследование аспектов мирового бытия в качестве феноменов, отсекающая путём волевого решения всё привнесённое знание, обращающаяся к истокам исследуемого объекта и трансценденция, которая позволяет избежать влияния собственного Я на процесс познания, по мнению авторов, есть

наиболее эффективные методы познания бесконечности [1, с. 98—100]. Кроме того, эти методы позволяют избежать тенденции к упрощению полученного знания, вульгаризации гносеологического результата.

Также важным элементом в понимании бесконечности является её связь с экзистенцией. В экзистенциальном ключе бесконечность мы полагаем как нечто, что вмещает в себя все формы окружающего бытия [2, с. 344]. Очень часто бесконечность становится синонимом пустоты, забвения, одиночества. Бесконечность по сравнению с экзистенцией человека вечна, она окружает нас и навязывает свои законы, субъект и объект стремятся избежать соприкосновения с бесконечностью, которая манит своей беспредельностью и бессмертием, словно бездна. Она внушает страх, ужас, отвращение, потому что она независима, неумолима, неподвластна нам, её присутствие в мире выдаёт его смертность и ветхость. Ощущение бесконечного приближения к краю, которое не закончится никогда, рождает ситуацию абсурда. Субъект и объект, хотят её избежать и упорядочить, основываясь на определённом ряде закономерностей, но мировое бытие настолько многолико, в том числе и в этой ипостаси — бесконечности, что субъект-объектное познание самоосуществления бытия далеко от своего завершения и вряд ли когда-либо к нему приблизиться полностью.

Список литературы:

1. Мамардашвили М.К. Кантианские вариации. М.: Аграф (серия: путь к очевидности), 2001. — 312 с.
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 319—344.
3. Спирин В.Г. Финитная философия себя изжила. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://metafilosof.narod.ru/fininit.htm> (дата обращения 23.12.12).
4. Суворова О.С. Телесность человека как основа его жизни и единства с природой. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://elib.org.ua/philosophy>. (дата обращения 23.12.12).
5. Хайдеггер М. Бытие и время/ Пер. [с нем. и примеч.] В.В. Бибихина. — М.: Ad Marginem, 1997. — 451 с.

ГЕНЕЗИС МОРАЛИ КАК СЛОЖНООРГАНИЗОВАННАЯ СИСТЕМА

Кашин Даниил Олегович

*канд. филос. наук, доцент ТГАСУ,
г. Томск;*

E-mail: kassintomsk@mail.ru

В анализе генезиса морали в истории развития представлений о данном феномене сформировались две основные точки зрения на вопрос об источнике морали. Первая говорит о интенциональном, внутрлическом характере данного явления, то есть о том, что источник морали и нравственности находится только в самих людях. В рамках данного подхода развивается имморализм, который имеет несколько вариантов. В частности, субъективистский подход, например, Ламетри утверждающий, что если что-то полезно для меня, то и это и есть добро; групповой, представителями которого являются и Гельвеций, и Бентам, и Милль — что полезно для групп людей, то и есть добро. Одним из вариантов такого подхода является и ригоризм, когда человек приносится в жертву принципам etc.

Вторая группа концепций утверждает внечеловеческий характер морали. Разумеется, сюда относятся все идеалистические, а также религиозно-идеалистические концепции, которые предлагают существование некоего априорного источника морали и нравственности, выступающего либо в виде философского абсолюта, либо высшего трансцендентного начала, недоступного пониманию человеческого разума. Подобный подход всегда вызывал и вызывает массу возражений. Иллюстрацией этому могут служить высказывание многих великих мыслителей, в частности, Гольбаха: «Словом бог люди всегда обозначают наиболее скрытую, далекую и неизвестную причину наблюдаемых явлений» [1, с. 36]. По сути, Гольбах говорит о том, что это не ответ на вопрос, это уход от ответа — отнести источник мораль к области непознаваемого, стоящего вне рамок человеческого разума. Другими словами, подразумевается, что бог появляется там, где есть бессилие разума.

Однако живучесть подобных представлений обусловлена также и социальными факторами, так как подобные теории оказываются весьма удобными для элитарных групп, владеющих и распоряжающихся ресурсами: «Бесконечно многим обязаны Христу богачи, потому что он вносит добрый порядок в их дома и хозяйство. Христос дурных рабов делает хорошими» [2, с. 71]. Уместно здесь вспомнить

и Вольтера с его «социальным аргументом», суть которого сводится не к вопросу о том, есть бог или нет, а к мысли, что верить в него полезно как для человека, так и для общества в целом. Получается, по меткому выражению Плеханова, что нравственность умеет ходить только на религиозных костылях, и начинает хромать, когда их лишается.

Конечно, этими двумя подходами не ограничивается все многообразие представлений о морали и нравственности в обществе. Существует масса и других вариантов подхода к данной проблеме. Надо заметить, что практически все философы, обращавшиеся к этой проблематике, указывают в первую очередь, на двойственный характер человеческой природы, на то, что человек постоянно разрывается между двумя разнонаправленными стремлениями — между желанием удовольствия и необходимостью следования нормам. Наиболее ярко это противоречие проявилось в учениях Ницше и Фрейда. Человек у них предстает, по сути, в виде циркового хищника, приученного есть из миски, и выполнять трюки по приказу дрессировщика, но на самом деле желающего одного — вырваться из клетки, прекратить весь этот балаган с «трудом», «познанием» и прочими самоограничениями и убежать в лес, разрывая на части всех, кто слабее.

В книге известного американского ученого Марка Хаузера утверждается, что люди обладают врожденным моральным инстинктом, действующим независимо от их пола, образования и вероисповедания. Благодаря этому инстинкту, они могут быстро и неосознанно выносить суждения о добре и зле.

Рассмотрим следующие сюжеты:

1. Хирург направляется в больницу, навстречу ему выбегает медсестра, описывая сложившуюся неординарную ситуацию: «Доктор! Санитарная машина только что доставила пять человек, все они в критическом состоянии. Двое имеют повреждение почек, один поражение в области сердца, у другого сильно травмировано легкое, наконец, у последнего — разорвана печень. У нас нет времени для поиска доноров этих органов, но сейчас в приемной сидит здоровый, молодой человек. Он только что вошел, чтобы сдать кровь. Мы можем спасти всех пятерых пациентов, если возьмем необходимые органы у этого молодого человека. Конечно, он не выживет, но мы спасем пять человек». Действительно ли морально допустимо для хирурга взять органы этого молодого человека?

2. Поезд движется со скоростью 150 миль в час. Внезапно на панели загорается лампочка, указывающая на полный отказ

тормозов. Прямо перед машинистом, вдоль путей по ходу движения поезда, идут пять человек, очевидно не осознающих, что на них движется поезд. Машинист замечает, что впереди есть разъезд и по той ветке идет только один пешеход. Машинист должен принять решение: продолжать двигаться по своему пути, таким образом, убив пятерых, или изменить направление движения поезда и, таким образом, убить одного человека, но спасти пятерых. Действительно ли морально допустимо для машиниста изменить направление движения поезда?

Мы отвечаем на эти вопросы быстро, не тратясь на размышления. Естественно, анализируя ситуации, мы найдем факторы, определяющие наш ответ. Однако и все же: казалось бы, аргументированные ответы не имеют под собой осмысленного рассуждения. Автор книги объясняет это тем, что все люди обладают моральной способностью, которая позволяет автоматически и подсознательно оценивать вариации ситуаций и действий, опираясь на принципы, определяющие, что допустимо, обязательно или запрещено. Хаузер на протяжении своей работы говорит о врожденном универсальном «базисе» морали, который вырастает в целую систему в процессе взросления и социализации человека. Универсален только базис, но, естественно, культура, моральные и этические особенности народов различаются [3].

Генетическая запрограммированность моральных категорий не отрицает разнообразия моральных систем в различных культурах. Человеку, в отличие от животных, с рождения дан своего рода моральный строительный набор, которым пользуются воспитатели, формируя удобную для конкретного общества систему морали. Но сама способность отделять добро от зла зиждется на универсальных принципах.

Мораль, как и другие общественные нормы, способствует взаимопониманию членов группы. Соблюдение принятых установок повышает выживаемость человека. Стая (не только людей, но и любых других существ) более боеспособна и защищена, чем одиночный боец. Поэтому для человека биологически важно быстро определить, кто со мной, а кто против меня, кто за всю группу, а кто — только за себя. Тут и спасают почти мгновенные подсознательные моральные оценки. Марк Хаузер резонно заключает, что здесь действует неосознаваемый человеком механизм морального выбора. Природа поступила мудро, спрятав моральные нормы в подсознание. Если бы каждый раз приходилось методично просчитывать решение нравственных задач, то на выбор уходило бы чересчур много времени. Мораль — такой же отдельный «орган» мозга, как родной язык

человека. Ведь, говоря на нем, мы не думаем всякий раз, где поставить подлежащее, где — сказуемое.

Врожденные моральные параметры по Хаузеру — это не сами установки (не убий, не укради и т. д.), а некие психические способности, которые формируют систему моральных императивов. Это врожденное распознавание обмана и справедливости или — несправедливости, случайности или преднамеренности действия и целостности цепочки событий, восприятие заботы, осознание намерений других людей и т. д. Из них, как из конструктора, каждая культура складывает свою систему морали. То, что они могут быть похожи, говорит не только о родстве культур, но и о сходстве механизмов формирования моральных принципов, естественного процесса развития индивидуального сознания. Эти принципы обязательно проявятся независимо от интенсивности или направленности обучения, культурных традиций.

В этом контексте синергетическая парадигма представляется наиболее продуктивной, когда мы ведем речь о происхождении морали. В самом деле, наверное никто не станет отрицать того факта, что мораль не существует вне социума, точнее в ней нет необходимости. Когда я нахожусь на необитаемом острове, мне нет нужды соотносить свои действия с другими, я не могу быть ни альтруистом, ни эгоистом. Это позволяет утверждать коллективный, социальный характер такого явления, как мораль и нравственность. Если же мы рассматриваем общество, как систему, то мораль оказывается тем самым свойством эмерджентности, появляющимся и существующим только тогда, когда элементы системы упорядочены определенным. То есть мы можем предположить отсутствие морали, как побуждающего мотива действия у человека вне социума, и ее наличия в социальной общности.

Многие экспериментальные исследования показывают, насколько сильно трансформируется поведения индивида в коллективе, социальной общности. Возможно, ключевым фактором появления морали является именно количество элементов системы, то есть когда возникает структура, для которой уже недостаточно той формы регуляций отношений, которая позволяет достаточно комфортно существовать малым сообществам. Таким образом, рост числа элементов системы с необходимостью вызывает появление качественно иной системы регуляции взаимоотношений внутри сообщества индивидов, которой и оказывается система моральных норм и нравственных императивов, обуславливающих поведение и формирующих нормы взаимоотношений.

Этнографические исследования и экономические игры ясно показывают, что в маленьких группах от плохих поступков людей удерживает боязнь осмеяния и позора. А вот в крупных и обезличенных социумах общественного порицания явно недостаточно, и тут подключается закон, определяющий наказание. В обществах с кодифицированной моралью возникает психологическое противоречие: человек как бы получает право ориентироваться только на юридические нормы и игнорировать моральные. Однако естественная нравственная основа не умирает и здесь. Поэтому возникли различные социальные институты, которые помогают разрешить конфликты с «внутренней моралью»: благотворительность, религиозность, экономическое влияние, сужение круга общения, избирательная восприимчивость к информации. Все они призваны восстановить гармонию между различными блоками человеческой психики, которая сильно страдает в нашем несправедливом мире.

Таким образом, можно предположить, что размер сообщества является одним из важнейших факторов, влияющих на формирование и закрепление моральных норм. Конечно, сложно определить с точностью до одного человека тот минимум, при котором с необходимостью должны появляться внебиологические регуляторы поведения, к которым и относится мораль. Это требует дополнительных и масштабных исследований, как социальной, так и психологической направленности.

Список литературы:

1. Гольбах П. Система природы. М.: Соцэкгиз, 1963. — 716 с.
2. Очерки истории этики. М.: Мысль, 1969. — 430 с.
3. Хаузер М. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Дрофа, 2008. — 639 с.

3.2. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

АРТЕФАКТ КАК СТРУКТУРНАЯ ЕДИНИЦА КУЛЬТУРЫ

Белов Евгений Алексеевич

аспирант, кафедра культурологии, Тюменская государственная академия культуры искусств и социальных технологий, г. Тюмень

E-mail: cinemot@gmail.com

Культурология и смежные с ней дисциплины (искусствоведение, этнология, археология и т. д.) базируются на исследовании искусственных объектов, но до сих пор отсутствует признанная междисциплинарная классификация и какая-либо теория, объясняющая их генезис и эволюцию. В большинстве естественных и гуманитарных наук имеются фундаментальные единицы, выделение которых обеспечивает дальнейший прогресс научного знания (клеточная теория в биологии, атомная теория строения вещества в химии и физике, «знак» в семиотике, «слово» в лингвистике и т. д.).

В научной литературе содержится относительно небольшое количество работ, рассматривающих искусственные объекты в качестве самостоятельного предмета изучения. Основные труды написаны археологами, искусствоведами, музееведами и многими другими исследователями культуры, однако эти источники носят больше описательный и герменевтический характер, объекты рассматриваются преимущественно с эстетических и/или исторических аспектов. В отечественной литературе существует несколько серьезных работ, посвященных разработке «теории искусственного объекта»: докторская диссертация А.Б. Красноглазова («Функционирование артефакта в культурно-семантическом пространстве»); сборник трудов «Онтологии артефактов», созданный по материалам одноименной международной конференции (Москва, 2010); различные публикации российских культурологов, философов и социологов. В зарубежной литературе культурология до сих пор является отраслью таких наук как антропология и социология, поэтому искусственные объекты изучаются преимущественно в рамках классических дисциплин (таких как искусствоведение и археология). Однако у некоторых постмодернистских философов можно встретить труды по исследованию предметов

человеческой деятельности (например, книга Ж. Бодрийяра «Система вещей» или М. Фуко «Слова и вещи»).

Остановимся на исследованиях А.Б. Красноглазова. В диссертации в качестве элементарной единицы искусственного мира он выделяет понятие «артефакт», понимая под ним «любой искусственно созданный объект равно как физический, так и идеациональный». Красноглазов также вводит понятие «культурно-семантическое поле», которое «порождается скоплением однородных артефактов и одновременно детерминирует их формирование и интерпретацию» [4, с. 7; 15]. Вообще термин «артефакт» заимствован культурологами из археологии, и первоначально использовался в философских науках с целью подчеркнуть отличие искусственного, созданного человеком предмета или орудия от природных объектов. Археологи подразумевают под артефактом продукт индивидуальной деятельности человека (противоположно «строению» — результату семейной/ групповой деятельности, «памятнику» — продукту деятельности общины, «региону» — совокупности предметов произведенных группами людей). Некоторые археологи разделяют артефакты на четыре категории: транспортабельные артефакты, характерные черты, строения и экофакты [8, с. 156—158].

Культурологи расширили традиционное понятие «артефакт», некоторые выделяют его в отдельную категорию «культурный артефакт». Так, А.Я. Флиер определяет культурный артефакт как «интерпретативное воплощение какой-либо культурной формы в конкретном материальном продукте, поведенческом акте, художественном произведении, информационном сообщении или оценочном суждении» [9, с. 199]. Многие культурологи рассматривают культуру как совокупность структурно-типологических форм или подсистем культуры (субкультуры, элитарная и массовая культуры, народная, традиционная, специализированная и т. д.) [3, с. 55]. Поэтому и «культурный артефакт» рассматривается только с точки зрения воплощения «культурной формы» в каком-либо материальном продукте. Можно предположить, что такой подход лишает артефакта статуса «культурной единицы» и вносит определенную путаницу, так как артефакты одной культурной формы могут переходить в другую по прошествии некоторого времени. Красноглазов в диссертации описал многовековую эволюцию персонажа Дона Кихота, оперируя категорией «транскультурный образ» («артефакт, существующий и примерно одинаково распознаваемый в культурном контексте разных исторических эпох и культур»). Он выделил основные пункты развития художественного образа, превращающегося впоследствии в транскультурный: 1) рождение художественного образа,

2) выход образа из произведения, 3) становление образа национальным общекультурным артефактом, 4) выход образа в инокультурные контексты, 5) превращение в транскультурный образ, 6) динамика интенсивности использования в поле транскультурных коммуникаций такого образа [4, с. 208, 212]. Так, на примере художественного образа, можно увидеть, что артефакты способны влиять на культурные формы, не только одной страны, но и всего мира. Некоторые зарубежные философы придают артефактам онтологический статус, замечая, что «в отличие от естественных объектов артефакты обладают сущностью, природой, зависящей от умственной активности», и что «артефакты на самом деле изменяют не только круг наших возможностей, но и нас самих» [6, с. 31, 73].

Кроме категории «артефакт» существуют и другие понятия, обозначающие элементы искусственного мира. Так, в книге «Система вещей» Ж. Бодрийар вообще не использует термин «артефакт» предпочитая более пространное слово “objet” (объект, предмет, вещь, изделие), и даже использует понятие «технемы» (по аналогии с «монемами» и «фонемами» лингвистики), обозначающее «простые технические элементы, которые отличны от реальных вещей и на сочетании которых основывается технологическая эволюция» [1, с. 11]. Очень важно, что Бодрийар характеризует «технемы» как постоянно эволюционирующие элементы. Известный американский генетик Р. Докинз вводит другой термин — “meme” (от греческого μίμησις — «подражание», «имитация»; в русском варианте «мем/мим»), обозначающий репликатор, культурный ген, распространяющийся копированием через человеческий мозг с помощью подражания, в виде идей (мысли, мелодии, изобретения, тексты) [2, с. 276]. Однако категория «артефакт» (в культурологии) включает в себя все объекты созданные человеком: вещи, «технемы», предметы нематериальной («духовной») культуры — мысли, идеи, запреты, сказания и т. д. Это свидетельствует об универсальном (междисциплинарном) характере этой категории, что позволяет рассматривать ее в качестве наиболее подходящей структурной и функциональной единицы культуры.

Для формирования модели «теории искусственных объектов» необходимо упомянуть еще одно фундаментальное понятие — «знак». В информационных процессах знаки являются элементарными носителями информации, которые объединяются в знаковые системы — элементарные базы данных [5, с. 6]. Информация об артефакте передается с помощью знаков, поэтому «знак» в некотором роде является «геном» артефакта, а значит и культуры вообще. Многие лингвисты и биологи отмечают поразительное структурное сходство

естественного языка с генетическим кодом. Роман Якобсон утверждал, что «язык — это единственная подлинная наследственность, которая сосуществует с молекулярной наследственностью <...> и которая вполне может использовать в качестве модели этот второй тип наследственности» [5, с. 54]. Таким образом, категория «знак» объединяет органический мир с миром искусственным и является структурным элементом артефакта, участвуя в передаче информации.

Если принять утверждение, что культура это продолжение природы (натуры), а искусственный мир — результат эволюции мира естественного (в ходе человеческой деятельности), то артефакт можно в определенной степени сравнить с категорией «биологическая клетка». Можно предложить следующие положения, относящиеся к «теории искусственного объекта» (по аналогии с «клеточной теорией»): 1) артефакт — элементарная единица культуры (без артефакта культуры нет); 2) артефакт — функциональная единица культуры (единая функциональная система, с помощью которой возможна какая-либо человеческая деятельность); 3) артефакт — единица развития культуры (артефакт от артефакта, в условиях человеческой деятельности); 4) артефакт — генетическая единица культуры (в знаках содержится и передается информация об артефакте); 5) артефакты сходны по составу, строению и функциям (сделаны из какого-либо материала, либо нематериальны, но подвергаются описанию; предназначены для конкретных условий/среды; созданы с определенной целью).

Отдельного внимания заслуживает вопрос классификации артефактов. В археологической и музееведческой практике сложились принципы таксономии и систематики, но они не могут быть применимы к предметам современной культуры, а тем более к артефактам нематериальной природы (например, систематика Линнея более совершенна и позволяет «добавлять» новые виды вне зависимости от времени и места их происхождения, однако и она порой вызывает множество противоречий среди биологов). Таким образом, помимо формулировки «теории искусственных объектов» исследователи культуры сталкиваются с проблемой планетарного масштаба — классификации этих объектов. А.Б. Красноглазов предлагает различать «предметные артефакты» (строения, инструменты, живописные произведения, и т. д.) и «артефакты второго порядка» (научная теория, правовая норма, образ картины, литературный персонаж и т. д.), т. е. реализацию предметного образа [4, с. 75]. Э.А. Орлова предлагает разделять артефакты в соответствии с функциональными характеристиками на следующие классы: 1) вещи, используемые для организации предметно-пространственной среды

и для жизнеобеспечения; 2) объективированные образы и идеи, заполняющие символическое интерсубъективное пространство и используемые в процессах коммуникации; 3) технологии, выполняющие инструментальные функции при продуцировании других классов артефактов; 4) регулятивные образования, поддерживающие процессы взаимодействия и коммуникации; 5) оценочные критерии, позволяющие ранжировать другие классы артефактов, социальные отношения и их участников, социокультурные события, состояния социальных систем [7, с. 7]. Однако это еще только прототипы классификации, необходима дальнейшая работа по формированию универсальной систематики артефактов, применимой в различных научных отраслях.

Таким образом, в статье в качестве основной структурной и функциональной единицы культуры рассмотрена категория «артефакт»; предложено использование понятия «знак» как структурной и информационной единицы артефакта, и «генетической» единицы культуры; произведена попытка формулировки основных положений «теории искусственного объекта»; обозначена проблема классификации артефактов. Сформулированная общими усилиями культурологов концепция артефактов будет основополагающей при исследованиях культурогенеза, динамики и эволюции культуры, а также других важных процессах, в которых присутствует человеческая деятельность.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. — М.: Рудомино, 2001. — 224 с.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. — М.: Мир, 1993. [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: <http://www.flibusta.net/b/184841> (дата обращения: 13.01.2013).
3. Костина А.В. Теоретические проблемы современной культурологии: Идеи, концепции, методы исследования. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. Красноглазов А.Б. Функционирование артефакта в культурно-семантическом пространстве: дис. ... докт. филос. наук. — М., 1995. — 290 с.
5. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. — М.: Академия, 2008. — 432 с.
6. Онтологии артефактов: взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира [под ред. О.Е. Столяровой]. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. — 456 с.
7. Орлова Э.А. Артефакт как единица анализа социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. — 2010. — № 5. — С. 4—10.
8. Фаган Б., ДеКорс К. Археология: В начале. — М.: Техносфера, 2007. — 592 с.
9. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. — М.: Академический Проект, 2000. — 496 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Мальченко Виталий Игоревич

*аспирант кафедры всеобщей истории, КГПУ им. В.П. Астафьева,
преподаватель истории обществознания
Красноярского Строительного техникума
E-mail: vit-malchenko@yandex.ru*

*Каждый усматривает в другом лишь то,
что содержится в нем самом,
ибо он может постичь его и понимать его лишь в меру своего
собственного интеллекта.
Артур Шопенгауэр*

Прежде чем начать собственно рассмотрение проблемы вынесенной в заглавие, необходимо сделать пояснение, чем обусловлен выбор данной проблемы в качестве объекта изучения. Первое что следует отметить, это широкую эксплуатацию понятия культура со стороны ряда идеологий и идейных течений, как-то: национализм, расизм, ксенофобия, сюда же можно отнести достаточно абстрактную группу идейных течений называемых антиглобализмом. При всех кажущихся отличиях указанных выше направлений общественной мысли можно выделить один общий фактор — использование идеи культуры в своих целях. Выбор целей может варьироваться в зависимости от использующего «лица». Расисты используют идею культуры для того что бы обосновывать расовое деление, делается это ввиду трудностей с которыми столкнулись биологические теории расы [8]. Национализм, как и прочие мировые идеологии, столкнулся с рядом проблем, которые получили название — кризис идеологий, и перенесение центра тяжести националистической теории из области гражданского национализма в область культурного национализма [9]. Антиглобалисты в ряде случаев апеллируют к понятию национальная культура, и указывают на опасность, грозящую ей со стороны глобализации несущей, по их мнению, «штамм» культуры единого образца (западного). Исходя из данного ряда примеров, можно выявить проблему, которая будет рассматриваться ниже. Проблема эта, может быть сформулирована следующим образом: как взаимодействуют между собой национальная культура и глобализация.

Прежде чем начать рассмотрение того как взаимодействуют между собой национальная культура и глобализация следует опреде-

лить с тем как следует понимать эти термины в рамках данной работы. Начать следует с небольшого замечания касательно этих явлений. Дело в том, что национальная культура и глобализация, относительно «молодые» феномены и в научной среде до сих пор нет единого мнения, как же следует понимать данные явления. Начнем с вопроса о понимании национальной культуры. Здесь следует соблюдать особую осторожность. Связано это с тем фактом, что мы обращаемся к крайне зыбкому и многоаспектному явлению. Научное сообщество все еще в состоянии поиска способов и методов для исследования данного феномена. На данный момент не удалось выработать универсальную методологию для исследования феномена национальной культуры. Одной из основных проблем при попытке истолковать данное явление, является вопрос о противоречивой взаимообусловленности национальной, этнической психологии и национальной, этнической культуры [1]. Для того что бы начать рассмотрение следует выбрать отправную точку. Можно сделать предположение, национальная культура возникает вместе с национальным государством и национализмом. В пользу данной гипотезы говорит ряд фактов, которые получили широкое рассмотрение при анализе теории и практики национализма. Необходимость создания принципов нового политического устройства в Европе, была вызвана рядом причин, которые мы не будем перечислять, поскольку это не будет для нас определяющим фактором. Важно другое, результатом этого поиска, стала идея специфической общности, которая и должна стать ядром будущего нового государства — нации [11]. Теперь необходимо взглянуть на связь этой гипотезы и собственно культуры. Культуру в данном ключе следует понимать как интегрирующую силу общества, способствующую формированию нации. Отметим тот факт, что до начала нового времени в Европейских государствах не существовало единой культуры. Духовная жизнь человека сводилась к духовной жизни его сословия и единственным «связующим звеном» являлись римская католическая церковь и религия [4]. С появлением идеи национального государства потребовалась основа для примирения различных социальных слоев общества. При этом, основа эта должна была скрыть и «приглушить» существующие в обществе разногласия. Так зародилась национальная культура, формируемая зарождающимся национальным государством. Она опиралась на совокупность материального и духовного производства предшествующих веков и стремилась к созданию не просто общей и доступной для всех граждан (подданных) государства культуры. Нет в ряде случаев перед национальной культурой, стояла сверхзадача сформировать идеальный

образ типичного представителя нации, который должен служить эталоном и ориентиром для новых поколений. В качестве примеров подобного образа, можно привести «добротного француза» Николая Шовена [10]. Таким образом, национальная культура появилась не только на основании культуры этнической, но и на базе исторического опыта, накоплении достижений культуры и духовного производства предшествующих поколений. Помимо этого следует отметить, критерий «национальности» для культуры определить практически невозможно. Таким образом, критерием может служить наличие других наций и «национальных культур». Говорить о том, что в качестве основания выделения в отдельную национальную культуру может служить этнический компонент, допустимо. Но что бы использовать данный критерий следует сначала определить, как взаимодействуют нация и этнос, если этого не сделать, то цепочка рассуждений может привести к ошибочным выводам. По той же причине крайне сложно говорить о национальной принадлежности художника, писателя, поэта, ученого. Например, великий австрийский писатель Стефан Цвейг был рожден в Австро-Венгрии, в еврейской семье. В итоге получается, что национальная культура имеет призрачные границы, которые определяются волей и интересами национального государства. Красноречивым подтверждением подобного тезиса может выступить «культурная чистка» происходившая в Германии в период правления нацистов. В итоге можно сказать, что национальная культура, кардинально отличается от культуры «мировой» в виду следующих факторов: заинтересованность государства в формировании и распространении определенного типа культуры; наличие в национальной культуре типичного представителя нации, при этом данный образ представляет собой симулякр; существует национальная культура исключительно благодаря культурному многообразию, существующему в мире, которое является необходимым условием для того что бы различить национальные культуры. Роль национальной культуры можно свести к маскировке интересов национальной буржуазии, и стремлении выдать их за интересы всех жителей страны [6]. Или же национальная культура может играть роль хранителя национальной идентичности, а на международной арене выступать как «лицо страны». Дабы сформировать положительный образ страны, и народа в глазах других стран и народов.

Переходя ко второй части работы, необходимо определиться с тем как следует понимать содержание понятия глобализация. Сложность здесь заключается в том, что к настоящему моменту

существует огромное количество литературы как научного так и не научного характера. Второй сложностью является разделение людей на сторонников и противников глобализации, следовательно, в процессе рассмотрения можно столкнуться с двумя противоположными точками зрения. Отвечать на вопрос о характере процесса глобализации в рамках данной работы не имеет смысла, потому что во-первых это ни коим образом не поможет нам ответить на поставленный в начале вопрос о характере взаимодействия национальной культуры и глобализации; во-вторых в рамках данной статьи процесс глобализации будет рассматриваться как объективная тенденция имеющая место быть в условиях современного мира. Для нашей работы используем понятие глобализации, которое наиболее полно, на мой взгляд, отражает все стороны данного явления. Глобализация основывается на принципах свободы, открытости, доступности, изменений и равенства. Это в свою очередь, предполагает наличие некоей всеобщей платформы, которая бы удовлетворяла всем этим условиям. Подобная платформа, а более точно — режим взаимности, и является самой глобализацией. Следовательно, глобализация — это всемирный процесс установления режима взаимности [2, с. 31]. Последнее замечание, которое следует сделать, прежде чем приступить к решению поставленной в начале проблемы — указать те направления, в рамках которых будет происходить рассмотрение. Рассмотрение будет происходить в рамках культуры и культурного взаимодействия. Подобный выбор обусловлен первой частью работы, и содержанием понятия национальная культура.

Понятие глобализация обычно связывают со странами Запада, называя их инициаторами данного процесса [3, с. 24]. Помимо этого процесс глобализации так же часто связывают с процессом разрушения национальных культур и «западнизацией». С первым тезисом можно согласиться полностью, но второй вызывает некоторое недоверие. Исходя из определения глобализации, приведенного выше, следует, что тезис об уничтожении национальных культур — фикция, потому что процесс, основанный на данных постулатах, и имеющий основанием, идею всеобщей взаимности не может стремиться к унификации культуры в соответствии с заданным образцом. Исходя из приведенного определения глобализации, можно сказать, что она есть стержень, вокруг которого должны группироваться культуры государств участвующих в процессе глобализации. Для большей наглядности и образности можно привести следующий пример: Глобализация — дерево, несущее в себе все общечеловеческие ценности характерные для всех существующих и существовавших

в мире культур; национальные культуры ветви этого древа, они выросли на основе общих ценностей, но при этом несут в себе определенные черты и характеристики свойственные отдельным участникам процесса глобализации. Однако не следует забывать, что указанный нами процесс по сути своей идеален и имеет своей основой абстрактную теорию «наибольшего общего счастья» [5, с. 254—258]. В настоящее время участники процесса глобализации все чаще сталкиваются с проблемой распространения и насаждения единого образца культуры, и стремления к унификации культур на его основании. Причиной подобного, может, заключаться в том, что процесс глобализации был инициирован странами Запада (читай Европы и США). И здесь в силу вступает другой принцип, Благо общее и благо конкретное редко встречаются вместе. Подобную унификацию принято называть глобализмом. Подобное разделение весьма примечательно. Глобализация и глобализм это два понятия, обозначающие два, казалось бы, различных процесса, подобный вывод следует из всего выше сказанного. Но как уже было сказано в начале рассмотрения процесса глобализации, существуют две различные точки зрения на данный процесс, и совершенно естественно и понятно будет стремление сторонников глобализации отделить все негативные черты и последствия от «своего идеала». Таким образом, можно сделать предположение, что происходит появление глобализма, как процесса унификации культур на основании одной или нескольких систем ценностей. Учитывая этот факт, следует сделать несколько замечаний к пониманию процесса глобализации. В процессе единения всегда будет иметь место стремление к объединению вокруг сильного «ядра», и построению системы в соответствии с основными чертами и характеристиками «ядра». Вопрос здесь заключается в другом, каким же будет это «ядро»? Что составит основу, центр притяжения для построения новой системы ценностей несущих благо всему человечеству, и примеряющих культуры народов всего мира?

Ответить на подобный вопрос весьма затруднительно не только в силу неоднозначности процесса глобализации, о чем говорилось выше. Но для дальнейшего рассмотрения нам необходимо ответить на данный вопрос. Поэтому следует обратиться, к примеру, свершившегося «врастания» отдельной национальной культуры в мировую систему. В качестве подобного примера мы используем Японскую модель восприятия и использования опыта мировой культуры, получившую название Мейдзи Исин. Просвещенное правление Мейдзи или же революция Мейдзи, стало знаковым явлением не только для Японской, но и для мировой истории. Однако

нас интересует не столько содержательная сторона события, сколько суть. Суть можно отразить в достаточно простой, но емкой формуле: «вакон-ёсай» — «японский дух, западные знания». Подобная формула прямо указывает что «ядром» в данном случае стала национальная культура, при этом на разных этапах выполнявшая различные функции. Так на первой этапе «знакомства» это был своеобразный защитный кокон для тонкой ткани национального сознания, которая могла не выдержать столкновения с превосходящей по уровню культурой; на втором этапе «осмысления» национальная культура подверглась резкому осуждению как анахронизм, при этом действительно были отброшены в сторону застарелые формы мышления, не выдержавшие конкурентный дискурс с привнесенными извне передовыми теориями; последний этап «рефлексия» отличается от второго повышенным интересом к собственной культуре, истории, традициям, происходит переосмысление полученных знаний в соответствии с существовавшими в стране традициями и укладом. При этом необходимо помнить о тех, кто стал проводником для передачи и распространения европейских знаний. В качестве проводника выступили представители высшей знати и ученые, сумевшие адаптировать ряд положений и идей для Японской действительности [7]. Это способствовало не только осуществлению не только «трех этапов» знакомства с западной культурой, о которых говорилось выше, но и контролю поступающей информации со стороны правящей элиты. В совокупности это позволило национальной культуре пережить столкновение с более развитой и агрессивной западной культурой.

Исходя из данного построения, можно попытаться, ответить на поставленный вопрос о «ядре». В приведенном выше примере в качестве «ядра» выступала национальная культура. Однако речь шла о заимствовании достижений не только и не столько европейских, но мировых. Европа была для Японии мостиком к мировой культуре. Усвоение мирового опыта, и синтез культур привел к тому, что Япония смогла сделать шаг вперед в своем развитии, сделать осмысленный выбор новых моделей государственного управления и конституционного устройства. Национальная культура послужила средством для достижения цели. Таким образом, будет уместнее говорить о диалоге культур и распространении обще человеческих ценностей. В таком случае в качестве «ядра» будет выступать национальная культура, и элементами которые объединяются вокруг «ядра» будут общечеловеческие ценности. В настоящий момент это наиболее реальная модель для осуществления процесса культурной глобализации. Развитие глобализации в данном направлении позволит

решить те проблемы в культурной плоскости, с которыми столкнулся процесс глобализации в настоящий момент. И прежде всего это глобализм и нео национализм. Подобное решение нельзя рассматривать как панацею на все времена, а только лишь как возможность для того что бы сделать еще один шаг к общечеловеческому благу.

Подводя итог, следует, ответить на вопрос, поставленный в начале работы, как же взаимодействуют между собой национальная культура и глобализация. Приведенные выше рассуждения носят по большей части абстрактный характер, и это объясняется самой сущностью явлений, о которых шла речь. Однако, исходя из существенных фактов, которые удалось увидеть в процессе рассмотрения можно выявить интересующие нас взаимосвязи. Первое взаимодействие в принципе возможно. Второе взаимодействие происходит на нескольких уровнях, как то на периферийном уровне, на уровне взаимного проникновения и конфликта культур (здесь, следует понимать не как буквальный конфликт, но как взаимную критику), на уровне симбиоза. Данный тип взаимодействия был широко распространен до середины двадцатого века, сейчас же вследствие развития технологий массовой коммуникации, следует учитывать существенные изменения, которые претерпевает данная схема. Так сейчас взаимодействие происходит все больше на уровне конкурентной борьбы культур и стремления к синтезу. С другой стороны во многих странах происходит попытка осознания собственной национальной культуры и активный поиск культурных корней, как например, в Российской Федерации. Последнее национальная культура во многом обусловлена и существует благодаря культуре мировой, однако в силу ряда причин происходит разделение культур, более по формальным признакам, нежели существенным.

Помимо всего вышесказанного нельзя оставить без внимания и факты относительно национальной культуры и глобализации, о которых говорилось в рамках данной работы. О национальной культуре говорилось в двух качествах как об орудии правящей элиты, необходимом для решения своих специфических задач; так и в качестве хранителя национальной идентичности и «визитной карточки» на международной арене. Сделать окончательный выбор в пользу одной из представленных точек зрения относительно национальной культуры, крайне сложно, поскольку в рамках данного явления можно ясно увидеть обе тенденции. Помимо этого необходимо детально, на конкурентных примерах провести рассмотрение процесса формирования национальной культуры. Это будет способствовать комплексному, целостному пониманию данного явления. Относительно

проблемы соотношения глобализации и глобализма, в настоящий момент сложно подтвердить или опровергнуть выдвинутый в рамках работы тезис, об искусственном выделении глобализма из глобализации. Потому что процесс еще не завершен, и пока что нельзя по промежуточным результатам судить о конечном результате, поскольку ученые до сих пор спорят о том, когда начался процесс глобализации, следовательно, не возможно точно ответить на каком этапе глобализации находится современное общество. Так же у процесса глобализации есть сторонники и противники. Эти факторы в совокупности будут приводить к постоянным спорам вокруг явления, которые не всегда носят конструктивный характер.

Список литературы:

1. Бабаков В.Г. Семенов В.М. Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы) // Российская Академия Наук Институт философии. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://iph.ras.ru/elib/Babakov_Nac_samocozn.html (дата обращения: 11.10.12).
2. Борзых С.В. Понятие глобализации: новое прочтение // Век глобализации — 2011. — № 2. — С. 31.
3. Борзых С.В. Понятие глобализации: новое прочтение // Век глобализации — 2011. — № 2. — С. 24.
4. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства М.: Искусство, 1990.
5. Кропоткин П.А. Этика М.: Издательство политической литературы, 1991. — С. 254—258.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений том 27 Прикрытие национал — шовинистической политики интернациональными фразами [Электронный ресурс]. // Владимир Ленин революционер, мыслитель, человек: сайт. — Режим доступа. — URL: http://leninism.su/index.php?option=com_content&view=article&id=2061:prikrytie-soczial-shovinistskoj-politiki-internacjonalistskimi-frazami&catid=66:tom-27&Itemid=53 (дата обращения: 11.11.12).
7. Скворцова Е.Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией // Вопросы философии. — № 7. — 2012.
8. Шнирельман В.А. «Порог толерантности» Идеология и практика нового расизма том 1 М.: Новое литературное обозрение, 2011.
9. Шварцмантель Джон Идеология и политика Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
10. Шовен Жерар де Пюимеж, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма М.: Языки русской культуры, 1999.
11. Эли Кедури Национализм СПб.: Алетейя, 2010.

ОБЩАЯ МЕТАФИЗИКА ДРЕВНЕЙ ТАНАТОГРАФИИ

Тупицин Алексей Анатольевич

*религиовед,
г. Усть-Кут*

E-mail: Aleksei_tupicin@mail.ru

Множественные исследования в области описания посмертных состояний в последние годы выявили одну особенность, объединяющую все эти исследования; причем это общее проявилось буквально во всех случаях, вне зависимости от того, кто являлся автором, т. е. независимо от вероисповедания и национальности, пола и возраста. Только вот это общее для всех случаев описание посмертных состояний каждый пытается трактовать в соответствии со свойственной ему религиозной доктриной, медицинским образованием или философской школой, но, тем не менее, даже не вооруженным взглядом непредвзятому человеку видно, что вся картина посмертного опыта укладывается в четкую последовательную систему, общую для всех исследователей, а так же не противоречащую древним описаниям в трактатах, священных книгах и другой литературе, в той или иной степени затрагивающей интересующий нас предмет.

Согласно исследованиям современных археологов, а так же письменных источников (древних), культ смерти и посмертные ритуалы при захоронении людей присутствовали как в высокоразвитых обществах (древний Египет, древняя Индия, древняя Месопотамия), так и в социумах, стоящих на самой низшей ступени развития социальных отношений. Сегодня мы можем это наблюдать у племен индейцев Амазонии, Папуа Новой Гвинеи и некоторых народностей Африки. Все известные нам современные люди кроманьонского типа соблюдают ритуалы захоронения покойного и связанные с этим обычаи, которые должны помочь душе умершего в ее дальнейшем путешествии после оставления физического тела. Нет ни одного древнего племени, которое бы не занималось захоронением своих сородичей, или не имело бы каких-либо ритуалов, связанных с процедурой похорон. Причем эти процедуры никак не связаны с чисто гигиеническими процедурами, ведь в то же время можно наблюдать брошенные туши животных, которые никто даже не пытается утилизировать. С развитием научно-технического прогресса, повышения уровня жизни во многих странах, и, как следствие, ослабление зависимости человека от природных условий и результатов охоты

и собирательства, религиозных чувств и пропадает зависимость от каких-либо ритуалов с результатами охоты или количеством урожая. У человека появляется совершенно другая концепция мировоззрения, в которой роль Бога, как Творца всего и координатора всей жизни человека, сводятся почти к нулю или вовсе исчезают, полностью отрицающая присутствие какой-либо искры Божьей в самом человеке и принимающей за основу мироздания материализм. Тем не менее, почти любой человек, попадая в условия живой и дикой природы, будь то открытое море или пустыня, тайга, джунгли, сразу после небольшого промежутка времени начинает искать помощь у сверхъестественных сил, и, обращаясь к ним напрямую в той или иной форме, осознает себя, как несовершенный субъект, находящийся во враждебном окружающем мире, который без помощи извне выжить не может, потому что множество самых разнообразных факторов делают это самостоятельное выживание проблематичным. При этом не важно, как это отражается: прямое обращение о помощи в чем либо, или выполнение определенного порядка каких либо действий или поступков, а так же их последовательность и увязка с возможным результатом, кстати, отсюда появляются суеверия о счастливых числах, предметов гардероба и талисманов, якобы помогающих при различных действиях. Практически мы не знаем ни одного архаичного народа, у которого не было бы культа смерти, ритуала похорон, или почитания духов умерших. В разных древних культурах все это укладывается в некие представления о путешествиях души из одного тела в другое или переход души из нашего мира в мир сверхъестественного; но во всех культурах не отрицается присутствие загробного существования, некой субстанции, с которой самоидентифицируется каждая личность и подвергается посмертным воздаяниям или наказаниям за поступки, совершенные во время нахождения в физическом теле, причем само тело всегда рассматривалось, как некий второстепенный инструмент для помощи существования души в физическом воплощении.

Вполне можно допустить, что после грехопадения, постепенно развиваясь и духовно деградируя, люди стали искать этому оправдания и очень быстро нашли его в дикой природе. Отождествляя себя не с Божьим творением, а с высокоразвитым животным, стало можно оправдать и каннибализм, и убийство себе подобных, как вполне естественную, непротиворечивую обычную жизнь животных. Отсюда и мечта о далеком предке человека — обезьяны и переходные формы человекообезьян. Все это произошло не в просвещенные XVIII—XIX века, а гораздо ранее, у многих

народов существовал культ тотемов племен в виде обезьян, а у некоторых даже в пантеоне богов были человекообезьяны, такие как например Хануман в Индии, которому приносились даже человеческие жертвоприношения еще совсем недавно. В XIX веке были попытки антихристианских ученых-материалистов отнести к переходному звену и такой вид гомо сапиенса, как неандертальца, но с 2006 г. по 2010 г. институт эволюционной антропологии реализовал проект по расшифровке генома неандертальца ("Neanderthal Genome project"). В итоге получили следующие результаты:

- Неандертальцы говорили человеческой речью (ген ДНК, отвечающий за речь, идентичный человеческому).
- Неандертальцы существовали параллельно с человеком.
- Гены неандертальцев есть у многих народов, смешивание с современным человеком существовало.
- Геном человека и неандертальца отличается на 0,16 %, то есть на 99,84 % они общие.

Еще в XIX веке немецкие ученые — профессор Шафхаузен, и биолог и антрополог Радольф Вихров, осмотрев скелет неандертальца, заявили, что он ничем не отличается от скелета современного человека. В этот же период набирало обороты дарвиновское эволюционное учение и беспрецедентная пропаганда этой теории требовала живого подтверждения обезьяночеловека, куда и был записан неандерталец.

Изучая быт и жизнь неандертальцев, мы видим у них все признаки наличия религии и ритуальных действий, а так же мест, которые мы сегодня называем как культовыми. В знаменитых пещерах на юге Франции есть наскальная живопись, изучив которую можно с полной уверенностью утверждать, что посещались эти места и дополнялись свежими рисунками на протяжении многих поколений людей, которые явно принадлежали к одному или нескольким родственным племенам. Во главе их стоял вождь, впрочем роль которого в племени была не велика и ограничивалась охотой и войной. Итак, после сопоставления нескольких источников о неандертальцах, можно сделать несколько однозначных выводов, свидетельствующих о существовании религии у них, а именно:

- Наличие похоронных обрядов, косвенно это подтверждает то, что хоронили их в определенной позе, как правило, лицом на восток, навстречу восходящему Солнцу, место погребения посыпали красной охрой.

- Наличие ритуальных наскальных изображений, в том числе пещере Ласново Франции. Многочисленные насыпи и углубления в рисунках позволяли реконструировать обряд, который совершался в подобных пещерах и сохранился в неизменном виде до наших дней у аборигенов Австралии. Непосредственно перед охотой мужчины племени разыгрывали сцены охоты, поражая нарисованных животных, тем самым, по их мнению, обеспечивая себе удачу на охоте, а так же алтарей и мест куда приносили часть добычи.

- Существование в обществе неандертальцев обряда инициации (посвящения), которые приобщали юношей к взрослой жизни, и только эти действия имели какое-то значение, так как биологический возраст имел к социальному статусу только опосредованное отношение.

Эти признаки наличия религии в обществе неандертальцев делают их похожими с племенами жителей Экваториальной Африки, Полинезии, Австралии, Амазонии и, как надо полагать, их религиозность сложилась так же, как в примитивных обществах, не только к выполнению определенных обрядов и ритуалов, но и к словесному выражению этих ритуалов — мифам, а для современного человека это синоним чего-то несбыточного, волшебного, иррационального. Для древних мифы выполнили свою функцию, тесно связавшись с религиозными ритуалами и представлениями, но с развитием общества миф утрачивал свою функцию, переставав служить словесным сопровождением какого либо ритуала и превращался в сказку.

Американский исследователь Самуэль Хук разделил все мифы по следующей классификации:

- Обрядовый миф
- Культовый миф
- Этнологический миф (происхождение)
- Эсхатологический миф (о конце света)
- Миф престижа (о превосходстве над другими народами)

Если все это подходит для определенного уровня развития человека, то вполне возможно, что у неандертальцев присутствует в виде остатков их культуры (пещерная живопись, культовые места — пещеры, древние захоронения), ведь если у обыкновенных обезьян нет даже задатков религиозного культа, то и никаких устойчивых ритуалов, связанных со смертью нет. В тоже время нет и не было ни одного народа, устойчивой социальной обособленной группы, в которой напрочь отсутствовал трансцендентный культ, (тотемизм, фетишизм, анимизм), или представления о загробном мире, мире духов и существ из параллельного мира. Все это в комплексе дает основание полагать, что религиозность у людей всех типов

(Кроманьонцы, Неандертальцы) присутствовали всегда, на протяжении всей наблюдаемой истории, и во многом она была схожа с сегодняшними представлениями о сверхъестественном, а именно:

- От кого-то еще кроме человека зависит его благополучие, и его можно получить благодаря выполнению определенных ритуалов и сакральных действий.

- Жизнь не заканчивается вместе с физическим телом.

Обобщая материалы, можно с уверенностью провести некоторые параллели и похожие фрагменты в различных культурных традициях. Египет, Индия, Иран, Греция, Палестина, все, что мы сегодня знаем о представлении древних о смерти и посмертному существованию души, позволяет сделать однозначный вывод об общем источнике первоначальных знаний о смерти. Несмотря на некоторые различные фрагменты в путешествиях души по загробному миру, есть общая для всех культур основа и последовательность этого путешествия. Практически всегда за порогом смерти душу человека в загробном мире встречает некое существо или существа, которые являются впоследствии проводниками или стражами души до определенного момента, в большинстве случаев посмертного суда над душой, на котором дается оценка прижизненным поступкам и действиям человека. После этого богом или богами принимается решение о дальнейшей судьбе конкретного человека, и идентифицируется он не по физическому телу, а по эмоциональному миру, который живет в его душе. Практически везде есть упоминание о какой-либо водной преграде, которую душе надо преодолеть для попадания в загробный мир, о страже, которая этот мир охраняет от посторонних живых существ, причем эта стража отличается в разных религиозных школах и напоминает собой местные мифические персонажи, но цель у этой стражи и способы защиты, как правило, общие для всех направлений и школ, абсолютно для всех религий и их деноминаций.

В то же время, несмотря на схожесть основных фрагментов описаний смерти, у разных народов есть и различия, причем существенные, хотя в большинстве случаев эти разнообразие описания одних и тех же событий носят скорее зеркальное отображение культурной самобытности и миропонимания у различных народов. Мелкие различия в погребальных ритуалах можно наблюдать даже в одной религии, например в Египте, где мемфисская и гелиопольская религиозные школы идентичные описания посмертного путешествия души трактуют немного по-разному, и даже имена богов немного отличаются друг от друга, а так же их полномочия и функции. (НУН — ПТАХ), да и вообще мемфисская версия космогонических

верований имеет некоторые отличия от гелиопольской, что и повлияло на погребальный культ. В Древнем Иране, например, в отличие от Египта, умершее тело считали нечистым, и чтобы не осквернить стихии (землю, воду, огонь), тело размещали на специальных башнях. В Древнем Египте погребальный культ был тесно связан с сохранением физического тела, для чего сооружались специальные гробницы. Кроме того, различаются сами погребальные обряды и жертвоприношения или посвящение. В индоарийской традиции при похоронах аристократии (брахманов, кшatriев, вождей, воинов) были приняты человеческие жертвоприношения. Вместе с вождем отправляли на тот свет слуг, рабов, а так же всех жен и наложниц. В древнем Египте и Европе человеческие жертвоприношения заменили на ремесленные изделия и жертвенных животных. От соблюдения всех этих ритуалов напрямую зависела дальнейшая судьба души в загробном мире. Несмотря на многие различия в описаниях смерти и посмертного путешествия души по загробному миру в различных религиозных культурах, основные этапы и последовательность этого описания у всех религий древности похожи, даже, можно сказать, общая, а вот дальнейшая судьбы после суда над ней почти у всех различается, причем очень кардинально.

Обобщая материал, можно с уверенностью сказать, что толкование феномена смерти и загробной жизни в религиях и социумах, имеют один культурный источник и в общих чертах имеют много общего. Набор прижизненных грехов и добродетелей в авраамических религиях практически идентичен, после смерти обязательный суд над душой и посмертное воздаяние согласно вердикту, который проводит сам Господь, после чего пребывание в раю или аду, и все это зависит только от воли Господа. В христианстве и исламе есть догмат о посмертном воскрешении после второго пришествия Иисуса Христа перед судом над всеми когда-либо живущими людьми и последующем либо вечном блаженстве в Царствии Небесном с Господом, либо вечные мучения в аду. Причем утверждение о вечных муках тоже не во всех религиозных школах является догматом, некоторые христианские и мусульманские богословы считают, что наказание не может быть вечным, и что после определенного промежутка пребывания в аду души грешников очистившись перейдут в Царствие Божье в вечное блаженство. В самих монотеистических религиозных доктринах, относящихся к прижизненному поведению человека и посмертному воздаянию, нет ничего логически противоречивого. Все взаимосвязано, и ответственность за совершенные грехи может наступить как при жизни

человека, так и после его смерти, но она обязательно наступит. Посмертные описания путешествия души в буддизме и индуизме сильно отличаются от представлений монотеистических религиозных традиций, и скорее ближе к индоарийской доктрине и иранской, чем к авраамическим и греко-римским взглядам. Основные различия между посмертными описаниями проявляются в воздаяниях за прожитую жизнь. В авраамических религиях это рай или ад, а в буддизме и индуизме это перерождение в более низкой варне (животные, рыбы, растения). Ведь по сути загробный мир в буддизме это краткая остановка при путешествии души от рождения до смерти и нового перерождения, да и вообще самый главный жизненный принцип буддиста чем-то напоминает христианские заповеди и правила поведения: и судьба человека зависит от поведения человека, от его следования дхарме, то есть следования закону. Нерадивое исполнение дхармы влечет за собой рождение в более низкой варне, так как действует закон воздаяния — КАРМА.

Общее во всех мировых религиях современности, касающееся описания посмертных состояний, это то, что жизнь после смерти для души существует, и все самые главные воздаяния, которые получает душа за прожитую земную жизнь, происходят в мире загробном, а вот различия заключаются в том, как эти воздаяния происходят и что в конце концов получает душа. Описаниерая и ада во всех мировых религиях хоть и очень похожи, но в деталях существенно отличаются друг от друга, в том числе и месторасположением. Жизнь любого человека, есть подготовка к смерти, причем это начинается с детства, еще когда дети не верят что когда-либо умрут, и фактор смерти становится главным в нашей жизни.

Список литературы:

1. Дарвин/ Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BC>.
2. Дарвинизм/ Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D0%BD%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD#.D0.9A.D1.83.D0.BB.D1.8C.D1.82_.D0.A5.D0.B0.D0.BD.D1.83.D0.BC.D0.B0.D0.BD.D0.B0.
3. Доброва Е. Популярная история мифологии. — М., Вече, 2003. — с. 490.

4. Институт эволюционной антропологии общества Макса Планка / Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82_%D1%8D%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8_%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B0_%D0%9F%D0%BB%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B0.
5. Кун Н.А. Мифы древней Греции. — М., АСТ-Астрель, 2006. — с. 215.
6. Морэ А. Цари и боги Египта. — М., Алетейа, 2002. — с. 96.
7. Моуди Р. Жизнь после жизни. — М., Вече, 1999. — с. 138.
8. Обрядовый миф// Мифология Ближнего Востока. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.e-reading-lib.org/chapter.php/1003420/3/Huk_Samuel_-_Mifologiya_Blizhnego_Vostoka.html.
9. Панова В. Жизнь Муххамеда. — М., Политиздат, 1991. — с. 467.
10. Первобытные формы религии // Философская энциклопедия. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2965/%D0%9F%D0%95%D0%A0%D0%92%D0%9E%D0%91%D0%AB%D0%A2%D0%9D%D0%AB%D0%95.
11. Пещера Ласко / Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%89%D0%B5%D1%80%D0%B0_%D0%9B%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%BE.
12. Расшифровка генома неандертальца/ Википедия [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%88%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%B0_%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%86%D0%B0.
13. Селим Р. Египетская книга мертвых. — Тверь, Омега, 2005. — с. 102.
14. Сорокина Т.С. История медицины. В 2 т. — Ч. 4. Новое время. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.bibliotekar.ru/423/24.htm>.
15. Уинтел Д. История ислама. — М., Астрель, 2008. — с. 21.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ЭТНОС: ПРОБЛЕМА ПОТЕНЦИАЛА СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Емельянова Юлия Павловна

*канд. филос. наук, доцент СевНТУ,
г. Севастополь*

E-mail: emelianova_sev@mail.ru

Известный украинский философ Е. Быстрицкий писал, что реальностью можно считать лишь то, что сопротивляется (противодействует, не поддается) познанию и переработке. Все, что не сопротивляется — не принадлежит реальности [2]. Самым ярким проявлением реального сопротивления как познанию, так и практическому воздействию, сегодня можно назвать сопротивление этнокультурных миров, однако их реальность в социальной теории и философии является предметом длительных споров между приверженцами разных подходов, — условно говоря, — примордиализма и конструктивизма. Представляется, что противоречия и кризисные ситуации, возникающие в процессе общественной жизни, — и столь заметная *этнизация* социальных отношений в том числе, — сосредоточены на нерешенности проблемы понимания самой социальной реальности. При отсутствии ее общепризнанной теории сложно как решать актуальные практические задачи, так и теоретически обосновывать любые изменения исторического характера. Исследование этнических процессов приводит к неизбежности познания **общественного бытия как такового**, т. е., в контексте социальной метафизики, — ориентированной на раскрытие глубинных закономерностей и ценностных параметров общественной жизни.

Признанной теоретической основой концептуализации социальной реальности сегодня становится социокультурный подход, в рамках которого возможен философский анализ понятий «социальная реальность», «культура», «этнос» с целью выявления предельно общих оснований их современной сопряженности. В свете постнекласической науки и философии социокультурный подход утверждает новое понимание культуры и ее связи с социальным: культура признается программой развития социального мира, детерминантом противоречия между культурой и социальными отношениями.

Методология социокультурного подхода основана на понимании социальной реальности как *процессуальной, фрагментарной, поли-субъектной, динамичной* и т. д., при этом в ее целостности возможно теоретическое и практическое размежевание (классификацию) отдельных локальных социально-культурных «миров» на разных этапах их развития — по степени разрешения противоречия между культурой и социальным. В рамках социокультурного подхода подтверждается идея о решающей роли конкретной культуры, реализующей сознание «мы» на уровне первичного опыта, переживаний идентичности личности и ее сопричастности некоторой общности [Перспективы метафизики]. Понимание действия такого «механизма» может стать дополнительным условием эффективных социальных практик в эпоху усиливающейся глобализации [3, с. 111—113].

Принимая определение социальной реальности как социокультурной, мы, тем самым, указываем на отношение, в котором она (реальность) существенна. Однако в современном состоянии разработанности понятие социокультурного ближе к концепту, сила которого не столько в логике, сколько в «схватывании» единичного во всем его контексте, что требует дальнейшего движения в сторону всеобщего, универсального. Потребность в концепте, которая наблюдается тогда, когда внимание исследователей начинает привлекать частное, особенное, эвристически продуктивное, — сегодня исчерпана. От образа-символа, — основания концепта, — необходимо двигаться в сторону оформления нового научного знания в теорию.

С чего можно начинать движение в сторону философского понимания этнического, если даже относительно дефиниций этноса (этничности) существует большой разброс мнений (в рамках различных теоретических подходов), что, с одной стороны, отражает сложную, изменчивую природу изучаемого феномена, с другой — свидетельствует об ограниченных возможностях применяемых методологий его изучения. Не решена на достаточно приемлемом уровне проблема биологического и социального в этнических процессах. Если вспомнить о неожиданности для теоретиков появления этнических проблем, об остроте их форм, глобальности масштабов, их трансформирующем влиянии на всю социальную систему мирового сообщества, — то необходимо признать: явления социальной реальности такого масштаба как современные этнические процессы, необходимо и оценивать с точки зрения целостности социальной материи как особого уровня материального мира.

Безусловно, в момент, когда сохраняется ориентированность классической парадигмы в социально-философском познании

на субстанциальное основание, и одновременно происходит абсолютизация субъективного в неклассических подходах, продуктивным оказывается интегративный подход, в основании которого лежит эволюционная парадигма. Аналогом современного эволюционизма в философии, в определенной мере, является концепция единого закономерного мирового процесса, позволяющая увидеть действительную взаимосвязь человека и его мира с объективно-всеобщим — Мирозданием, Универсумом. В современной российской философии указанные идеи разрабатываются в форме конкретно-всеобщей концепции развития, в которой указывается на социальную материю как на результат перехода от одной качественной определенности состояния материи — биологической — к другой — социальной (О.А. Барг, Т.С. Васильева, А.Ю. Внутских, А.Н. Коблов, Н.Г. Козин, Ю.В. Лоскутов, В.В. Орлов, Н.Б. Оконская и др.). В разрабатываемой интегративным мышлением картине мира главной особенностью процессов космического характера является их направленность вообще, направленность на человека — в частности. Человек рассматривается как уникальное существо, итог развития не только живого мира планеты, но всего Космоса. В результате движения социальной формы материи формируется ее антропологический уровень с аккумуляцией и интеграцией в человеке всех сущностных сил предыдущих уровней материи. Фундаментальная природная основа человека направляет социогенез и социальный отбор. «Природное» и его воплощения в виде телесной организации человека, закономерностей его движения в пространстве, особенностей психических проявлений фундирует сознание как предметную ясность, актуальное «Я» в обширной психике человека. Украинский философ О.А. Базалук (в концепции трех состояний материи), опираясь на многочисленные исследования (В.А. Вернадский, А.Л. Чижевский, Б.Ф. Поршнев, А.И. Опарин и др.), — утверждает, что наличие у человека психики характеризует его как представителя нового состояния материи — Разумного вещества, — а состояние психики зеркально отражает уровень развития Разумного вещества (человека). Глубинный смысл жизни человека заключается в полномасштабной реализации творческого потенциала психики, в продуктивной деятельности, направленной на постоянное совершенствование системы разумного вещества в лице каждого отдельного человека и человечества в целом. Автор концепции обосновывает наличие трех стадий непосредственного перехода живого вещества в разумное, и указывает на последовательное изменение соотношения уровней организации материи между «биоразумным» веществом и «разумным»,

представленное тремя типами человека: Примитивного, Эмоционального, Разумного. На стадии Человека Примитивного биологические свойства организма доминируют над сознательным началом, а на стадии Человека Эмоционального биологические свойства попадают под контроль психики. На стадии Человека Разумного «следует предположить окончательную ассимиляцию разумным веществом, психикой, биологических свойств организма, их кардинальную реорганизацию» [1, с. 26].

Если учесть, что в понимании проблемы этнического, прежде всего, требуется философский анализ фундаментального расхождения позиций исследователей в решении проблемы соотношения социального/биологического в этносе, то вышеуказанные концепции и подходы могут дать определенные основания для оптимизации состояния этой проблемы. Содержание дискуссии по данной проблеме (безотносительно к феномену этноса), развернувшейся в советское время (70-е гг.), сегодня становится частью целого блока вопросов в аспекте антропологического поворота современной философии.

Мы предполагаем также, что сознание интегрирует и контролирует психическую жизнь человека и его «биологию» с помощью нормативного «механизма» — культуры, но для обоснования этой общепризнанной посылки отметим необходимость актуализации теоретического потенциала категории становления, — незаслуженно забытой, но постепенно возвращающейся в методологию. С помощью содержания концепта становления можно попытаться объяснить переход материи от биологической формы к социальной, и представить его как появление нового, иного качественного состояния. В нем теоретически выделяется зарождение «возможностей» и превращение одной из них в «действительность», в завершённую форму, — и главную роль играет при этом нормативное регулирование становящихся человеческих связей и отношений — культура. Поскольку становление является не просто единством материи и движения, а конкретным единством, то оно ведет к существованию, одним из важнейших критериев которого следует считать относительную самостоятельность и относительную выделенность. Реальность общего — это реальность отдельного, его бытия в отдельном. Этим отдельным должен быть конкретный субъект со своей «данностью жизненного мира», «исторической размерностью» (Соколов Б.Г.), — подтверждающий собственную идентичность способностью воспроизводить прежние и новые формы социальности, модели социальной связи и взаимодействия. В качестве «ставшего» мы рассматриваем этнические социокультурные миры, под которыми

подразумеваются особые общности людей, — в отечественной традиции, — этносы. Мы предполагаем, что социокультурная реальность открывает свою сущность в существовании конкретных коллективных субъектов — социокультурных общностей — этносов — в момент становления человека на «переходе» от так называемого человека Эмоционального к человеку Разумному. Этнический мир, все социальные и культурные отличия социальных групп, культур, народов, регионов во многих концепциях и теориях представлены на уровне описания, без объяснения и должного углубления в их суть. Вопрос об онтологических основах антропологической социальности и культуры, т. е. того уровня, на котором объективируются социальные связи и культурные ценности и культурообразующие формы, — не стал пока важной составляющей философского дискурса. Потенциал же этнического сопротивления изменяющейся социальной реальности в эпоху глобализации заключается в содержании того далекого теперь от нас (по историческим меркам жизни человека) процесса становления «человека разумного».

Список литературы:

1. Базалук О.А. О сущности человеческой жизни. Киев: Наукова думка, 2002. — 256 с.
2. Бистрицкий Є. Кордони проходять всередині нас / Із виступу на І академічній дискусії проекту Інституту філології Київського національного університету імені Шевченка та фонду «Європа ХХІ» — «Українська гуманітаристика. Діалог культур між Сходом і Заходом». — 9 вересня 2010 р. [Електронний ресурс] Режим доступу: URL: <http://bystrytsky.org/svoboda10.htm>.
3. Емельянова Ю.П. Социокультурная система в контексте цивилизационных исследований// Бренное и вечное: власть и общество в мифологиях модернизации: Материалы Всерос. науч. конф. 16—17 ноября 2010 г./редкол. А.П. Донченко, Г.Э. Бурбулис, Ю.В. Синеекая, А.А. Кузьмин, А.Г. Некита, С.А. Маленко; НовГУ. — Великий Новгород, 2010. — 406 с.

ВЫЯВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ ПРОТИВОРЕЧИЙ КАК МЕТОД ПОНИМАЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Рыжков Денис Леонидович

*канд. филос. наук, доцент каф. философии и культурологии МГГУ,
г. Москва*

E-mail: ryzhkovdl@mail.ru

Поиск источников социальных противоречий является смыслом любого изучения социального организма, так как конечной целью социального познания является воздействие на общество. Если исходить из того, что общество является системой развивающейся, то возникает вопрос об источнике развития, который можно разрешить двумя принципиально разными способами. Первый исходит из нахождения такого источника вне общества. Не вдаваясь в размышление о том, что можно подразумевать под понятием «вне общества», должно признать, что в этом случае научное понимание такого источника немисливо, поскольку лежит вне поля действия законов бытия.

Если же источник внутри социальной системы, тогда его исследование связано со структурой социума и того, что им унаследовано из иных уровней организации бытия. Наличие разных уровней организации в одной системе, а именно *социального* и *биологического*, открывает возможности для различных взглядов на закономерности её развития в зависимости от детерминирующего фактора: социального или биологического. Возможен и совершенно иной метод, представляющий собой соединение разных уровней организации для целей познания общественных отношений, то есть создание модели взаимосвязи биологического и социального в масштабах всего общества. Будет ли это эклектикой, либо синтезом, — зависит от того, насколько подобный метод может объяснять исторические явления и процессы, как в логическом, так и в историческом плане.

На современном этапе изучения общественных процессов наиболее оспариваемой и в то же время вновь и вновь цитируемой концепцией понимания *природы общественных противоречий* является система взглядов социальной философии марксизма. Социальный конфликт, обусловленный неравенством, принимая сегодня самые разные формы, берет начала в отношениях социальных классов. Для выявления его причин можно анализировать каждую из таких форм, а можно применить марксов метод, обратившись к *природе* классового *противоречия*. В рамках настоящей статьи

будет рассмотрена проблема актуальности исследовательского подхода социальной философии марксизма для социального анализа.

В письме к И. Вейдемейеру Маркс заявил: «...Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определёнными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведёт к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов...» [4, т. 28, с. 424]. Попробуем дать краткий анализ этим выводам.

Отвлечёмся от диктатуры пролетариата и заострим внимание на утверждении об общественных классах. Действительно, историки эпохи реставрации Бурбонов до Маркса определили класс как категорию общественного бытия, имеющую *социальную* природу: «Все праздношатающиеся, каково бы не было их происхождение, все те, которые искали в жизни достающихся без труда наслаждений, становились под королевские знамена, защищая интересы подобные их собственным интересам, и, наоборот, те из потомков прежних завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединились к партии общин» [7, с. 52].

Утверждение того, что классы происходят не от биологического в человеке и не от данного ему свыше положения в обществе, — это действительно заслуга, не принадлежащая Марксу. **Но это ещё и не марксизм.** Говорить о классах «имущих» и «неимущих», «рабов» и «господ» и т. п. — не значит ещё определить *природу* социального движения классов. Историкам эпохи реставрации Бурбонов наличие общественных классов представлялось последствием завоеваний, поэтому во французской исторической мысли того времени господствовала теория этнического происхождения феодализма, согласно которой аристократы являются потомками германцев-франков, а буржуазия, ремесленники и крестьяне — потомками покорённых франками галлов. Так, Ф. Гизо писал, что в течение тринадцати столетий побеждённый народ боролся для того, чтобы свергнуть иго народа-победителя, и что история французов есть история этой самой битвы, кульминацией которой стали революционные события [6, с. 1—2].

Вот почему трудно считать, что послышки социальных классов открыты буржуазными историками, как это утверждает Маркс. С одной стороны, классам впервые придан исторический характер, а с другой — они представлены как выражения вражды двух **рас**. Иначе говоря, классовая борьба выступает здесь не как имеющая собственную природу, а как форма иной борьбы, в данном случае — этнической.

Между тем, в социальной философии марксизма обосновывается **объективность** природы общественных классов. Люди могут вступать друг с другом в отношения в зависимости от исповедания той или иной религии, приверженности идеям, причислять себя к определённой культуре, принадлежности к этносу или нации и т. д. Но эти отношения будут носить по преимуществу субъективный характер, ибо зависят от воли людей. Их общее и различное будет определяться одинаковым либо разным осознанием тех или иных ценностей, взглядов, явлений. Но, так или иначе, и воля, и осознание — отражённое и специфически освоенное сознанием общественное бытие.

Общее и различное для индивидов по поводу их классовой принадлежности от них не зависит, ибо определено общим и различным в **потребностях**, возникающих из **отношений собственности** на средства производства, а, следовательно, и интересов образующихся в связи с этим общественных групп. Это **сугубо социальные** потребности, определённые владением или невладением капиталом, которые осознаются индивидами с тем, чтобы согласовывать собственную деятельность с удовлетворением этих самых потребностей. Так рождается социальный интерес, представляющий ту сторону общественного человека, которая определена только его местом в общественных связях. Иными словами, экономические потребности класса и общества в целом не тождественны, а, значит, обусловленные ими интересы разных социальных классов — разные, и заложенное здесь противоречие интересов реализуется в общественных отношениях. В этом и была новизна метода анализа социальной реальности, понимания природы общественных антагонизмов, объективно разделяющих общество на социальные группы с противоположными интересами.

Относительно экономической анатомии классов можно сказать, что, несмотря на то, что британская политэкономия XVII — начала XIX веков продвинулась дальше историков эпохи Реставрации, её представители так и не ответили на вопрос о **происхождении** социальных классов. Так, А. Смит в известной работе «Исследование

о природе и причинах богатства народов», изучая экономическую структуру социума, приходит к выводам о том, что во всяком обществе анатомия общественных классов одинакова, а экономические законы буржуазного общества — естественные законы и других быть не может. Смит даже рассматривает феодализм не как исторически определённый общественный уклад, а как нечто искусственное, называя его «режимом» [5].

Однако, пытаясь объяснить экономическое содержание разных форм земледелия, А. Смит вывел *экономические основания* общественных классов в буржуазном обществе. Способ извлечения дохода — вот то, что, по его мнению, образует класс. А именно: рента с земли, заработная плата и прибыль на капитал составляют доход трех различных классов [5, с. 194]. То же самое мы находим в первом абзаце главы «Классы» третьего тома «Капитала», однако главное обозначено дальше: «Мы видели, что постоянная тенденция и закон развития капиталистического производства состоит в том, что средства производства всё больше и больше отделяются от труда, что расплывлённые средства производства всё больше концентрируются в большие группы, что, таким образом, труд превращается в наёмный труд, а средства производства — в капитал [4, т. 25, ч. 2 с. 457—458].

Такое понимание общественных классов впервые указывает на их историческую обусловленность и динамичность, а именно — что их социальная структура определена *способом общественного производства*, а не завоеваниями народов и не воплощением каких-либо универсальных законов природы в общественном устройстве. Здесь же Маркс ставит главный вопрос о том, *что* образует класс, и успевает показать, что это вовсе не тождество доходов и их источников.

В марксистских основаниях общественных классов оказываются связанными *место* в общественном производстве *и доля* общественного богатства, которой владеет группа индивидов. Главное, что из этого следует, — это то, что, согласно классовой теории, люди объединены в социальные группы не по чьей-то воле (человеческой или божьей), не на основе исповедования общих идей, а независимо от самих индивидов, то есть объективно.

Такое положение чаще всего принимается за мистификацию истории, когда исторический процесс видится как нечто внешнее по отношению к личности. Именно такое видение и критикуется как якобы марксистское. Причиной этой ошибки является, во-первых, сложность метода Маркса, вызванная сложностью изучаемого объекта — системы общественных отношений. С другой же стороны —

невежеством критиков, путающих Маркса с представителями *экономического детерминизма*: «Изменения в экономической организации общества сопровождаются крупными политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями, затрагивающими те обильные или скудные средства, при помощи которых осуществляются задачи хозяйства» [2, с. 320—321]. К слову сказать, Ричард Джонс, являясь представителем экономического детерминизма, ввёл такие понятия, как «способ производства» и «способ распределения», что могло бы служить основанием ещё раз упрекнуть марксизм в эклектике или плагиате. Однако, как и в случае с «классами» в домарксистских исследованиях, так и в экономическом детерминизме данные понятия оказываются «размытыми», не имеющими чёткого критерия. Это один из многочисленных примеров того, что учёные, «нащупывая», ощущая, приближаясь к сути вопроса, ещё не могли создать строгой научной концепции, что удалось сделать только в работе «Капитал» [4, т. 25, ч. 2, с. 457—458].

Разъяснение отличий концептуальных положений марксистской теории социальных классов и его предшественников на этом поприще даёт возможность перейти к рассмотрению метода социальной философии марксизма, который, как и в случае с классами, не изложен в виде определения, что создаёт трудности для его понимания.

Марксизм есть материалистическое учение, которое не только признаёт объективную реальность, но видит её предметом понимания всей человеческой жизни, как индивидуальной, так и общественно-исторической. Сама эта материальная жизнь не может быть рассмотрена вне конкретного человека, а он отдельно от неё. В противном случае человек становится всего лишь частью дикой природы, не имеющей отношения к социуму. Человек, как существо био-социальное, сам является и частью природы («Первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов. Поэтому первый конкретный факт, который подлежит констатированию, — телесная организация этих индивидов и обусловленное ею отношение их к остальной природе» [4, т. 3, с. 19]), и частью общества («Раз человек уже существует, он, как постоянная предпосылка человеческой истории, есть также её постоянный продукт и результат» [4, т. 26, ч. 3, с. 516]). Без человека нет и не может существовать никаких социальных связей и общества в целом. Но и человек, создавая вторую природу вокруг себя, мыслит себя, себе подобных, дикую природу в контексте социальных условий, то есть той системы общественных связей, в которой он живёт.

У общественного человека нет непосредственной связи «индивид — природа», так же, как по мере роста общественного организма утрачиваются непосредственные связи «индивид-индивид»: они *опосредуются системой общественных связей*, знаково, образно, понятийно отражаемой общественным сознанием.

Само же общественное сознание не является неким суммарным продуктом размышлений индивидов, но выступает неотъемлемой частью практической деятельности, и его производство «первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и материальное общение людей, в язык реальной жизни» [4, т. 3, с. 24]. В связи с этим понимание закономерностей социального движения требует такого подхода, который бы учитывал обе природы человека. До марксизма такая связь осуществлялась эклектикой воззрений абсолютизирующих одну из природ человека. Наиболее лаконично основу метода понимания общественного сознания социальной философии марксизма удалось выразить М.К. Мамардашвили: «Дело в том, что Маркс совершенно особо представлял себе социальные системы: в каждом случае он строил своё исследование так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, иначе говоря, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия). Этого рода системами и были для него, по определению, социально-экономические системы. Отсюда оказалось возможным рассматривать сознание как функцию, атрибут социальных систем деятельности, выводя его содержание и формообразования из переплетения и дифференциации связей системы, а не из простого отображения объекта в восприятии субъекта» [3, с. 251].

Таким образом, только в марксизме удалось качественно иначе осмыслить общественно-исторический процесс и предложить метод постижения внутренних причин в самом социальном организме: «Каждый принцип имел особый век для своего проявления. Так, например, принципу авторитета соответствовал XI век, принципу индивидуализма — XVIII век.... Но если, — чтобы спасти как принципы, так и историю, — мы спросим себя, далее, почему же данный принцип проявлялся в XI или в XVIII, а не в каком-нибудь другом веке, то мы неизбежно будем вынуждены тщательно исследовать, каковы были люди в XI веке, каковы они были в XVIII веке, каковы были в каждом из этих столетий потребности людей, их производительные силы, их способ производства,

применявшееся в их производстве сырьё; каковы, наконец, были все те отношения человека к человеку, которые вытекали из всех этих условий существования. Разве изучать все эти вопросы не значит заниматься действительной земной историей людей каждого столетия, изображать этих людей в одно и то же время как авторов и как действующих лиц их собственной драмы?» [4, т. 4, с. 138].

Как видно, здесь нет никакой абсолютизации ни одной из сторон человеческой жизни. В рамках одной концепции оказываются диалектически соотнесёнными причины и следствия социальных действий, когда «действие не может быть больше, чем причина, ибо действие есть не более как обнаружение себя причины» [1, с. 213]. Только **в целом** изучаемая система отношений — общество как единый организм, где личность и общественный процесс есть две стороны одного и того же явления, — может дать ответы на вопросы о причинах тех или иных противоречий в обществе, источниках внутренней напряжённости и развития, одной из исторических форм которых является классовый антагонизм.

Именно с такой методологией Маркс подошёл к пониманию классовых отношений: он впервые не разрывает человека и его конкретное общественное бытие. **Социальное противоречие** не есть нечто внешнее по отношению к индивиду, оно настолько же его часть, насколько сам индивид вырастает во всём многообразии самых непохожих друг на друга межчеловеческих отношений, на которых лежит печать социальной несправедливости. Только Маркс **впервые** вводит требование понимать эти самые отношения как опосредованные всей системой общественных связей. Это условие главное, так как только так можно не упустить ту часть социальных связей, которые не существуют непосредственно как отношение «индивид-индивид» и которыми общество в основном живёт, формируя свои ценности.

Метод Маркса, как и всякий иной метод, рождён спецификой исторически наличествующей системы общественных отношений, и потому он не вечен. Вопрос только в одном: насколько хватит его актуальности? Учитывая, что иного инструментария анализа общественных антагонизмов нам так и не предложено, а марксистская методология всё ещё способна указывать на их причины, срок в полтора столетия оказывается совсем немалым.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. — М.: «Мысль», 1971. — Т. 2. — 248 с.
2. Джонс Р. Политическая экономия народов // Экономические сочинения. — Л.: Соцэргиз, 1937. — С. 320—321.
3. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М.: Прогресс, 1992. — 414 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 50 томах. — М.: Издательство политической литературы 1955—1981. Место изд., изд-во, год. — Тт.: 3-ий (629 с.), 4-ый (615 с.), 25-ый, ч. 2 (551 с.), 26-ой, ч. 3 (674 с.), 28-ой (767 с.).
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Соцэргиз, 1962. — 684 с.
6. Guizot F. Du Gouvernement de la France depuis la Restauration et du ministère actuel. — Paris, 1820. — 332 с.
7. Thierry A. Dix ans d'études historiques. — Bruxelles, 1835. — 674 с.

СОБОРНОСТЬ И ЕДИНОНАЧАЛИЕ В ПРАВОВЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ А.С. ХОМЯКОВА

Щипачев Евгений Андреевич

*аспирант Смоленского государственного университета,
г. Смоленск*

В условиях постсоветской социоинтеллектуальной эволюции, дефицита правового сознания и политико-правового нигилизма, современное российское общество переживает период поиска позитивной альтернативы устаревшей парадигмы сознания. Выход из правового и идеологического кризиса может быть связан с неизбежным принятием элементов западной модели.

Еще в XIX веке славянофилы предлагали не отграничивать либеральный путь от консервативного, а найти способ их гармоничного сочетания. Они указывали на то, что история, культура, быт русского народа и вместе с этим идеал старорусского сознания, определяют фундаментальные аксиологические ориентиры, на основе которых способно развиваться российское государство.

В основе учения славянофилов лежала философская система А.С. Хомякова, в которой все положения пронизаны идеей соборности, рассматриваемой в качестве цели и средства превращения общества

в христианское братство: ««собор» выражает идею собрания, не обязательно соединенного в каком-либо месте, но существующего потенциально без внешнего соединения» [7, с. 326].

В отличие от коллективности, предполагающей единение за счет принятия иного мнения, договоренностей или уступок, соборность как единство во множестве основана на единстве помыслов. Н.А. Бердяев писал: «в соборности нет ничего юридического, ничего напоминающего власть государственную, ничего внешнего и принуждающего» [2, с. 95], подчеркивая тем самым принципиальные отличия в содержании духовных и правовых общественных отношений, а равно в действии религиозных и правовых норм. Первая группа норм базируется на всеобщем принятии и согласии (соборности), вторая приобретает силу в условиях подчинения чужой (внешней) воле.

В той или иной мере религиозные нормы в зависимости от государства и эпохи влияли на становление и развитие правовых систем. С.С. Алексеев утверждает: «Как свидетельствует история права, и позднее, на первых фазах своего формирования, юридические нормы повсеместно выступали в единении с религиозными и этическими нормативными положениями» [1, с. 17]. Так, представления людей о благе, нашедшие свое отражение в священных (иносказательных) текстах, были заимствованы законодателями, продолжили жить в общественном сознании на новом уровне.

В отдельных государствах (мусульманской правовой семьи) сложилась религиозная система права, в рамках которой священные писания, а также их толкования приобрели прямое действие и всеобщий характер. Подобная правовая доктрина не имеет ничего общего с соборностью, так как подразумевает навязывание обществу авторитетного мнения.

Выступая с критикой авторитета как такового, А.С. Хомяков писал: «Церковь не авторитет, как не авторитет Бог, не авторитет Христос; ибо авторитет есть нечто для нас внешнее. Не авторитет, говорю я, а истина и в то же время жизнь христианина, внутренняя жизнь его ...» [5, с. 54]. Таким образом, А.С. Хомяков отрицал не саму церковь или бога, а указывал на недопустимое тождество категорий авторитета и истины. По его мнению, церковь представляет собой единение свободных душ во Христе.

Большей критики с его стороны удостоилась западная церковь за односторонний разрыв братских связей с единым христианским миром, непринятия установлений Вселенских соборов и узурпацию власти главой церкви. На Западе в рамках антитезы «соборность — единоначалие» или «соборность — кафедра Св. Петра», приоритет

сместился в пользу последней, чья духовно-светская власть стала бесконтрольной (догмат о безошибочности Папы Римского). В такой организации господствует принцип подчинения, а не идея свободы духа.

Продолжая анализировать антитезу «соборность — единоначалие», А.С. Хомяков рассуждает о наследии русского народа и обращает внимание на исторические предпосылки формирования государства. По его мнению, в то время, когда многие страны Европы рождались от насильственного единения Рима и Севера, Русь стала единственной наследницей добровольного (соборного) союза Греции и Севера, от которого «истина надежнее развивает идеи долга, закона, правды и порядка» [4, с. 452]. Под Грецией и Римом А.С. Хомяков понимал два полярных духовных центра, а под Севером — европейские народы. Если Рим мечом присоединил земли, навязал свои порядки, то русский народ добровольно перенял духовные ценности Византии.

Критикуя правовую науку Европы, А.С. Хомяков полагал, что нормативные установления на Западе рождаются из присущего европейцам индивидуализма и опираются на логические умозаключения. По мнению А.С. Хомякова, главным для правовых систем европейских государств является принесение в жертву содержания в угоду форме, что обусловлено насильственным возникновением государства. Следует отметить, что А.С. Хомяков, говоря о насильственном возникновении государства, порицает господствующую в Европе теорию общественного договора, по которому одна часть общества создала государство, навязав свои правила поведения другой.

По мысли А.С. Хомякова, Россия не вписывается в теорию общественного договора, поскольку закон является порождением самого русского народа (собора), опирается на признанные им самим принципы христианской жизни. Строго говоря, суть законотворческого процесса заключалась для А.С. Хомякова в гармоничном возведении сложившихся в обществе правил поведения в писаный закон, то есть после того как эти правила поведения выкристаллизовывались в народном быту.

Сам по себе закон и содержащиеся в нем правовые нормы, по мнению А.С. Хомякова, бездушны: «В мире, основанном на законности, закон всемогущ; наоборот, закон есть не более как противоречие, не более как слово без смысла в мире, основанном на отрицании закона» [6, с. 312]. Таким образом, А.С. Хомяков разграничивал понимание закона и законности. Закон представляет

собой нормативный правовой акт, оформленный на бумаге, но не имеющей реальной силы при дефиците правового сознания.

Размышляя о значимости правосознания, А.С. Хомяков обратил внимание на английское общество: «Слабость и порок принадлежат отдельному человеку, но народ признает над собою высший нравственный закон, повинуется ему и налагает это повиновение на своих членов» [8, с. 109]. Следует заметить, что правовые и моральные нормы далеко не всегда совпадают, однако, упомянув «высший нравственный закон», А.С. Хомяков тем самым подчеркивает, что в сознании английского народа право и мораль сплетаются в единый социальный регулятор. Такое понимание законности, на наш взгляд, проистекает из далекого прошлого Англии, когда действовал институт королевских разъездных судей. Все вынесенные ими решения в последующем были систематизированы и приняты за образцы по аналогичным делам. Соответственно, если по сходным правонарушениям применяются одни и те же меры государственного воздействия, то у людей формируется представление о справедливости таких решений. К XIV веку в Англии формируется право справедливости лорд-канцлера.

Помимо восхищения уровнем правовой культуры английского общества, А.С. Хомяков также указывал на гармоничное сочетание в Англии принципов консерватизма и либерализма. В целом, аналогичная модель правосознания представляется А.С. Хомяковым необходимой для России, чтобы правовые нормы рождались с учетом опыта и духа русского народа (собора), тогда закон и законность не будут противоречить друг другу. В обоснование возможности формирования такого правосознания А.С. Хомяков описывает потаенные глубины английского духа, который сродни русскому, несмотря на заточение в каменных городах, стремится к зеленым лесам и тихой сельской жизни. Именно такие народы, объединенные простыми, но высокими самобытными идеями, способны создать уникальные цивилизации.

Не закон, по мнению А.С. Хомякова, является первичным источником права, а обычай, который «выражает собою самое коренное единство общества. <...> Чем шире область обычная, тем крепче и здоровее общество, тем самобытнее и богаче будет развитие права» [3, с. 287]. Правила поведения, регулирующие отношения между людьми во всех древних обществах, после появления государства были возведены в юридические (правовые обычаи). Именно в обычае, по мнению А.С. Хомякова, находит свое отражение идея соборности.

Гармоничное сочетание консервативных и либеральных взглядов — залог развития России. Возможно, чтобы сохранить свою национальную и культурную самоидентификацию в условиях современных изменчивых социальных процессов, необходимо почерпнуть из истории нашего государства лучшие образцы быта (обычаи и традиции), и привить их на современную российскую почву. Требуется по-иному взглянуть на сущность права, его народное происхождение.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений. М., 2010. Т. 7.
2. Бердяев Н.А., А.С. Хомяков. М., 2005.
3. Кошелев В.А., А.С. Хомяков: Жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях. М., 2000.
4. Хомяков А.С. Несколько слов о «Философском письме» // Хомяков А.С. Сочинений в 2 тт. М., 1994. Т. 1.
5. Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях по поводу брошюры г. Лоранси // Собр. соч. Т. 2.
6. Хомяков А.С. Письмо к Лоосу // Собр. соч. Т. 2.
7. Хомяков А.С. Письмо к редактору “L’Union Chretienne” // Хомяков А.С. Полн. собр. соч. в 8 тт. М., 1886. Т. 2.
8. Хомяков А.С. Письмо об Англии // Собр. соч. Т. 1.

3.4. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНЫХ НАУК

Якушева Наталья Юрьевна

кафедра «Философии» ДВГУПС

E-mail: kotuh@inbox.ru

Век информационных технологий и коммуникации посредством телефонии и Интернет практически до неузнаваемости изменил жизнь человека: его личный быт и среду обитания, сознание, окружающую действительность. Двигатель этих перемен — наука. В самой науке наблюдаются устойчивые процессы, общая суть которых сводится к междисциплинарному синтезу естественнонаучных, технических и гуманитарных сфер знания. Одним из результатов этого сближения являются когнитивные науки. Формирование этой сравнительно молодой области сопряжено с появлением совершенно иной парадигмы научного знания, в которой традиционные проблемы эпистемологии, философии и методологии науки обрели новые интерпретации и ракурсы.

Как известно, период формирования когнитивной науки относят к 60—70-м годам XX столетия. В то время она зарождалась в Гарварде (США) как дисциплина, исследующая функционирование знаний в интеллектуальных системах методом компьютерного моделирования. Когнитология — одна из тех научных сфер, которая возникла на стыке различных дисциплин. Междисциплинарный характер обусловил и главную ее отличительную черту — исследование познания в сочетании с использованием компьютерной системы. Таким образом, в центре проблемного поля когнитивной науки мы обнаруживаем информационную машину, которая выступает в качестве наглядной и наиболее убедительной модели формирования, структурирования и вообще — принципиальной работы знания. При этом он имитирует такие когнитивные процессы человеческой психики, как обучение, получение экспертного знания и проч. В конечном счете, главный фокус когнитологии сосредоточен на феномене знания — именно знание выступает предметом исследования. Изучаются такие его аспекты, как получение знания, его хранение и переработка. Естественно, знание не рассматривается в отрыве от антрополо-

гической проблематики — когнитологию интересуют типы и формы знания, которыми обладает субъект, как именно структурировано его знание, как оно используется.

В свете исследования знания как центрального предмета когнитивных наук, эпистемология приобретает особое значение. Эпистемологические проблемы получили иное прочтение благодаря появлению когнитологии и ее продолжающемуся развитию. В этих условиях эпистемология получила новые связи, в том числе с психологией и социальными науками. Академик В.А. Лекторский в работе, посвященной перспективам теории научного познания «Эпистемология: перспективы развития» (2012) отмечает: «эпистемологическая тематика сегодня одна из центральных в когнитивной науке» [2, С. 46]. Происходит расширение эпистемологических горизонтов, что в частности выражается во включении в спектр ее интересов бессознательных когнитивных процессов — таких, как память, восприятие и т. д. Именно здесь мы имеем дело с психологической, социальной и антропологической проблематикой, с которыми стыкуется современная эпистемология. Академик В.А. Лекторский описанную ситуацию интерпретирует как новую форму бытования самой эпистемологии. И это, на наш взгляд, точно отражает современное положение теории научного познания.

В рамках когнитологии активно прорабатывается комплекс проблем, связанных с разработками в области создания «искусственного интеллекта». В ходе этих исследований выяснилось, что многие высказанные философами прошлого теоретические идеи представляют собой своеобразные концептуальные модели, которые в рамках программы «искусственного интеллекта» могут быть подвержены проверке экспериментальным путем. Философия, благодаря сближению эпистемологии и когнитивных наук получила возможность вывести на новый уровень традиционный спор о природе разума и познания. В частности, можно говорить о попытке опровержения основного положения учения о душе Дж. Локка, согласно которому человеческая душа представляется как “*tabula rasa*”. В ходе исследований «искусственного интеллекта» стало ясно, что возможности распознающих устройств, не владеющих теми эмпирическими знаниями-предпосылками, которыми обладает человек, существенно ограничены. Та «чистая доска», куда, по Локку, записываются данные опыта, должна содержать априорные знания о мире, причем объем этих априорных знаний должен быть очень большим. Более того, исследование в рамках «искусственного интеллекта» также показали важную роль неявных, скрытых и не выраженных в языке знаний,

которые хранят жизненный опыт. Все эти результаты показывают, насколько достижения науки в области информационных технологий необходимы для развития философии. Однако, в качестве полного и точного доказательства философских положений указанные наработки не предоставляются существенными, но они обеспечивают определенный прорыв для теоретического философского знания. Происходит это в силу того, что качественно меняется характер связи, которую принято видеть между эпистемологией (как философской дисциплиной) и практикой: эта связь становится теперь непосредственной.

Когнитивный контекст современной эпистемологии обязывает проводить строгое различие между знанием и информацией. В этом смысле информация определяется как знаковая оболочка знания. Знание в рамках компьютерной системы следует понимать как информацию, хранящуюся непосредственно на электронном носителе и формализованную в соответствии с конкретными структурными принципами. Такое «знание» есть лишь его информационная модель, по которой человек творчески воссоздает уже само знание. Это то, что сегодня называют когнитивным знанием, благодаря которому перед человеком открываются новые возможности в размышлениях и действии, расширяется его свобода. Когнитивное знание является личным достоянием субъекта. В процессе познания люди перенимают друг у друга элементы когнитивного знания и используют их в качестве образцов собственного действия.

В виду продолжающихся терминологических поисков новой науки, нужно сказать и об отличии когнитивного знания от когнитивного капитала. Последнее понятие не имеет пока общепринятой трактовки, но уже активно используется учеными. Нам представляется, что его определение в работе Ю.М. Плотнинского, посвященной социокогнитивному подходу к развитию общества знаний, является наиболее точным и разграничивающим его от понятий «когнитивное знание» и «интеллектуальный капитал». Автор включает в понятие когнитивного капитала «умения, навыки, способности, позволяющие эффективно работать с информацией и знаниями» [1, С. 49]. Проясненные таким образом понятия позволяют говорить о некоем когнитивно-эпистемологическом концепте в той интерпретации, которую предложил Ж. Делёз в работе «Что такое философия?». Элементами данного концепта могут служить, с одной стороны, когнитивное знание и когнитивный капитал, с другой — личность. На наш взгляд, вопрос концептуализации когнитивной проблематики является перспективным направлением работы в этой сфере. Методика

формирования концепта, которую предложил Ж. Делёз совместно с психиатром Ф. Гваттари, открывает широкие возможности для выявления связей между составляющими концепта. Исследование этого вопроса также может инициировать поиск и открытие новых элементов когнитивного концепта, находящихся в неразрывной связи с человеком. Построение концепта на обозначенной почве может служить толчком к пересмотру самых разных антропологических, психологических, социальных, философских и других проблем. Говорить о результатах данного исследования пока рано, поскольку мы только очерчиваем территорию возможных поисков. Сейчас можно с уверенностью сказать лишь о том, что при наличии субъекта, обладающего знанием и когнитивным капиталом, т. е. способностью из записанной на бумаге или в виде компьютерного кода информации извлекать знание, можно говорить в принципе о научном знании.

В наших рассуждениях мы подошли к острой проблеме отрыва научного знания от жизни и мира человека. Понятие «жизненного мира человека», введенное Э. Гуссерлем, в контексте соотнесения эпистемологии и когнитивных наук обретает новый смысл. Помня о том, что сам Гуссерль видел истоки глубочайшего кризиса наук и человеческого общества именно в отрыве научных построений от жизненного мира человека, сегодня мы имеем возможность максимально сократить масштаб той пропасти, которая появлялась между человеком и наукой. Эту возможность в контексте когнитологии обеспечивает сближение эпистемологии с науками о человеке.

Вместе с тем, характер связи эпистемологии с когнитивными науками трудно называть всеобъемлющим. На наш взгляд, остаются еще сферы эпистемологии, в которых она не образует стыков с проблемами когнитологии. В качестве примера можно привести историческую эпистемологию, которая ориентирована на исторические и историко-культурные модели. Здесь, как нам представляется, открывается широкая перспектива взаимного вовлечения проблем научного познания и духовного развития личности. Именно сегодня, в эпоху нарастающей дегуманизации всех сфер человеческой жизни, одной из которых является наука, важно задуматься «над основаниями теоретической деятельности и способами взаимодействия науки и культуры, участия науки в создании культурных смыслов и ценностей» [2, С. 200]. Работа в этом направлении возвращает нас к истокам классической философии, в которой идея знания была неразрывно связана с человеческими ценностями и целями деятельности человека. Об этой связи нельзя забывать, особенно в то время, когда наука находится в ситуации, аналогичной той, в которой

исторически оказалась средневековая философия. Находясь под угрозой эксплуатации потребительского интереса и коммерциализации, наука должна четко обозначить свои границы, в чем, несомненно, ей могут помочь философские и культурологические наработки.

Предлагаемый в данной статье краткий обзор эпистемологической проблематики дает понимание актуальности рассмотрения эпистемологии в контексте когнитивных наук. Будучи философской дисциплиной, эпистемология выполняет функцию крайне необходимого во всех отношениях моста между наукой и человеком. Несмотря на то, что именно в направлении человека ей еще предстоит сделать очень многое, перспективы этой работы кажутся положительными. Во всяком случае, поставленные учеными проблемы уже позволяют надеяться на их решение в будущем.

Список литературы:

1. Плотинский Ю.М. Проблемы развития общества знаний: социокогнитивный подход // Информационное общество, 2008. Вып. 5—6. — С. 43—50.
2. Эпистемология: перспективы развития // Отв. ред. В.А. Лекторский, отв. секр. Е.О. Труфанова. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 536 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КУРСЫ В ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Антонова Юлия Викторовна

*соискатель, кафедра истории России ТГПУ им. Л.Н. Толстого,
г. Тула*

E-mail: julia.antonova.julia@yandex.ru

Процессы модернизации, происходившие в России в конце XIX — начале XX вв., требовали развития сферы образования, в том числе подготовки высококвалифицированных педагогических кадров, способных активно содействовать реформе школы и реализации идеи введения всеобщего обучения. Уровень образования учителей Тульской губернии был невысоким: в 1880 г. лишь 18 % имели высшее образование, 4 % среднее специальное, 40 % духовное, 37 % домашнее образование [10, с. 449]. В 1914 г. 0,2 % учителей имели высшее, 37,8 % среднее специальное, 61,8 % духовное, 0,2 % домашнее [9, с. 32—33]. Эти данные показывают, что на протяжении 1880—1914 гг. наблюдалось увеличение доли учителей со средним специальным и духовным образованием, но доля учителей с высшим образованием значительно сократилась. Такая ситуация определяла актуальность вопроса о повышении уровня образования работающих учителей. В Тульской губернии проходили педагогические съезды, конференции, совещания, семинары различной тематики. Вопросы профессионального роста учительства были рассмотрены в ряде работ современных историков как в контексте проблемы формирования учительской интеллигенции [5; 11], так и в рамках изучения становления системы начального образования в Тульской губернии [4].

Но, в целом, проблема организации педагогических курсов остается мало изученной.

Целью исследования является изучение практики организации педагогических курсов как средства повышения уровня образования учительства Тульской губернии, роли общественной инициативы в подготовке и проведении этих курсов. В работе над статьей использованы опубликованные источники статистического характера: данные Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, данные земской статистики, охватывающие период с 1880 по 1914 г. [1—3; 6; 7; 9].

В Тульской губернии значительный вклад в подготовку учительских кадров внесло Тульское Епархиальное женское училище, Тульская учительская женская семинария, женские гимназии, выпускницы VIII класса которых имели право стать домашними учительницами или домашними наставницами. Учительского института в губернии не было вплоть до 1912 г. Система повышения квалификации учительства в современном понимании отсутствовала. Усилия земства и частных лиц, а также стремление самого учительства к профессиональному росту определили практику организации педагогических курсов.

В 1884 г. Тульское губернское земство по настоянию члена губернской комиссии, гласного кн. Г.Е. Львова, решило ежегодно устраивать губернские учительские курсы и отпускать на них по 1000 руб. из процента капитала учительской семинарии. Курсы устраивались в 1884, 1886, 1888, 1891 и 1893 гг., как отмечалось в отчетах земства, «почти исключительно попечительством г. директора народных училищ М.Т. Яблочкова, земство же принимало в них только пассивное участие, отпуская на их устройство деньги» [2, с. 45]. Г.Е. Львов в своем докладе земству справедливо отмечал, что «нельзя ожидать желаемых результатов от курсов, устраиваемых на скудные средства без пособий, без библиотеки в неправильной последовательности, перерывами через год и через два по разным программам» [2, с. 46]. Кроме того, с 1891 г. с педагогическими курсами соединились сельскохозяйственные курсы, в 1893 г. они пополнились курсами садоводства и огородничества. С 1 августа 1899 г. при Тульской губернской земской управе был открыт отдел по народному образованию, в рамках деятельности которого был основан учебно-методический музей, включавший в себя примерную учительскую и ученическую библиотеки, учебные пособия для наглядного преподавания в начальных училищах. В числе коллекций имелись изделия вятской мастерской учебных пособий, издания Вольного экономического общества, учебно-методическое пособие «Сотрудник

школ» под редакцией Гроссмана и множество наглядных пособий, которые применялись при проведении занятий педагогических курсов и образцовых уроков. В 1902—1903 гг. при музее был организован склад «теневого картин», которые использовались с «волшебным фонарем» при устройстве народных чтений. Летом 1900 г. губернская управа впервые взяла на себя устройство педагогических курсов, на них были приглашены 200 слушателей, расходы составили 1343 руб. 28 коп. [6, с. 10]. Курсы проводились и в 1901 г. с 28 мая по 20 июня, в число предметов, кроме русского языка и арифметики, входило естествознание. Количество слушателей составило 200 человек. В 1902 г. курсы были сорваны, т. к. преподаватель русского языка Н.Ф. Бунаков не был утвержден комиссией по народному образованию, а кандидатуру, которая могла бы устроить чиновников, не нашли [6, с. 11].

Интересен опыт организации педагогических курсов в Богородицком уезде. В селах Никитском и Луговке в 1897—1901 гг. были организованы занятия в летние месяцы с закончившими обучение в воскресных школах уезда крестьянскими девушками с целью их подготовки к преподаванию в школах грамоты и воскресных школах. В 1899 и 1900 г. некоторые слушательницы из старшей группы курсисток по итогам экзаменов, проведенных Советом Тульского Епархиального женского училища, были удостоены звания учительниц церковно-приходских школ. В селе Луговка летом 1900 и 1901 г. были организованы 4-месячные курсы, предусматривавшие экзамен на учительское звание. 36 слушательниц успешно прошли курсы и сдали экзамен. На устройство курсов большей частью использовались казенные средства, за исключением курсов в Никитском, которые были организованы на средства почетного попечителя церковных школ Богородицкого уезда графа В.А. Бобринского. Учащиеся церковных школ Тульской епархии за счет средств Синодального Училищного Совета проходили обучение в 1896 г. в Нижнем Новгороде, в 1897 г. в Курске, в 1898, 1901 и 1903 г. в Москве, в 1902 г. в Харькове [1, с. 10].

В 1908 г. силами Общества образования были организованы курсы для учителей начальной школы по природоведению, лекции на которых читали известные тульские преподаватели П. Смирнов, А. Чепелевский, Н. Сорокин, И. Марченко, Н. Дампель, Е. Томашевич, А. Трифонов и др. Курсы окончили 136 человек. Из них 52 % учителя земских школ, 22 % — министерских, 12 % — церковно-приходских, 9 % — городских, 5 % — кандидаты на учительские места; для слушателей курсов были организованы экскурсии в Палату

древностей и на Бактериологическую станцию, а также геологическая экскурсия [6, с. 17].

Необходимо отметить, что политика правительства в отношении педагогических курсов и съездов была непоследовательна. В 1888 г. съезды учителей были запрещены из-за опасности распространения революционных настроений. В 1899 г. были изданы строго ограничительные правила о местных (уездных) съездах учителей. Право на созыв съезда давал попечитель учебного округа при наличии соответствующего разрешения губернатора. Программа съезда готовилась инспектором народных училищ. В работе съезда могли участвовать лишь учителя одного уезда, а список делегатов утверждался местной гражданской властью. Работой съезда руководил местный директор народных училищ. Эти ограничения свидетельствуют о том, что правительство активно препятствовало формированию и развитию учительского профессионального сообщества, опасаясь обсуждения в рамках съезда не только политических вопросов, но и любых актуальных темы, например, неудовлетворительного материального положения учительства. В 1906 г. были изданы «Временные правила о собраниях, публичных лекциях и чтениях», предписывающие обязательное уведомление полиции о планируемых акциях (в том числе, если на собрании произносился доклад, то было необходимо заранее сообщить полиции фамилию и место жительства докладчика); присутствие на собрании наблюдателя, назначаемого губернатором или начальником местной полиции; при объявлении публичного собрания закрытым, все участники должны были разойтись, а в противном случае их удаляли административными мерами [8, с. 108].

Большой вклад в развитие образования в Елифанском уезде внес М.В. Голицын. Возглавив в 1901 г. уездное земство, он умело использовал средства, представленные министерством, средства уездного комитета трезвости и, собственно ресурсы земства, на учреждение музея наглядных пособий. М.В. Голицын в докладе Губернскому земскому собранию назвал это «одним из удачных своих произведений». Узнав, что Елифанское земство может получить от Министерства Народного просвещения крупную субсидию на жалование учителям, он решил «с цифрами в руках красноречиво изобразить плачевное состояние наших школ в особом докладе, к которому прибавить ряд ходатайств об организации педагогических курсов и т. д.» [12, с. 54]. Необходимые средства были получены, что позволило повысить жалование учителям на 20—25 руб. в месяц, т. е. его размер увеличился два раза. М. В. Голицын построил два

новых школьных здания и решил другие хозяйственные вопросы. На педагогические курсы в Епифани были приглашены преподаватели из Москвы и Тулы. Курсы «принесли несомненную пользу, подняли образовательный уровень учащихся, объединили и оживили их» [12, с. 41]. Именно в Епифани был создан первый в Тульской губернии музей наглядных пособий.

В 1908 г. Тульская губернская комиссия по народному образованию рассмотрела доклад М.В. Голицына о необходимости организации педагогических курсов в уездных городах на средства губернского, уездных земств и средства министерства просвещения. Большинство членов земства высказалось за устройство специальных курсов, а не общеобразовательных. Необходимо отметить, что специальные педагогические курсы можно было организовать по правилам 1875 г., а для устройства общеобразовательных курсов нужно было руководствоваться правилами 1906 г., предполагавшими жесткий административный контроль подбора лекторов и определения содержания занятий. В восьми уездах (Алексинском, Каширском, Епифанском, Белевском, Новосильском, Чернском, Веневском, Ефремовском) в 1909—1911 гг. были организованы учительские курсы [3, с. 2]. Организация курсов в среднем требовала от 1500 до 2000 руб. на каждые, в финансировании принимал участие и губернский училищный совет. Губернское земство приняло решение об издании трудов «наиболее типичных и удачных курсов», проходивших в Кашире в 1909 г. и Белеве в 1910 г. Курсы сопровождалась выставками наглядных пособий, учебников и ученических работ. В отчетах инспекторов-наблюдателей, докладах земских управ о проведении курсов сохранились положительные отзывы учителей о лекторах и организаторах.

Таким образом, в конце XIX — начале XX вв. в Тульской губернии общественные инициативы в организации педагогических курсов, как средства повышения профессионального мастерства учителя, имели положительное значение, но их организация требовала значительных финансовых средств и следования жестким административным нормам.

Список литературы:

1. Второе десятилетие церковных школ Тульской епархии. — Тула, 1905. — 30 с.
2. Доклад комиссии по народному образованию о способах и степени участия губернского земства в деле народного образования. Тула, 1898. — 46 с.
3. Доклад председателя Елифанского уездного земства князя М.В. Голицына: из практики Тульского губернского и уездного земств по устройству педагогических курсов учащихся /Общеземский съезд по народному образованию, — № 43, Тула, 1911. С. 1—8.
4. Ермакова С.Н. Начальное образование в Тульской губернии в начале XX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 2003. — 25 с.
5. Зубков И.В. Учительская интеллигенция в России: автореф. дис. ... канд. истор. наук. — М., 2008. — 18 с.
6. Краткий обзор по народному образованию в Тульской губернии за 1907 г. (к 1 января 1908 г.). Тула, 1909. — 71 с. с табл.
7. Краткий обзор 35-летней деятельности Тульского Губернского земства в области народного образования. Тула, 1902. — 12 с.
8. Паначин Ф.Г. Педагогическое образование в России: историко-статистические очерки. М., 1979. — 216 с.
9. Положение начального народного образования в Тульской губернии в 1913 г. Краткий обзор. Тула, 1915. — 85 с.
10. Статистика Российской империи III Университеты и средние учебные заведения 50-ти губерний Европейской России и 10 Привислянских по переписи 20-го марта 1880 г. Разработано под редакцией А. Дубровского. СПб, 1888. 451 с.
11. Сучков И.В. Учителство России в конце XIX — начале XX вв.: дис ... док. истор. наук. М., 1995 — 548 с.
12. Охендушко С.С. Народное образование в Елифанском уезде и князь М.В. Голицын // Тульская школа. 1994. № 3. С. 53—55.

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Купченко Константин Владимирович

канд. ист. наук, старший преподаватель,

Смоленский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский государственный торгово-экономический университет»,

г. Смоленск

E-mail: konstan1977@yandex.ru

Работа выполнена при поддержке Администрации Смоленской области и РГНФ. Проект регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее», Грант № 12-11-67004 а(р).

В городах России в соответствии с Городовым положением 1870 г. были учреждены всесословные органы управления.

Представительные органы (городские думы) формировались путем тайных выборов. Избирательными правами наделялись только мужчины не моложе 25 лет, состоявшие в русском подданстве, владевшие в пределах города недвижимой собственностью стоимостью от 300 до 3000 р., а так же лица, общества и товарищества, содержавшие торгово-промышленные предприятия. Избиратели в соответствии с имущественным цензом делились на три группы, каждая из которых избирала треть гласных в городскую думу [8, С. 821—839].

Выборы признавались состоявшимися, если количество избирателей, пришедших на выборы, превышало количество избираемых хотя бы на одного человека.

Лишёнными избирательных прав оказались лица, не являвшиеся домовладельцами, не попадавшие под имущественный ценз, судимые, находящиеся под следствием, имеющие недоимки городских сборов, содержатели винных лавок и питейных домов.

Городские думы в уездных городах Смоленской были сформированы к 1872 г. губернии [6, Л. 42].

По социальному составу гласные являлись, в основном, купцами и зажиточными мещанами.

Сфера деятельности общественного управления ограничивалась пределами города и отведённых ему земель. Круг проблем, находящихся в компетенции городских дум, был довольно широким

и включал в себя вопросы непосредственно городского хозяйства и благоустройства, основные проблемы социальной сферы, культуры, организации местного производства, его финансово-кредитной поддержки, торговли [13, С. 823].

Председательствовал в думе городской голова, одновременно возглавлявший городскую управу — исполнительный орган управления.

Лица, избранные на должность городского головы (закон определял четырехлетний срок их полномочий) в уездных городах Смоленской губернии утверждались губернатором. Заключение губернаторов в официальных представлениях по поводу избранных кандидатов обычно сводилось к констатации соответствия претендента установленным Городовым положением требованиям. Случаев неутверждения городских голов или их заместителей в городах Смоленской губернии не было.

На должность городского головы в уездных городах Смоленщины (в некоторых документах эта должность именуется как, например, в Гжатске, Красном, Ельне, Сычевке, Юхнове — городской староста [3, Л. 278; 9, С. 27—160]) в 70—80-х гг. XIX в. избирались представители купечества (62,6 %), мещане (12 %) и почетные граждане (5 %). Социальный статус городского головы незначительно менялся. В 90-х гг. XIX в. представительство купцов в общем составе городских голов Смоленской губернии возросло (80,5 %), число мещан уменьшилось (10,2 %). В начале XX в. составе городских голов, сократилось число почетных граждан, а также лиц, имеющих гражданские чины (5,6 %). Таким образом, преобладание представителей торгово-промышленной деятельности среди городских голов Смоленской губернии было подавляющим и имело тенденцию к росту, что объясняется утверждением капиталистических отношений в стране.

Средний возраст городских голов Смоленской губернии составлял примерно 40—50 лет. Анализ их имущественного положения свидетельствует о том, что чаще всего это были довольно состоятельные люди. Кроме того, городские головы получали за свою деятельность денежное содержание (в уездных городах Смоленщины жалование городского головы было 900—1000 рублей в год [5, Л. 3—3 об.]).

Для городских голов Смоленской губернии было характерно активное участие в общественной жизни, широкая благотворительность. Например, городской голова Дорогобужа Д.И. Свешников, занимавший эту должность более сорока лет с 1870 г. и вплоть

до 1917 г., пожертвовал собственный двухэтажный кирпичный дом под мужскую гимназию [16, С. 130].

В истории городского самоуправления на Смоленщине были нередки случаи повторного избрания на должность городского головы [10, С. 27—160, 11, С. 113—247, 12, С. 27—160]. Большинство из них имели многочисленные знаки отличия, полученные за активную деятельность и особые заслуги [1, С. 142, 210].

При Александре III были пересмотрены положения законодательства по формированию органов городского самоуправления. Разрядная система выборов была заменена имущественным цензом (оценка ценности принадлежащего потенциальному избирателю недвижимого имущества, определенного для взимания сборов в пользу города).

Согласно Городовому Положению 11 июня 1892 г. правом участия в выборах пользовались лица, состоящие в русском подданстве, а также благотворительные, научные, учебные и правительственные учреждения при условии, если эти учреждения и лица не менее одного года владеют в пределах городского поселения на праве собственности или пожизненного владения недвижимым имуществом, обложенным оценочным сбором [14, С. 281—304]: в уездных городах Смоленской губернии — не менее трехсот рублей. Это обстоятельство сильно отразилось на количественном составе избирателей. В соответствии с Городовым положением 1892 г. число гласных городской думы теперь зависело как от числа избирателей, так и от вида городского поселения.

Число гласных сократилось в связи с достаточно резким уменьшением численности избирателей. В Вязме и Дорогобуже один избиратель приходился на 31 лицо мужского пола, в Рославле — на 29 [7, С. 328].

Городовое положение 1892 г. допускало так называемое «упрощенное управление» для мелких городов России. Его сущность состояла в следующем. На сходе домохозяев избиралось собрание уполномоченных численностью от двенадцати до шестнадцати человек, которое выбирало городского старосту и несколько его помощников [14]. В Смоленской губернии городское упрощенное общественное управление было введено в Духовщине, Ельне, Красном, Юхнове [15, С. 27—160].

По Положению 1892 г. городским думами по-прежнему отводились распорядительные функции, управе — исполнительные, но вместе с тем расширялись возможности управы в сфере общественного управления. Это выразилось, к примеру, в том, что Городовое положение допускало возможность для исполнительного органа

осуществлять полномочия распорядительного органа: согласно статье 89, если собрание думы дважды не состоялось из-за отсутствия необходимого числа гласных, то подлежащие рассмотрению доклады управы направлялись с ее заключением губернатору, и после его одобрения, направлялись к исполнению.

Несмотря на то, что после 1892 г. дума стала более ограниченной в своей компетенции, она сохранила за собой решение основных вопросов городского управления: благоустройство, развитие местного хозяйства.

В 1917 г. произошли большие перемены в политической жизни России, повлекшие значительные изменения в формировании новой системы органов государственного и местного управления.

На смену старой системе городского самоуправления установилась новая система «представительных органов власти и народного самоуправления» — Советов. Во всех уездных центрах власть к Советам перешла мирным путем. В Вязьме это произошло в ночь с 25 на 26 октября, в Дорогобуже и Ельне — 26 октября, в Рославле — 27 октября, в Гжатске — 1 ноября, в Сычевке — 8 ноября, в Духовщине — 19 ноября, в Красном — 26 ноября 1917 г., в Поречье — только в марте 1918 г. Но данный вопрос выходит за хронологические рамки настоящего исследования.

Так осуществлялось управление в уездных городах Смоленской губернии в период проведения реформ второй половины XIX в.

Список литературы:

1. Альбом городских голов. СПб., 1903. — 373 с.
2. ГАСО (Государственный архив Смоленской области), Ф. 65. Оп. 1, Д. 1478.
3. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1, Д. 4.
4. ГАСО, Ф. 65. Оп. 1, Д. 851.
5. ГАСО. Ф. 65. Оп. 2. Д. 47.
6. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26.
7. Города России в 1910 г. СПб., 1914.
8. Городовое положение 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отд. 1. Т. 45. № 48498.
9. Памятная книжка Смоленской губернии на 1870 г. Смоленск, 1873 г.
10. Памятная книжка Смоленской губернии на 1880 г. Смоленск, 1880 г.
11. Памятная книжка Смоленской губернии на 1889 г. Смоленск, 1889 г.
12. Полное собрание законов Российской империи, Собрание третье, Т. XII, № 8708.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIV. Отд. 1. СПб., 1874. Ст. 48498.
14. Свод законов Российской Империи. Т. 2. Кн. 1.
15. Справочная книжка Смоленской губернии на 1894 г. Смоленск, 1895 г.
16. Смоленская область. Энциклопедия. Т. II. СГПУ, 2003. — С. 588.

КАЗАЧЬИ ШКОЛЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Нещеретов Иван Валерьевич

аспирант КубГУ,

г. Краснодар

E-mail: nesshheretovi@mail.ru

В конце XIX века Россия оставалась преимущественно аграрной страной. Вместе с тем потребности капиталистического хозяйства и предпринимательства требовали повышения уровня народного образования и дальнейшего увеличения грамотности среди населения. «Если в 1860 г. на Кубани было 36 учебных заведений, в которых обучалось немногим более двух тысяч человек, то в 1913 г. функционировало уже 1915 школ с числом учащихся более двадцати тысяч. В результате к 1916 г. грамотными были 43 % кубанских казаков» [3, с. 28].

Огромное внимание в г. Екатеринодаре уделялось созданию воскресных школ. Для обучения в этих школах принимались как взрослые люди, так и подростки. Школы были как для мальчиков, так и для девочек. В 1894 г. сословный состав учеников воскресных школ был следующим: мещан — 157 (61 %), крестьян — 68 (26,4 %), казаков — 17 (6,6 %), солдатских детей — 11 (4,2 %), дворян — 3 (1,1 %), почетных граждан — 2 (0,7 %) [7, с. 12]. Из приведенных цифр мы видим, что доминировали в школе выходцы из мещанской и крестьянской среды.

В Кубанской области также широко были распространены ремесленные школы. Так в Кубанском Александровском реальном училище учебное и внеурочное время было до предела заполнено обязательным участием в богослужениях. Учебный день начинался общей молитвой. Молитва читалась перед каждым уроком

в присутствии законоучителей, «лиц начальствующих и классных наставников». Устраивались чтения «о покорении Кавказа — «Герои Кавказской войны». Были введены тетради «что я читал», в которые обязательно вносились названия прочитанных каждым учеником книг. Эти тетради проверялись классным наставником, в обязанность которых входило наблюдение за своими питомцами не только в учебном заведении, но и за его пределами. Велось «штрафные журналы». Существовала строгая регламентация посещения учащимися театров, времени прогулок по улицам и паркам и т. д. [5, с. 202—203].

В учебном 1911—1912 гг. из казны Кубанской области на нужды Александровского реального училища была выделена ежегодная сумма в 21566 рублей, и училище было преобразовано в казачье учебное заведение. Далее рассмотрим таблицу.

Таблица 1.

Число всех учащихся в начальных церковно-приходских и средне-учебных заведениях за 1911 г. [6, с. 79]

Отделы и города	Число всех учащихся	На сколько душ приходится один учащийся
Екатеринодаский с г. Екатеринодаром	31209	12,99
Таманский с г. Темрюком и г. Анапой	22634	20,61
Ейский с г. Ейском	26902	15,2
Майкопский с г. Майкопом	17808	23,27
Лабинский	20422	22,58
Кавказский	22620	18,09
Баталпашинский	12434	21,7
Итого	134024	19,2

Из представленной таблицы мы видим, что наибольшее количество учащихся — это 31209 человек — приходится на г. Екатеринодар. Наименьшее количество учащихся — 12434 — на Баталпашинский отдел. Данные цифры не удивительны, так как г. Екатеринодар являлся культурно-просветительской столицей на Кубани. Просветительской деятельностью занимались такие видные деятели как К.П. Приклонский, В.В. Скидан, А.Д. Бигдаев, С. Мищенко, Третьяков и другие. Далее мы рассмотрим, сколько в среднем учеников обучалось в школах Кубанской области.

Таблица 2.

**Среднее отношение числа учащихся к числу школ
Кубанской области за 1911 г [6, с. 81]**

Отделы	Среднее число учащихся в каждой школе
Екатеринодаский с г. Екатеринодаром	119
Таманский с г. Темрюком и г. Анапой	94
Ейский с г. Ейском	110
Майкопский с г. Майкопом	92
Лабинский	128
Кавказский	90
Баталпашинский	92
Итого	96

Из приведенной таблицы мы видим, что в среднем в школах Кубанской области обучалось 96 человек. Если мы будем сравнивать с современной школой, где количество учеников может быть 2000 или 3000, то это конечно несравнимые цифры. Вместе с тем, ученик, поступивший в школу, мог ее и не закончить. Так, к примеру, в церковно-приходской школе в станице Ахтанизовской, открытой в 1893 г., за все время ее существования обучалось 846 учеников, а окончило школу всего 96 детей.

Атаманы и казачье правление были заинтересованы в том, чтобы среди казаков было много грамотных людей. Так в станице Шкуринской «первая школа грамотности была открыта в 1864 г., и помещалась она в обыкновенной казачьей хате, в 1866 г. в ней насчитывалось 32 мальчика и две девочки. Учителем тогда был отставной штабс-капитан Зверев, обучавший детей за плату по соглашению с обществом 80 рублей в год. В 1892 г. была открыта церковно-приходская одноклассная школа на 40 душ учащихся обоего пола. По приговору общества от 23 ноября 1897 г. № 85 в память Священного коронования Их Императорских Величеств начальное училище преобразовано в двухклассное Николаевское». (Министерство Народного Просвещения) [4, с. 270].

В результате победы в Октябрьской революции произошли изменения в образовании Кубанской области. К 1917 г. более половины казачьего населения на Кубани оставалось неграмотным. Началась ликвидация неграмотности населения. Многие делались для привлечения учительства на сторону Советской власти. Летом 1918 г. состоялось два всероссийских съезда учителей, на которых выступил В.И. Ленин. Он призывал учителей стать «главной армией социалистического просвещения» [4, с. 250]. Далее рассмотрим таблицу.

Таблица 3.

**Количество учащихся во всех типах учебных заведений
в городах Кубанской области на 1 января 1919 г. [1, с. 34]**

Название городов	Количество учащихся												
	В начальных школах			В высших начальных училищах			В средних училищах			В профессиональных училищах			Итого
	Мальчики	Девочки	Итого	Мальчики	Девочки	Итого	Мальчики	Девочки	Итого	Мальчики	Девочки	Итого	
Екатеринодар	3924	4253	8177	287	411	698	2167	981	3048	14	—	14	11998
Ейск	1606	1881	3487	465	305	770	387	818	1205	—	—	—	5462
Майкоп	1522	1503	3025	381	335	716	313	454	767	—	—	—	4508
Армавир	1603	1174	2777	126	29	155	32	-	32	—	—	—	2964
Темрюк	—	—	—	268	239	507	—	—	—	—	—	—	507
Анапа	536	518	1054	158	176	334	318	370	688	—	—	—	2076

Из представленной таблицы мы видим, что в начальных школах Екатеринодара преобладали девочки — 4253, мальчиков было 3924. Данные цифры показывают, что после Октябрьской революции исчезла привилегия на образование у мальчиков. Это в дальнейшем сыграло положительную роль в развитии Кубанской области. Произошло увеличение школ: Майкопский отдел — 167, Ейский — 218, Таманский — 123, Баталпашинский — 130, Кавказский — 213, Лабинский — 223, Екатеринодарский — 151 [2, с. 35]

К середине двадцатых годов в пределах Кубанской области функционировало около двух тысяч общеобразовательных школ, тысячи пунктов ликвидации неграмотности, 600 изб-читален, клубов, домов казака и крестьянина, 400 библиотек, заново созданные сельскохозяйственный, медицинский, педагогические институты, до 20 техникумов, несколько музеев и театров, издавались окружные газеты и журналы, широко распространялись центральные периодические издания.

Список литературы:

1. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 21. Л. 34.
2. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 5. Д. 21. Л. 35.

3. Громов В.П. Культурно-просветительская деятельность Екатеринодарского благотворительного общества в 60—90-е годы XIX в. / В.П. Громов // проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода: сб. науч. тр. / Кубан. гос. ун-т ; отв. ред. С.С. Минц и др — Краснодар, 1991. — 142 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза / Б.Н. Пономарев, М.С. Волин и др. — 5-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1979.
5. Куценко И.Я. Кубанское казачество / И.Я. Куценко. — 2-е изд., доп. — Краснодар: Кн. изд-во, 1993. — 583 с.
6. Кубанский сборник: труды. / Кубан. обл. стат. комитет; под ред. Л.Т. Соколова. — Екатеринодар: [Б.и.], 1883—1916. Т. 18: 1913 г.
7. Отчет о деятельности правления Екатеринодарского благотворительного общества за 1893—1895 гг. — Екатеринодар, 1895.

ЭТНИЧЕСКИЕ НЕМЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Рындин Сергей Николаевич

*аспирант исторического факультета
Белорусского государственного университета,*

г. Минск

E-mail: serzh-ryndin@yandex.by

Перепись населения 2009 г. в Республике Беларусь выявила 2474 представителя немецкого этноса [7, с. 7]. По сравнению с переписью 1999 г. их численность уменьшилась. В 1999 г. к этническим немцам себя отнесли 4805 человек [6].

Количество проживавшего на территории Беларуси немецко-язычного населения в течение XX века сокращалось. При этом многие потомки немецких переселенцев ассимилировались, немецким языком не владеют и называют себя белорусами [4].

Впервые наиболее подробные статистические сведения, освещающие пребывание немецких поселенцев в Беларуси, были получены в результате проведения первой всеобщей переписи населения России в 1897 г. Материалы переписи, согласно нашим подсчетам, свидетельствуют, что в пяти губерниях Северо-Западного края проживало 27.311 человек, назвавших немецкий язык своим родным. Они составляли 0,32 % от общего количества населения этих губерний

(однако 328 человек из этого числа по своему вероисповеданию были иудеями). 21.265 человек состояли в российском подданстве. По сословному происхождению среди немецкоязычного населения в начале XX века преобладали мещане (11.682 человека) и крестьяне (6.523 человека). 1912 человек были дворянами, как личными, так и потомственными, а также чиновниками не из дворян. Иностранцев подданных в Беларуси из числа носителей немецкого языка насчитывалось 6046 человек. По трудовой занятости среди выходцев из немецкоязычных стран наиболее распространенными были военная служба, земледелие, лесные промыслы, поденные работы. Многие служили в прислуге. Большинство немцев исповедовало лютеранство (23.982 человека). Имелись также приверженцы католической (2.111 человек) и православной (491 человек) церквей.

Среди материалов Национального исторического архива Беларуси можно обнаружить сведения о представителях немецкой диаспоры, которые вступали в брак с российскими подданными и не поддерживали постоянных связей с зарубежьем.

В рапортах царских чиновников содержится информация о семьях иностранного происхождения, которые придерживались своих культурных традиций и тем самым выделялись на фоне остального населения. В марте 1915 г. пристав 3 стана Пинского уезда следующим образом охарактеризовал немецкую семью, купившую землю на хуторе Александрово в Пинском уезде Минской губернии: «Семья Фосса обрабатывает купленную землю у Комар сама лично средствами и трудом ни чем не отличающимися от местного населения и по быту своему ни чем равно не отличается от местного (населения) крестьянства. Единственно, что служит раздельностью их от крестьян, так это несколько усвоенное упорядочение сельского хозяйства, большой навык к трудолюбию, а самое главное их верование и разговорный в семье немецкий язык, до сих пор незнакомые крестьянству в этой местности, каковое и отчуждает от них местное население» [3, л. 3-3 об].

Первая мировая война стала этапным событием в жизни германских переселенцев. Суровые законы военного времени значительно повлияли на их правовое и социально-экономическое положение. В годы войны губернские власти проводили в жизнь ряд мероприятий, ограничивавших права иностранных диаспор, представлявших воюющие с Россией государства. Данные лица, за исключением славянских выходцев, исключались из состава союзов, обществ и других частных, общественных и правительственных организаций [5, л. 58]. Также они лишались права на защиту

в суде [5, л. 140]. В общественных местах воспрещалось употребление немецкого языка [10, с. 65].

Но настоящей драмой для многих германских семей стало принудительное выселение из западных регионов империи. Выселяемым надлежало ехать за свой счет в Вологодскую, Вятскую, Оренбургскую, Заволжскую, Костромскую и другие губернии. На случай сопротивления властям предполагался этапный порядок следования депортированных [2, л. 7].

Но необходимо указать, что депортации подвергались в первую очередь германские, австро-венгерские и турецкие подданные от 18 до 45 лет, способные носить оружие. Этот статус распространялся и на неспособных к военной службе германцев, австрийцев, венгров, турок, но только при обвинении в шпионаже. Впрочем, начальники военных округов в начале войны уведомили губернаторов, что подозреваемых в шпионаже даже при отсутствии улики, неопровержимо доказывающих их причастность к противозаконной деятельности, следует депортировать [1, л. 2].

Таким образом, в первые дни войны царское правительство приступило к жёстким мерам. Но вместе с тем власти не считали необходимым полное выселение из западных губерний выходцев из неприятельских стран. Было позволено остаться как российским подданным немецкого, австрийского, венгерского и турецкого происхождения, так и подданным стран Тройственного, затем Четверного союза. И тем, и другим власти разрешали заниматься предпринимательством, владеть недвижимым имуществом.

Но необходимо отметить, что немецкому населению, оставшемуся в пределах территории, состоящей на военном положении, приходилось жить под постоянным полицейским надзором и угрозой выселения. 2 февраля 1915 г. Совет Министров утверждает положение о конфискации внегородских недвижимых имуществ в прифронтовых губерниях, принадлежащих австрийским, венгерским и германским подданным, а также российским подданным из германских, австрийских, венгерских выходцев и их потомков по мужской линии [9, л. 41].

Таким образом, политика депортации, проводимая царским правительством в западных губерниях, не привела к исчезновению немецкой диаспоры на территории Беларуси. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. на территории БССР проживало 7075 немцев (всего в СССР насчитывалось 1238549 человек немецкой национальности). Из них около 4-х тысяч приходилось на территорию Восточного Полесья. При этом в Мозырском регионе было отмечено 3356 немцев, что составляло 46,6 % всего немецкого населения БССР

и абсолютное большинство сельских немцев — крестьян-колонистов республики [8].

В 1930-е годы, в виду угрозы войны с нацистской Германией, советское правительство, как и царское, стремилось очистить западные окраины страны от граждан немецкой национальности. Но в действиях руководства СССР прослеживается курс на полное выселение немцев без права возвращения на прежнее место жительства. Только в 1970-е годы высланным было официально разрешено вернуться на старые места проживания. В послевоенный период многие немцы скрывали свою национальность, изменяли имена и фамилии [4].

Таким образом, в начале XX века немцы составляли незначительную долю в составе населения белорусских губерний. Но в виду войн с Германией данная группа населения находилась под пристальным вниманием центральных и местных властей. Выселение «неблагонадежных элементов» в отдаленные регионы России стало одним из основных направлений в их деятельности. Но царское правительство, в отличие от советского, не видело необходимости в полном выселении. После Второй мировой войны высланные руководством СССР этнические немцы получили возможность вернуться в БССР, но в республике не было условий для поддержания ими своих национальных и культурных особенностей, что способствовало ассимиляции.

Список литературы:

1. Дело о направлении военнопленных в распоряжение Витебского военного начальника // НИАБ (Нац. ист. арх. Беларуси). Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250.
2. Дело об отправке этапным путём военнопленных // НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 264.
3. Дело об отчуждении недвижимого имущества германского подданного Ф.Э. Фосса в фольв. Александрово Пинского уезда // НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15822.
4. Новикова Л. О немецкой диаспоре в Беларуси // «Deutsche Welle Russian». 2012. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://www.dw.de/o-немецкой-диаспоре-в-беларуси/a-2037464-1> (дата обращения: 20.01.2013).
5. Обязательные постановления и объявления начальника Минского военного округа, Минского губернатора, циркуляры Департамента полиции и Минского губернатора // НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 65.
6. Перепись населения 1999 г. (основные итоги): Национальный состав населения Республики Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/p5.php> (дата обращения: 19.01.2013).

7. Перепись населения 2009 / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Том 3: Национальный состав населения Республики Беларусь; [под ред. В.И. Зиновского]. Минск: Информ.-Вычислит. центр Нац. статист. ком-та Респ. Беларусь, 2011. — 436 с.
8. Пичуков В.П. Немецкое население Восточного Полесья Беларуси в 20—30-е годы XX в.: по материалам периодической печати // Краязнаўчы сайт Гомельшчыны. 2004. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://nashkraj.info/content/view/137/> (дата обращения: 20.01.2013).
9. Сведения о русских и иностранных подданных, члены семейств которых высланы по подозрению в шпионстве в отдаленные губернии России // НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 49119. Перепись.
10. Черепица В.Н. Город-крепость Гродно в годы первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно: Изд-во Гродненского гос. ун-та имени Янки Купалы, 2005. — 359 с.

СОБЫТИЯ СЕНТЯБРЯ — ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА — «БЕЛОЕ ПЯТНО» СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Шереметьева Лариса Николаевна

*канд. филос. наук, доцент кафедры общественных наук,
Волгоградской государственной академии повышения квалификации
и переподготовки работников образования (ВГАПКП РО),
г. Волгоград*

E-mail: lsherem@yandex.ru

В текущем году исполняется двадцать лет со дня трагических событий в истории постсоветской России — 21 сентября — 5 октября 1993 года, завершившихся по указу Президента РФ Б.Н. Ельцина расстрелом из танков Дома Советов, в котором заседал Съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР. После расправы над представительными органами власти и ограничении действий Конституционного суда уже никто не смог препятствовать принятию президентского проекта новой Конституции России, предполагающего неограниченную власть президента и отрицающего, фактически, принцип разделения властей. Конституция была принята незаконным способом, не на референдуме, а на всенародном голосовании

по специальному указу Президента 12 декабря 1993 года. Это стало завершающим этапом победы контрреволюции либерал-демократов, пришедших к власти после событий ГКЧП в августе 1991 года, и концом советской системы власти в России.

В российском обществе нет единодушной оценки данных событий. По данным социологического исследования, проведенного в апреле 2011 года Институтом социологии РАН, более 40 % граждан относятся равнодушно или плохо помнят эти события, 37 % оценивают отрицательно, а 23 % их одобряют [5, с. 40]. Такой набор оценок объясняется тем, что в современной России сентябрьские — октябрьские события 1993 года остаются «белым пятном» истории, граждане о них мало что знают, а поэтому не могут судить по существу.

Политолог, социолог и историк А.Н. Тарасов сделал подробный анализ произошедшего в Москве 3—4 октября 1993 года, он обосновывает свою версию кровавых событий как тщательно спланированную «провокацию президентской стороны» против защитников Дома Советов, показывает причины политической провокации и выигрыш провокаторов, отвечает на вопросы «были ли заговор» со стороны защитников Дома Советов, «кто виноват» с обеих сторон и «кто в итоге выиграл». Но даже в этом подробном исследовании профессионального аналитика остается много вопросов ко всем участникам событий, к власти и общественности, на которые необходимо дать ответ, чтобы не допустить в дальнейшем подобного кровавого развития современной истории России [19].

Чем дальше общество уходит от этих трагических событий, нарастает необходимость дать им юридическую, политическую, нравственную и историческую оценку. Это диктует логика политического процесса в современной России, стремление российских граждан к утверждению в обществе демократии и справедливости.

В защите Дома Советов принимали участие тысячи граждан России, их представители съехались из более 60 городов страны, очевидцы называют максимальную цифру людей, вышедших на защиту Дома Советов в 50 тыс. человек [11, с. 6; 19]. Это люди высокого гражданского долга, они пришли защищать не Руцкого с Хасбулатовым, а Конституцию России, демократический путь ее развития. Многие из них погибли, официально называется цифра о 150 погибших, но очевидцы событий говорят о жертвах на порядок выше [15; 17; 18].

Сразу же после танковых залпов по Дому Советов Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело, была создана специальная следственная группа (руководитель — Л. Прошкин), расследовались действия не только сторонников Верховного Совета, но и правительственных сил, во многом повинных, по материалам следствия, в сложившейся ситуации и в тяжких последствиях происшедшего [15]. Следствие было прекращено в связи с принятым постановлением Государственной Думы от 23 февраля 1994 года № 65-1 ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии» [20]. Следствие не завершилось, а вопросы, беспокоящие общество остались.

После принятия Конституции и формирования новых представительных органов власти России появились письма и обращения общественности к вновь избранным депутатам с просьбой создать специальную комиссию по парламентскому расследованию трагических событий. Стремление восстановить законность и справедливость в отношении невинно пострадавших в октябрьских событиях 1993 года объединило людей разных политических, религиозных и иных убеждений. Были созданы: «Общественное объединение родителей и близких погибших и граждан, пострадавших в событиях 21 сентября — 5 октября 1993 г.» (председатель — Ю.Е. Петухов); общественный благотворительный фонд содействия увековечению памяти погибших граждан в сентябре—октябре 1993 «4 октября» (председатель — М.И. Смирнов), постоянно действующий организационный комитет памяти жертв трагических событий (председатель — В.П. Бирюлин) [6].

Государственная Дума откликнулась на просьбы общественности: юридическая и политическая оценка событий 21 сентября — 5 октября 1993 года прозвучала в стенах Государственной Думе на депутатских слушаниях в 1994 и 1999 годах, в выступлении председателя Комитета по безопасности, доктора юридических наук В.И. Илюхина, а также в докладе председателя Комиссии Государственной Думы по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в городе Москве 21 сентября—5 октября 1993 года Т.А. Астраханкиной. Выступающие обосновали совершение тяжкого преступления Президентом Б.Н. Ельциным и его окружением, когда были разогнаны законодательные органы — Съезд народных депутатов Российской Федерации и его Верховный Совет, а их государственная власть была захвачена Б. Ельциным, по его указу прекращено действие Конституции страны, а граждане, вставшие на защиту Конституции и законодателей, были расстреляны в Доме Советов, рядом с ним и в других местах города Москвы [9, с. 14—26].

По словам В.И. Илюхина, свершенные тяжкие преступления предусмотрены статьями 64, 70, частью 2 статьи 171, пунктами «в», «д», «з», «н» статьи 102 УК РСФСР, ныне ответственность за указанные преступления предусмотрена статьями 278, 280, пунктами «а», «б», «е», «ж» статьи 105, частями 2 и 3 статьи 286 Уголовного кодекса РФ [9, с. 15].

В Рекомендациях слушаний, в частности, констатировалось, что при принятии амнистии Государственной Думой по уголовному делу о массовых беспорядках в городе Москве 3—4 октября 1993 года «не была обеспечена необходимая полнота, всесторонность и объективность расследования», при этом, амнистия «лишила большинство пострадавших в этих событиях возмещения ущерба, причиненного виновными действиями организаторов и участников событий» [17]. Государственной Думе рекомендовалось, руководствуясь принципами законности и гуманизма, «принять в течение осенней сессии 1999 года проект федерального закона «О социальных гарантиях пострадавшим в событиях 21 сентября — 5 октября 1993 года», а также обратиться в Генеральную прокуратуру Российской Федерации по вопросу «о возбуждении уголовных дел в отношении организаторов и участников событий 21 сентября — 4 октября 1993 года, на которых не распространяется амнистия» [17]. Но это были лишь слушания, выносящие рекомендации для принятия решений органам государственной власти. Политические же решения высших органов власти по оценке трагических событий сентября—октября 1993 года еще предстоит сделать. Пока у верховной власти России, продолжающей ельцинский курс, для этого нет ни желания, ни политической воли. Но постепенно углубляющийся глобальный и общенациональный кризис может уже в ближайшие годы поставить на повестку дня принятие таких политических решений.

Нравственная оценка событий была дана в известном обращении «Горе строящему на крови» группы православных священников, входивших в Общественный комитет «За нравственное возрождение Отечества» (руководитель — прот. А. Шаргунов), в Государственную Думу. В обращении говорилось: «Мы убеждены, что никакое государственное строительство невозможно, если в основании его не положен нравственный закон «Не убий», если граждане лишены права слышать и знать правду, если, наконец, злу не дается обществом нравственная оценка и тем самым ему не ставится предел. «Горе строящему город на крови и созидающему крепости неправдою!» (Авв. 2, 12)» [4].

Известный ученый, декан социологического факультета МГУ, президент Российской социологической ассоциации, профессор Владимир Добренков так оценивает события 3—4 октября 1993 года: «...Это самая трагическая история в России последних десятилетий, потому что на глазах у всей России и всего мира был расстрелян законный парламент. И ничем нельзя оправдать применение насилия. Насилие — это плохо. Насилие всегда свидетельствует о бессилии той власти, которая пытается утвердиться. И в этом смысле попытка применить насилие и осуществление ее со стороны Ельцина, конечно, — это позорный факт для России и самого Ельцина, которому история это не простит» [7]. Одну из причин произошедшей трагедии Добренков видит в правящей элите: «...Элита, которая формировалась 1990-х гг., во многом являлась перевертышами. Это были люди, которым нельзя доверять. Да это вовсе и не элита, если под элитой понимать самых лучших представителей нашего общества, готовых к самопожертвованию во имя своего Отечества. Они не выражали интересы большинства общества. Эта «элита» была абсолютно прозападной и враждебной интересам России» [7].

Свои оценки октябрьских событий высказали историки. Известный историк М.Я. Гефтер, член президентского совета, который вышел из него в знак протеста в связи с кровавыми октябрьскими событиями 1993 года, говорил: «Не в меня стреляли, но в меня попали — как в человека и как в историка» [13]. Гефтер создал исследовательскую группу «Люди Октября 93-го» для изучения этих событий, ныне его ученики и коллеги продолжают начатое им дело.

Подробный анализ событий конституционно-политического кризиса 1993 года сделан доктором исторических наук Р.Г. Пихоя. Характеризуя кризис и его завершение, он пишет: «Возникла реальная угроза распада России по образу и подобию событий в СССР в 1991 г. Выход из кризиса — силовое, кровавое подавление Верховного Совета и Съезда народных депутатов — стал завершением истории Советской власти в России. Рожденная под залпы «Авроры», она была погребена танковыми залпами по «Белому дому». События сентября — октября 1993 г. разрушили романтический образ «августовской революции 1991 г.». Политический цинизм «действующих лиц» российской политики, привел к многочисленным жертвам, к утрате многих прежних иллюзий» [14, с. 132].

Как показывают социологические исследования, после двадцати лет политического курса, начатого первым президентом РФ Б.Н. Ельциным, иллюзии рассеялись у большинства населения страны. Если на старте либеральных реформ в России уровень поддержки

власти доходил до 2/3 активных граждан страны, то уже с февраля 1992 года он начал быстро падать, сократившись до 30—35 %, а к моменту ухода Б. Ельцина с поста Президента РФ уровень его поддержки составлял не более 3—4 %. К 2011 году доля россиян, оценивающих положительно реформы, подросла и составила 34 %, но в целом преобладающим отношением к реформам остается негатив [5, с. 8—10].

Принятие новой Конституции России состоялось не по действующему в то время закону «О референдуме РСФСР» (утратил силу в 1995 году), а по подзаконному Указу Президента РФ от 15.10.1993 № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации». Как оказалось в итоге, за Конституцию проголосовало менее трети списочного состава избирателей страны, принятый подзаконный указ президента допускал такие итоговые результаты всенародного голосования. В соответствии же со статьей 35 Закона «О референдуме РСФСР» при проведении референдума «по вопросам принятия, изменения и дополнения Конституции РСФСР решения считаются принятыми, если за них проголосовало больше половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме» [20]. При этом референдум мог быть назначен лишь съездом народных депутатов или Верховным Советом РФ, но никак ни президентом, потерявшим легитимность, согласно действующей Конституции РСФСР и ЗаклЮчению Конституционного Суда Российской Федерации от 21 сентября 1993 года [8].

В итоге такого голосования Россия получила всевластие президента РФ. Современное российское законодательство не выработало разумных противовесов такой ситуации, судьба страны и государства оказалась поставлена в зависимость от воли одного человека, его личных и деловых качеств. Процедура отрешения президента, предусмотренная нынешней Конституцией, фактически не реализуема, большинство демократических принципов и институтов также, фактически, не работает. Граждане России потеряли все социальные гарантии советской Конституции и главное — право на безопасную жизнь.

Еще 15 октября 1993 года доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова С.А. Авакьян пытался предотвратить дальнейшие незаконные действия власти, опубликовав статью «Создан прецедент. Неконституционная власть не имеет перспективы». Профессор констатировал: «Президент напрямую

нарушил Конституцию. Он ликвидировал конституционные органы и учредил вместо них новый российский парламент, не имея никакого права этого делать» [1]. Далее Авакьян предупреждал: «Весь Парламент, то есть и Совет Федерации, и Государственная Дума, сразу же по рождению обречены на упреки в нелегитимности — учреждены неполномочным субъектом, в нарушение Конституции и вне ее» [1]. В своей фундаментальной работе «Конституция России: природа, эволюция, современность» С.А. Авакьян подробно анализирует процесс разработки и принятия Конституции Российской Федерации 1993 года [2].

О нелегитимности Конституции, множестве нарушений при ее принятии писал доктор юридических наук, бывший председатель комитета Верховного Совета РСФСР по конституционному законодательству, член Конституционной комиссии Российской Федерации В.Б. Исаков. Но, в то же время, как опытный конституционалист, он предостерегал общество и оппозицию от резких шагов по отрицанию принятой Конституции: «...Пока Конституция официально не опровергнута конституционным судом, избирательной комиссией или самим парламентом в результате какой-то конституционной процедуры, считать ее действующей. Иначе попадаем в тяжелейшую ситуацию, при которой прежняя Конституция страны разрушена и нет никакой конституционной основы для деятельности органов власти. Это, судя по всему, куда более опасная ситуация. Поэтому мы должны уважать и соблюдать нынешнюю Конституцию, не забывая, что время требует от нас совершенствования конституционного строя, который разумно сбалансирует все стоящие перед Россией проблемы» [10].

О нелегитимности ельцинской Конституции 19 января 1994 года сделали заявление лидеры ряда партий и общественных движений. Заявление подписали: В. Аксютин, М. Астафьев, С. Бабурин, В. Бондарчук, Ю. Воронин, Ю. Дерюгин, В. Жарихин, Г. Зюганов, А. Краснов, В. Лафитский, В. Мироненко, С. Михайлов, И. Муравьев, Н. Павлов, С. Полозков, Д. Рогозин, О. Румянцев, Ю. Седых-Бондаренко, В. Смирнов, О. Соколов, В. Сыроватко, И. Федосеев, В. Хомяков [3, с. 3—4].

Президент «Фонда конституционных реформ», кандидат юридических наук, бывший ответственный секретарь Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР Олег Румянцев обосновал нелегитимность принятой Конституции следующими обстоятельствами: во-первых, никто не отменял заключение Конституционного суда о неконституционности Указа Президента

№ 1400; во-вторых, специалисты по конституционному праву ставят вопросы о легитимности действий, предшествовавших новой Конституции (ликвидация президентом конституционных органов и учреждение вместо них нового российского парламента); в-третьих, проект Конституции не одобрило даже Конституционное совещание; в-четвертых, при проведении референдума по Конституции были допущены нарушения Конституции (Основного Закона) Российской Федерации 1978 года (с последующими изменениями) и Закона «О референдуме» 1990 года (сформированные исполнительной властью избирательные комиссии заменили законно избранные избирательные органы и выступили в поддержку проекта, тем самым поставили под сомнение объективность подведения итогов голосования, входе подготовки к референдуму неоднократно был нарушен принцип свободы агитации за и против проекта, возникают вопросы о добросовестности подсчета итогов голосования, целый ряд субъектов РФ не поддержал при голосовании данный проект) [16].

В статье президента Ассоциации депутатов России, доктора экономических наук, профессора Ю.М. Воронина приводятся данные анализа экспертной группы при администрации президента (руководитель — А. Собянин) о масштабных фальсификациях при голосовании за Конституцию Российской Федерации. Эксперты утверждают, что на самом деле в голосовании принимало участие не более 46 % от списочного состава избирателей, то есть за новую Конституцию высказались значительно меньше половины зарегистрированных избирателей. По данным экспертов, Конституция не получила поддержки более половины субъектов Российской Федерации, а значит, говоря юридическим языком, является нелегитимной [3, с. 2—3].

«Сегодня уже практически невозможно оспорить тот факт, что именно в стремлении первого Президента Российской Федерации создать Конституцию «под себя» коренятся причины трагедии сентября—октября 1993 г.», — считает доктор юридических наук, профессор Е.А. Лукьянова [12].

Почти двадцать лет не равнодушные к судьбе страны юристы, ученые и политики поднимают вопрос о нелегитимности конституционного поля современной России, как следствия событий сентября — октября 1993 года, предлагая конкретные пути выхода из создавшегося положения. Но правящая элита пока не обращает на это должного внимания. По мнению специалистов, замалчивание произошедших в сентябре — октябре 1993 г. государственного переворота и нелегитимного принятия Конституции может привести к новым

трагическим последствиям, вплоть до потери страны и государства, это может обернуться бедой, которая придет завтра в каждый российский дом и каждую семью. Отечественная история учит: чтобы не потерять всё, правящей российской элите необходимо осознать серьезность конституционной проблемы, не игнорировать ее, а искать легитимные пути совершенствования конституционного строя.

Список литературы:

1. Авакян С.А. Создан Прецедент. Неконституционная власть не имеет перспективы // Независимая газета, 1993. — 15 октября.
2. Авакян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность: 2-е изд. — М.: РЮИД, Сашко, 2000г. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lawdiss.org.ua/books/431.doc.html>.
3. Воронин Ю.М. «Загогулины» Основного Закона // Улики, 2012. — № 10. — 12 декабря. — С. 2—4.
4. «Горе строящему на крови». Обращение священников Русской Православной Церкви в Государственную думу // Советская Россия. — 1994. — № 4. — 13 января. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.svpressa.ru/Общество/article/59299>.
5. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. Институт социологии РАН. Москва. 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.isras.ru>.
6. Доклад председателя правления регионального благотворительного общественного фонда содействия увековечению памяти погибших граждан в сентябре — октябре 1993 года М.И. Смирнова 29 января 2012 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.1993.sovnarkom.ru>.
7. Добренков В.: «В качестве жертвы на алтарь демократии была принесена Россия». Русская линия. 04 октября 2008. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=178921>; <http://www.rusbeseda.ru/index.php?topic=3543.0>.
8. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, связанных с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 года № 1400 и Обращением к гражданам России 21 сентября 1993 года». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ru.wikisource.org>.

9. Илюхин В.И. Обвиняется Ельцин. Речь главного обвинителя — председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. — М.: ФТМ России, 1999. — С. 14—26. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: 1993.sovnarkom.ru>_knigi.htm.
10. Исаков В.Б. Конституция, по которой невозможно жить // Конституционный вестник, 1994. — № 1 (17). — С. 33—35. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rumiantsev.ru/kv/11>.
11. Кровавый октябрь. Свидетельства очевидцев / ред. сост. — Е. Ковалев — Ярославль: Северный рабочий, 1994. — 63 с.
12. Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917—1993). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 192 с. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/Lukyanova...
13. Новое время, 2003. — № 39. — 28 сентября. — С. 22—23. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gefter.ru/arhive/6373/>.
14. Пихоя Р.Г. Конституционно-политический кризис в России 1993 года: хроника событий и комментариев историка // Отечественная история, 2002. — № 4. — С. 64—78; № 5. — С. 113—132.
15. Прошкин Л. «Штурм, которого не было». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sovsekretno.ru/Свежий номер>article/238>.
16. Румянцев О. Функции Конституции в сегодняшней и завтрашней России // Конституционный Вестник, 1994. — № 17. — март — апрель. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://www.rumiantsev.ru/kv/17/к polit_files/books/Lukyanova...](http://www.rumiantsev.ru/kv/17/к%20polit_files/books/Lukyanova...)
17. Русское Воскресение. Тайна беззакония: События 21 сентября — 5 октября 1993 года. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.voskres.ru/taina/1993.htm>.
18. Руцкой А. Кровавая осень. Дневник событий 21 сентября — 4 октября 1993года. — Москва, 1995. — 525 с.; [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: <http://www.politike.ru/dictionary/839/word...sobytiya-1993-g>.
19. Тарасов А.Н. Провокация. Версия событий 3—4 октября 1993 г. в Москве. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.scepsis.ru/Библиотека>id_2571.html.
20. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.base.consultant.ru>.

БЕЖЕНЦЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Шмакова Наталья Николаевна

*канд. ист. наук, доцент ОГПУ,
г. Оренбург*

E-mail: canzfol@mail.ru

19 июля (1 августа) 1914 г. началась I мировая война. Колесо войны выкатилось из рук политиков и дипломатов и вторглось в жизнь миллионов людей в десятках стран Европы и мира. Война стала следствием глубокого кризиса европейской цивилизации. В неё было вовлечено 38 государств с населением 1,5 млрд. чел., в том числе и Россия. Война поставила экономику страны в очень трудное положение, обнажив, с одной стороны, все слабости капиталистического хозяйства, а с другой — отразила всю ее неподготовленность к выполнению задачи, поставленной новыми условиями — массовому производству военной продукции. Она явилась тяжёлым испытанием для сельского хозяйства и промышленности Южного Урала, которые медленно, но неуклонно поддавались влиянию войны.

Военная кампания 1915 г. для российской армии оказалась крайне неудачной. Почти пять месяцев продолжалось ее отступление, вызванное ошибками командования, острой нехваткой предметов боевого снабжения войск. Россия утратила обширную территорию (Галицию, Польшу, часть Прибалтики). Военные действия были перенесены непосредственно на территорию империи. Впереди отступающей армии вглубь России хлынул поток беженцев. Очевидец тех событий — русский генерал Ю.Н. Данилов вспоминал: «Население оставляемого района поднималось с мест, впереди армии на восток катилась возрастающая волна беженцев, замедлявшая передвижение войск» [6, с. 90].

Южный Урал, расположенный в глубоком тылу страны, оказался одним из районов размещения вынужденных мигрантов. В ноябре 1915 г. в Оренбургском уезде насчитывалось около 15 тыс. беженцев, в самом Оренбурге — более 14 тыс. человек, в Верхнеуральском уезде — свыше 18 тыс. человек, в Троицке — около трех тыс. человек, в Челябинске — около двух тыс. человек [2, л. 16—76]. А на 1 ноября 1916 г. на территории всей Оренбургской губернии уже находилось 79843 чел. [12, с. 16]. 45 % беженцев составляли представители сильного пола из оккупированных противником Гродненской,

Холмской, Волынской губерний и Галиции [14, с. 8]. Летом ожидалось прибытие еще 15 тыс. человек.

Пребывание вынужденных мигрантов на территорию региона грозило принять затяжной характер, таило в себе опасность распространения эпидемий, увеличение преступности. Создававшаяся ситуация вынуждала органы местного самоуправления в короткий срок разработать программу по расселению людей, обеспечению их продовольствием, оказанию медицинской помощи, включению в экономическую жизнь региона.

Первой проблемой, возникшей при появлении беженцев, была проблема их расселения. Активным помощником в этом стала православная церковь. 24 августа 1915 г. с обращением к населению Оренбургской губернии выступил епископ Кустанайский Серафим. В частности в нем говорилось о том, что ожидается прибытие около 100 тыс. беженцев в губернию, которые «крайне нуждаются в самом необходимом, а главное в ласке и теплом приюте». В связи с этим отец Серафим призвал местное население «... проявить к несчастным всю свою любовь...» [1, л. 3].

Забота о беженцах, прежде всего, возлагалась на губернаторов, земские учреждения, городские общественные органы и местные комитеты. Они проводили работу по обустройству быта на новом месте, выдавали пайки, одежду, искали работу. При этом беженцы находили всемерную поддержку со стороны местного населения. Жители края предлагали свои подводы для транспортировки, предоставляли вынужденным мигрантам кров, одежду и прочее. Заботу о детях брали на себя дома трудолюбия, женские монастыри.

В Оренбурге беженцев разместили в доме Гофмана — 958 человек, в доме Эверта — 382, в доме Мошкова — 110, в народном доме — 448, в Серафимовской школе — 119, в женском монастыре — 132, в школе староверческой церкви — 57, в школе Михайло-Архангельской церкви — 45, в доме Пименова — 105, в еврейском обществе — 315, в польском комитете — 1349, в Николаевском женском институте — 414, в Ольгинском приюте — 27, в духовной семинарии — 123, в Богодуховском монастыре — 183, в мусульманском обществе — 85, в новых городских бараках — 1595 человек [19, с. 338—339].

Принять беженцев изъявили желание некоторые казачьи станицы и поселки. Так, станицы первого военного отдела Городищенская, Буранная, Нижнеозерная, Татищевская и другие согласились дать приют 1131 человеку [19, с. 339].

По данным Челябинского уездного комитета ВЗС ПбиРВ в период с 5 сентября по 5 ноября 1916 г. в уезд было отправлено до 22 тыс. человек. В то же время в самом городе разместились около 4 тысяч человек. В действительности беженцев было намного больше, ввиду отсутствия четкой регистрации и их самовольного расселения. Нужно отметить, что органы местного самоуправления учитывали опасность более значительного усиления миграции внутри страны, поэтому определили возможности приема беженцев в Челябинском уезде до 30 тысяч человек в месяц [10, с. 44].

Челябинское земство создало специальную привокзальную организацию, которая имела врачебно-санитарный пункт, пункт питания, справочный отдел, бараки для беженцев. В короткие сроки пункт был подготовлен к приему. Все было очищено, устроены нары, сложены кухонные очаги (5 штук), поставлены кипяtilьные кубы, налажено электрическое освещение, проведен водопровод. В 2—3 дня через пункт проходило 600—650 человек, в столовой получали питание от двух до трех тысяч беженцев. Кроме того, пункт приема беженцев осуществлял эвакуацию инфекционных больных в медицинские учреждения губернии, способствовал перемещению беженцев из Челябинска в другие пункты назначения, размещал их по приютам региона. С целью решения продовольственного вопроса земство организовало сеть общественных огородов [2, л. 44—45].

Материальный уровень временных переселенцев был различным. Зачастую беженцы находились практически без средств к существованию. Губернские власти предпринимали попытки создания условий для того, чтобы переселенцы сами смогли себя обеспечить, прикладывая свои знания и умения на новом, пускай и временном, месте жительства. Согласно временному законодательству, действовавшему в рамках всей страны, беженцы имели привилегии при трудоустройстве на работу. Так, по данным органов регистрации среди эвакуированных в Орский уезд оказалось много столяров, поэтому Орское уездное земство постановило открыть в г. Орске столярную мастерскую, необходимость в которой ощущало городское население [11, с. 12]. Челябинское уездное земство среди мер, предпринимаемых для предупреждения сокращения посевных площадей, создало трудовые артели из беженцев, организовало работы по заготовке беженцами топлива на зиму.

Большое внимание общественность и власти обращали на социальную и гуманитарную сферы организации жизни мигрантов. Для детей беженцев открывались школы. Уфимское уездное земство запланировало организовать 13 классов для обучения переселенцев и выделило на эти цели 1645 рублей [21, с. 3]. Челябинское уездное

земство после необходимых статистических исследований запланировало выделить 72 тыс. рублей для включения детей беженцев в систему всеобщего начального образования [9, л. 6]. Создавались также и внешкольные формы образования: различные курсы, специальные бесплатные библиотеки. Эти заведения посещали не только представители подрастающего поколения, но взрослые. Действовали и церковные организации помощи беженцам.

В годы I мировой войны возникла необходимость создания приютов для детей-сирот. Силами оренбургских органов местного самоуправления был открыт приют на 100 мест для малолетних сирот. Его почетной попечительницей стала супруга оренбургского губернатора Евгения Яковлевна Тюлина [7, с. 47]. Оренбургским губернским земством финансировался ряд и других приютов: императрицы Марии на 235 детей, из которых 22 — беженцы и 109 детей воинов, Святой Ольги, Ермолаевский — приют подкидышей — для детей женского пола в возрасте от 2 до 17 лет (для нормальных детей и детей с физическими отклонениями), приют Троицкого благотворительного общества и другие [3, л. 5—6]. Уфимское земство увеличило в 1915 году расходы на общественное призрение на 59 % (по отношению к 1914 г.) [15, л. 47].

В условиях военного времени, острого дефицита рабочих рук, особенно, в аграрном секторе региона (русская армия была в основном крестьянской), было решено использовать труд вынужденных мигрантов в сельскохозяйственном производстве. Во время мобилизации в армию ушла половина трудоспособных мужчин (из 1000 крестьян — 474); из каждых 100 крестьянских хозяйств убыло по призыву 60 мужчин репродуктивного возраста. Более половины хозяйств остались без кормильцев [17, с. 18].

Только за один год, с начала войны до июля 1915 г., в Уфимской губернии было мобилизовано 160 тыс. крестьян [8, с. 26]. К ноябрю 1916 г. было призвано 295 тыс. 705 человек [16, с. 415]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. из Уфимской губернии в армию было мобилизовано 322 тыс. 774 человека [5, л. 9], из Оренбургской — 162 тыс. 661 человек [4, л. 21]. Это составило соответственно 49,6 % и 44,6 % трудоспособных мужчин.

Сельское население и органы власти надеялись, что новые поселенцы окажут помощь в проведении сельскохозяйственных работ, организуют ремесленное производство. Однако ремесленники оседали в городах, торговых поселках, железнодорожных станциях, т. е. в местах, где спрос на труд гораздо выше, чем в селе или станице. Почти треть беженцев не работали вообще [18, с. 60].

Отдача от деятельности этой категории населения была невысокой как по причине их неприспособленности к местным условиям работ, так и в виду недобросовестного отношения к возложенным на них обязанностям. Беженцы трудились под угрозой лишения пайков. Так, в апреле 1916 г. Оренбургский губернатор генерал-лейтенант М.С. Тюлин отметил, что трудоспособные беженцы, отказывавшиеся от работ, «считаются не заслуживающими попечения о себе, вследствие чего лишаются продовольственного и квартирного пайка» [13, с. 13].

В небольших количествах труд беженцев использовался и в промышленности, главным образом на низко оплачиваемых работах. Осенью 1915 г. на Златоустовском заводе работало свыше 400 эвакуированных латышей и эстонцев, которые получали вместо обещанных 1 руб. 20 копеек от 80 копеек до 1 рубля в день [20, с. 248]. С точки зрения экономической эффективности труд беженцев был малопродуктивным.

Таким образом, на территории Южного Урала в годы I мировой войны, вследствие военных действий, сформировалась новая социальная группа — беженцы. Несмотря на тяжелое социально-экономическое положение, власти и местная общественность стремились оказать беженцам помощь и обеспечивать их существование на новом месте. В плане практической работы основная деятельность осуществлялась органами местного самоуправления и специальными организациями-комитетами помощи беженцам. Помощь была не только финансовой, но и социальной: организация школ, приютов для детей-сирот, поиск работы, организация специальных курсов, культурного досуга. В целом, взаимоотношения с местным населением были достаточно позитивными, в 1915—1916 гг. не наблюдалось серьезных конфликтов между беженцами и коренным населением. Тем не менее, с ухудшением социально-экономического и политического положения в России в среде беженцев стало нарастать недовольство правительством и его действиями. В свою очередь, в соответствии с требованиями Центра местные власти осуществляли механизм не только социального, но и политического контроля над группами беженцев. Именно усилиями земств на Южном Урале была преодолена опасность политической дестабилизации, связанная с хлынувшей волной вынужденной эмиграции из оккупированных неприятелем территорий и прифронтовых районов империи.

Подводя итог, необходимо также отметить, что в условиях острого дефицита рабочих рук в промышленном и аграрном секторе региона роль беженцев была незначительной. Треть беженцев не работали вообще, а остальные либо были не приспособлены к местным условиям труда,

либо недобросовестно относились к возложенным на них обязанностям. Так, местные жители, не получив эффективной помощи от переселенцев, продолжали кормить и армию и мирное население, вносить свой вклад в обеспечение фронта людскими и материальными ресурсами.

Список литературы:

1. (Государственный архив Оренбургской области) ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 401а.
2. ГАОО. Ф. 11. Оп. 12. Д. 137.
3. ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 241.
4. (Государственный архив Российской Федерации) ГАРФ. Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 17.
5. ГАРФ. Ф. Р-4265. Оп. 1. Д. 24.
6. Данилов Ю.Н. На пути к крушению: Очерки из последнего периода русской монархии. М.: Воениздат, 1992. — 286 с.
7. Доклады Оренбургской ГЗУ IV очередному Оренбургскому ГЗС по медико-санитарному отделу. Оренбург, 1917. — 554 с.
8. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии (по данным подворной переписи 1915 г.). Уфа, 1916.
9. (Объединенный Государственный архив Челябинской области) ОГАЧО. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
10. Оренбургское земское дело (специальное еженедельное издание Оренбургской губернской земской управы). — 1916. — № 15.
11. Оренбургское земское дело. — 1916. — № 32.
12. Оренбургское земское дело. — 1917. — № 1.
13. Оренбургское земское дело. — 24 апреля 1917. — № 16.
14. Оренбургское земское дело. — 3 июня 1917. — № 26.
15. Отчет за 1915 г. Уфимской губернской земской управы. Уфа, 1916. — 72 с.
16. Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 2. Уфа: Башкнигоиздат, 1959. — 540 с.
17. Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М.: Отдел военной статистики, 1925. — 103 с.
18. Сельскохозяйственный обзор за 1915—1916 г. Вып. 1. Оренбург, 1916. — 19 с.
19. Семенов В.Г., Семенова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 1999. — 400 с.
20. Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск: Обл. изд-во, 1936. — 292 с.
21. Уфимская жизнь (ежедневная политическая, общественная газета). — 1916. — № 355.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ОРГАНОВ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ СССР (1924—1933 ГГ.)

Вальчук Елена Ивановна

*аспирантка кафедры всемирной истории ВГПУ им. М. Коцюбинского,
г. Винница*

E-mail: soviet_ist@yahoo.com

Эффективное функционирование органов социального страхования зависит от многих факторов, но одним из самых важных был и остается уровень подготовки кадров. За время ликвидации соцстраха старые работники ушли с этой сферы и расплылись по другим отраслям деятельности. Страховым органам пришлось начинать работу с весьма ограниченным числом сведущих и опытных сотрудников. Подготовка новых кадров для подкрепления действующего аппарата стала одним из первоочередных заданий.

Обозначенная проблема не была объектом специального исторического исследования. Отдельные вопросы по истории социального страхования в СССР рассматривались в работах С. Ашмариной [1], Д. Кароли [16], О. Мельничука [9], А. Морозова [8].

Целью данной статьи является анализ системы подготовки кадров органов социального страхования СССР в период с 1924 по 1933 год.

Для усиления работы по подбору и подготовке страховых работников в центре и на местах, в 1924 г. Цусстрах организовал курсы по социальному страхованию, продолжительностью в 6 мес. (позже срок обучения увеличился до 8 мес., а количество курсантов с 50 — до 70 человек). Руководство их работой осуществлялось Организационным отделом и непосредственно заведующим, кандидатура которого утверждалась начальником Цусстраха.

Программа курсов включала: теоретические основы социального страхования, историю соцстраха в России (до НЭП), социальное страхование за границей, современную систему соцстраха в СССР, страховую статистику, делопроизводство страховых органов, страховое счетоводство и отчетность, профессиональную гигиену, историю и современное состояние рабочего законодательства

на Западе и в России и другое. Не менее важной составляющей был практический курс, позволяющий применить полученные теоретические знания [11, л. 18].

В списке лекторов первого года работы курсов числились: В. Гутцайт, А. Вайнштейн, А. Вишневецкий, Л. Зенков, В. Кузятин, Б. Милютин — от Цусстраха; Л. Забелин, Я. Эмдин — от ВСНХ; Л. Гинзбург и А. Штейнберг — от ВЦСПС и Мосгубсоцстраха соответственно [12, л. 6].

Данные, приведенные ниже, достаточно показательно отображают принципы и особенности подбора кадров. Среди курсантов центральных страхкурсов было выборных работников (председателей, членов и секретарей комитетов страховых касс и др.): в 1924—25 г. — 54 %; в 1925—26 г. — 72 %; в 1926—27 г. — 75,6 %; в 1927—28 г. — 87,7 %; в 1928—29 г. — 96 %. По социальному происхождению: в 1924—25 г. рабочих 60 %; служащих и крестьян — 40 %; в 1925—26 г. соответственно — 65 % и 35 %; в 1926—27 г. — 60 % и 40 %; в 1927—28 г. — 72 % и 28 %; в 1928—29 г. — 64 % и 36 %. По партийности: в 1924—25 г. членов и кандидатов ВКП(б) — 89 %; членов и кандидатов ВЛКСМ — 2 % и беспартийных — 9 %; в 1925—26 г. — 82 %, 6 % и 12 %; в 1926—27 г. — 84 %, 13,8 % и 2,2 %; в 1927—28 г. — 87,8 %, 4,1 % и 8,1 %; в 1928—29 г. — 92 %, 1,4 % и 6,6 %. По общей грамотности: в 1924—25 г. с низшим образованием 82 %, средним — 18 %; в 1925—26 г. — 65 % и 35 %; в 1926—27 г. — 60 % и 40 %; в 1927—28 г. — 91,9 % и 8,1 % [7, с. 113; 10, л. 35].

Слушатели, окончившие курсы, возвращались обратно в свои страховые организации. За четыре года обучение прошло 240 человек.

В реконструктивный период изменение социально-экономических и политических условий непосредственно отобразилось на роли, отведенной социальному страхованию в советской доктрине общественного развития. Начался процесс формирования нового научного фундамента соцстраха, его теоретические положения пересматривались на основе постулатов марксизма-ленинизма. Партийные идеологи резко критиковали взгляды теоретиков советского соцстраха, имена которых ещё в 1924 г. значились в списках лекторов Центральных курсов.

7 июня 1929 г. на совещание ответственных работников при Цусстрахе было решено, что главной задачей Центральных курсов социального страхования должна быть подготовка работников типа инструктор-организатор; при комплектовании курсов нужно учитывать необходимость увеличения количества женщин до 30 %

состава, а также необходимо проверить состав преподавателей и принять меры к усилению его партийными функционерами к началу учебного года [10, л. 29].

С 1930 г. вместо Центральных курсов, в системе Высшей школы профдвижения по директиве ВЦСПС был организован факультет социального страхования (в дальнейшем с 1931 учебного года факультет труда и социального страхования) с 2-годичным сроком обучения. Одновременно на лекторском факультете ВШПД была создана группа для подготовки преподавателей по вопросам труда и соцстраха. Общее количество студентов увеличилось до 150 человек [5, с. 10].

Были пересмотрены программы по специальным предметам соцстраха, состав преподавателей. Главное место отводилось изучению марксистско-ленинской теории: истории партии, ленинизма, исторического материализма, политической экономии и тому подобного. Все это проходило под непосредственным руководством ВЦСПС.

Комплектование факультета соцстраха и лекторской группы производилось по специальной разверстке Цусстраха. На 1930—31 учебный год Главсоцстраху РСФСР выделялось 85 мест, УССР — 25, ЗСФСР — 15, БССР — 8, Узб. ССР — 6, Турк. ССР — 4, Тадж. ССР — 2 места. В числе направляемых кандидатов — рабочих должно быть не менее 90 %, женщин не менее 30 % [14, с. 31—32].

В начале 1930 г. при НКТ СССР были организованы заочные центральные курсы по труду и социальному страхованию. Цусстрах учредил 1000 стипендий для бесплатного обучения на этих курсах и распределил их среди низовых страховых органов. На 10 января численность слушателей по отделению соцстраха составляла 1321 человек [3, л. 2 об.].

Для подготовки высококвалифицированных работников был введён специальный курс соцстраха в МГУ, в Институте им. Маркса и Энгельса в Ленинграде, в Плехановском и Рыковском Институтах в Москве. Цусстрахом ассигновано на проведение контрактации студентов по соцстраху 100 000 руб. [3, л. 3].

По РСФСР в январе 1930 г. открылись двухмесячные областные курсы в 16 пунктах с охватом 540 человек, по УССР — двухмесячные дневные курсы для низового страхового актива в 7-ми пунктах с охватом 420 человек, в БССР — трехмесячные республиканские курсы на 100 человек [3, л. 2 об.].

Постановлением Коллегии НКТ СССР в 1931 г. дело подготовки, переподготовки, учёта и распределения кадров для органов соцстраха сосредоточилось в специально организованных управлениях кадров

по труду и соцстраху при Наркомтруде Союза, республиканских наркомтрудах и областных, краевых отделах труда. Цусстрах в своем бюджете для этой цели ежегодно предусматривал соответствующие ассигнования, передаваемые централизованным порядком Управлению кадров НКТ СССР [4, л. 161].

Работа упомянутых управлений над кадрами по соцстраху, как обозначалось в докладной записке начальника Цусстраха В. Котова народному комиссару труда СССР А. Цихону, была неудовлетворительной. Такое положение дел не могло не вызывать затруднений, учитывая тот факт, что сеть и штаты соцстраха в системе органов труда занимали 60 % [4, л. 163].

Кроме того, перестройка социального страхования по отраслевому принципу требовала изменений в системе подготовки кадров для всей страховой сети. Нужны были не только юристы, хорошо ориентирующиеся в страховом законодательстве, но и общественники-экономисты, знающие потребности промышленности.

В основу новой программы страхового просвещения были положены новые принципы организации соцстраха. Страховики должны были знать технологию тех отраслей промышленности, в которых они работали, их экономическое значение в общей структуре народного хозяйства. Особое внимание обращалось на изучение методов планирования соцстраха, бюджета рабочих [6, с. 3].

На 1 октября 1928 г. по СССР насчитывалось 3502 страховых органа с общим количеством сотрудников более 18000 человек. В 1933 г. этот показатель уменьшился до 3276 [15, л. 67; 13, л. 4]. Тем не менее, вопрос подготовки кадров всё время оставался в числе наиболее важных и требующих особого внимания.

Таким образом, содержание и организационные формы подготовки кадров органов социального страхования за 10 лет претерпели ряд изменений, причины которых скрывались в сущности политических и социально-экономических процессов, происходивших в СССР. До конца 1933 г., благодаря открытию разнообразных курсов и факультета соцстраха, количество слушателей увеличилось. Однако, несмотря на все принятые меры по пополнению сферы социального страхования квалифицированными кадрами, качество их подготовки желало быть лучшим, а численность — гораздо большей.

Список литературы:

1. Ашмарина С.В. Социальное страхование в условиях новой экономической политики 20-х гг. XX века /С.В. Ашмарина // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение: материалы IV научно-практической конференции, 3—5 ноября 2003 г. — Москва: Эдиториал, 2004. — С. 200—202.
2. Данные о качественном составе курсантов созыва 1928—1929 уч. года // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 136. Л. 35—35 об.
3. Докладная записка о подготовке и состоянии кадров органов социального страхования // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 188. ЛЛ. 1—4.
4. Докладная записка о состоянии вопроса кадров по соцстраху // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 245. ЛЛ. 161—163.
5. Илюхин И. За подготовку большевистских кадров соцстраха / И. Илюхин // Вопросы страхования. — 1932. — № 14. — С. 10—11.
6. Какие кадры нам нужны // Вопросы страхования. — 1931. — № 27. — С. 3.
7. Краткий обзор социального страхования за 1926—1928 гг.: Сборник статей / Под общ. ред. Л.П. Немченко. — М.: Вопросы труда, 1928. — 118 с.
8. Морозов А.В. Социальное страхование в СССР в 20—30-е гг. XX века: Достижения и провалы / А.В. Морозов // Церковь, государство и общество в истории России XX века: Материалы V международной конференции, Иваново, 8—9 декабря 2005 г. (к 10-летию духовного образования в Иваново-Вознесенской и Кинешемской епархии. — Иваново, 2005. — С. 180—183.
9. Мельничук О.А. Соціальне страхування в радянській Україні (20—30-ті рр. XX ст.) / О.А. Мельничук — Вінниця: «Едельвейс і К», 2009. — 372 с.
10. Протокол совещания ответственных работников при Цусстрахе от 7-го июня 1929 г. // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 136. ЛЛ. 29—36.
11. Программа страховых курсов // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 2. Д. 140. Л. 18—18 об.
12. Список лекторов курсов Цусстраха // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 2. Д. 157. Л. 6.
13. Сведения о количестве страховых органов по СССР // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 1. Д. 257. Л. 4.
14. Условия приема на факультет социального страхования и на лекторские курсы ВШПД в 1930/31 уч. году // Вопросы страхования. — 1930. — № 14. — С. 31—32.
15. Численность страховых органов СССР и число сотрудников в них в 1927—28 оп. году // ГАРФ. Ф. Р5528. Оп. 12. Д. 191. Л. 67.
16. Dorena Caroli, Histoire de la protection sociale en Union soviétique (1917—1939). — Paris: L'Harmattan, 2010. — 316 p.

БЕЛОРУСОВЕДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФРАНЦУЗСКИХ АВТОРОВ XX — НАЧАЛА XXI ВВ.: КРАТКИЙ ОБЗОР

Калько Вера Николаевна

аспирант ГрГУ имени Янки Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь

E-mail: kalko_vera@mail.ru

Под влиянием глобализации в современном мировом сообществе государства становятся все более открытыми и ориентированными на расширение международного сотрудничества. Равноправными самостоятельными субъектами выступают на этом пути Беларусь и Франция, внешняя политика которых направлена не только на укрепление завоеванных позиций, но и на постоянный поиск путей усовершенствования международных отношений двух государств, при этом открытый диалог ведется не только в политической и экономической сферах, а также в рамках культурного сотрудничества, взаимодействия в области науки и образования.

Исследование проблем взаимодействия национальных культур представляется актуальной проблемой, решение которой, помимо того, что позволяет внести вклад в постижение и более глубокое понимание собственной культуры вообще и исторической науки в частности, также имеет огромное значение для общеевропейской культурной интеграции. В то же время изучение интереса французской общественности к белорусскому государству позволяет получить достоверную информацию об образе Беларуси в западном массовом сознании и открывает перспективы для формирования положительного имиджа страны в мировом сообществе. Этим объясняется актуальность и важность изучения зарубежного белорусоведения, которое непосредственно предоставляет возможность проследить пути и механизмы формирования данного интереса.

Отметим, что белорусской наукой не уделялось достаточного внимания изучению взглядов и позиций французских исследователей по освещению ими истории и культуры Беларуси, а также роли в этом процессе университетских центров Франции. В то же время, существует достаточно солидная источниковая база, представленная трудами французских славистов, разрабатывающих белорусскую проблематику. Особого внимания при изучении данного вопроса заслуживает исследовательская и образовательная деятельность таких ведущих славистических центров Франции, как: 1) Национальный

институт восточных языков и культур, 2) Институт славянских исследований, 3) Центр славистических исследований при университете Париж IV Сорбонна, 4) Центр исследований славянской истории при университете Париж I Пантеон-Сорбонна, 5) кафедра славянских исследований при университете г. Лозанна, 6) отделение романского, славянского и восточного изучения при университете Лилль 3 Шарль де Голль и др.

Фрагментарно вопросы исторического и культурного развития белорусских земель затрагивались еще в работах начала XX века, более активно они стали рассматриваться после окончания второй мировой войны, когда славистика во Франции переживала период подъема. Для нее все более характерным становится комплексный подход, рост числа исторических исследований. Как и раньше, она развивается в тесной связи с восточноевропейскими исследованиями, прежде всего с русистикой. Организатором и координатором деятельности славистов по-прежнему остается Институт славянских исследований, действующий ещё с 1919 года. Члены Института изучают общественную мысль славянских стран, их политическую, экономическую и социальную историю, издают ряд работ, однако единственное обобщающее издание по истории славянских народов — книга Р. Портала «Славяне, народы и нации» (1965) [7], имеющая скорее справочный характер.

Полноценное освещение проблема истории и культуры Беларуси получила в трудах французских исследователей лишь к концу 1980-х — началу 1990-х гг. Предпосылкой всевозрастающего интереса к Беларуси послужили многочисленные публикации архивных материалов и мемуаров активных деятелей белорусской диаспоры на территории Франции, изданные в 90-е годы XX — нач. XXI века.

Большой вклад в расширение ранее довольно узких рамок исследования привнесло развитие периодики, ставшей в определенной мере научной и творческой лабораторией для разработки новых историографических идей касательно истории белорусских земель и оспаривания уже устоявшихся догматических предрассудков.

В 1917 году французским историком Э. Дени и журналистом Р. Де Кэ был учрежден первый французский журнал, специализирующийся на изучении славянских народов, “Le monde slave” («Славянский мир»). С 1921 г выходит (с перерывом в 1969—1976 гг.) “Revue des études slaves” («Журнал славянских исследований») — центральный орган французских славистов. В нем помещаются

статьи по литературоведению, лингвистике, истории, этнографии и истории искусства.

Белорусской проблематики касаются такие известные во Франции и на постсоветском пространстве периодические издания, как “Cahiers du monde russe et soviétique”, “Les Cahiers Russes”, “Cahiers de la Fondation National de science politique”. Журнал “Cahiers du monde russe et soviétique” выходит с 1959 и раскрывает вопросы истории, политики, экономики и культуры территорий, входивших в состав СССР (в том числе Беларуси). “Les Cahiers Russes” публикуется под патронатом Sciences PO центра международных исследований (Centre d’Etudes et de Recherches Internationales) под редакцией Мари Мендрас. Специализируясь на исследованиях по политике, экономике и культуре России, значительное внимание отводится изучению Беларуси, в особенности ее политическому положению. В серии “Cahiers de la Fondation National de science politique” выходят монографические исследования, а также сборники статей по отдельным проблемам.

В 90-е гг. ведущую роль в пропаганде новых исследований занимают два многопредметных журнала. Это Le Courier des pays de l’Est, выходящий ежемесячно под эгидой Центра французской документации, и La Revue d’études comparatives Est-Ouest, издаваемый непосредственно для академической среды в силу своего справочного характера.

С 1997 г. во Франции издается ежеквартальный бюллетень «Perspectives biélorusses» («Белорусские перспективы»), имеющий целью распространение информации о Беларуси. Учредителем бюллетеня является одноименная ассоциация, во главе с профессором Института восточных языков и культур в Париже Б. Дрвески — автор многочисленных исследований о Беларуси, крупнейшим из которых является монография «Беларусь» (1993).

Нельзя обойти вниманием монографию “Parlons biélorusse. Langue et culture”. Говорим по-белорусски. Язык и культура» (1997) Александры Гужон и Вирджинии Шиманец, где вместе с уроками белорусского языка представлены разделы, посвященные культуре и истории нашей страны.

Весьма примечательной является серия “Collection Biélorussie” («Белорусская коллекция») под редакцией Вирджинии Шиманец парижского издательства “L’Harmattan”, публикующая материал по истории и культуре Беларуси. Благодаря усилиям ряда исследователей (А. Лапатнева, Ж.-Ш. Лальман, А Гужон, Б. Дрвески, К. ле Фоль и др.) были заполнены пробелы в сфере освоения

культурного и исторического пространства Беларуси, показана вся многогранность белорусского этноса и разрушены стереотипы о белорусе, как человеке подневольном, без своего языка и культурных традиций.

Заметный вклад в изучение заявленной нами проблематики внес фундаментальный труд, представляющий собой результат совместной работы ведущих французских и польских историков “Histoire de l’Europe du Centre-Est” (История Центрально-Восточной Европы) [1]. Наряду с политической составляющей в книге подробно рассмотрены социально-экономические и культурные процессы, сформировавшие самобытный и неповторимый облик стран и народов Центрально-Восточной Европы. История столь обширного региона детально изложена от начала средневековья и до конца XX столетия. Событийный ряд проиллюстрирован галереей ярких портретов исторических личностей, сыгравших выдающуюся роль в становлении государств и зарождении наций, среди которых великие князья литовские Гедимин, Ольгерд, Витовт, польский король Владислав III Ягелон и др.

Религиозная ситуация, складывающаяся на территории современной Беларуси на протяжении многих веков также вызвала неподдельный интерес исследователей-славистов. На международном симпозиуме “Mille ans de christianisme russe 988—1988” (Тысячелетие русского христианства 988—1988), организованном в 1988 году под эгидой университета Париж X — Нантерр, были представлены на обсуждение такие важные проблемы для изучения истории белорусских земель, как роль христианства и христианских конфессий, генезис и формирование христианских традиций. Позже тезисы докладов были опубликованы в сборнике, получившем одноименное название [6].

Весомое развитие исследование истории Беларуси получило в диссертационных исследованиях, проводимых под патронатом университетов Париж I — Пантеон-Сорбонна I, Париж V — Рэнэ Декарт, Монтескье — Бордо IV, Страсбургского университета и др. Специфика и тематика работ варьировалась в зависимости от приоритетных научных направлений исследовательских центров и школ. История белорусских земель была подвергнута тщательному изучению в политическом [2] и лингвистическом аспекте [3], а также сквозь призму системы образования [8] и источниковедения [5].

Обращение к опыту французских славистов позволяет в едином фокусе реконструировать образ белорусоведения во Франции XX—XXI вв. и досконально изучить отдельные его компоненты,

имеется ввиду научная, культурная и общественная деятельность наиболее видных представителей данного направления французской славистики, создание и функционирование институциональных и культурно-просветительских центров, основные направления белорусоведческих институций на современном этапе, методы и механизмы интеллектуальных стратегий, применяемые в практике исторических и культурологических исследований белорусоведческого характера. Полученные знания могут правомерно выступать ориентирами международной культурной политики белорусского государства.

Список литературы:

1. Aleksiu N. Histoire de l'Europe du Centre-Est / N. Aleksiu, D. Beauvois, M. — E. Ducreux, J. Kloczowski, H. Samsonowicz. — Paris, 2004.
2. Chillaud M. La démarche stratégique des Etats baltes dans l'architecture européenne de sécurité et de défense. Une politique fondée sur une dialectique identitaire et militaire: thèse de doctorat — Univ. Montesquieu — Bordeaux IV, 2007.
3. Jeantheau J-P. Les choix linguistiques parentaux en milieu scolaire au Bélarus ; Révélateurs des politiques et du conflit linguistiques (1984 à 1998). Approches statistique et historique: thèse de doctorat de linguistique — univ. Paris V — René Descartes, 2001.
4. Lalkou Ihar. Aperçu de l'histoire politique du Grand-Duché de Lituanie // Collection Biélorussie. — Paris: l'Harmattan, 2000.
5. Lialkou I. Documents du département des manuscrits de la Bibliothèque National de France comme sources de l'histoire des relations entre la France et le Grand-Duché de Lituanie à l'époque moderne (XVI—XVIII): thèse de doctorat — Univ. Paris I — Panthéon — Sorbonne I, 1998.
6. Mille ans de christianisme russe 988—1988, Actes de Colloque international de l'Université Paris X — Nanterre, 1988 — Paris, 1989.
7. Portal R. Les Slaves. Peuples et Nations — Paris, Armand Colin, 1965, 519 p.
8. Zadora Anna. Construction d'une identité national biélorusse au prisme du système éducatif: thèse de doctorat / Univ. De Strasbourg, 2010.

ОБ ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН КРАХА ИМПЕРСКОЙ ПРОГРАММЫ ПОЛЬСКИХ ЭЛИТ XVI — СЕРЕДИНЫ XVII ВВ.

Мельничук Игорь Анатольевич
канд. ист. наук, доцент ЖНАЭУ,
г. Житомир
E-mail: melnichuk65@inbox.ru

Размышляя о судьбе имперского проекта и путях его реализации политическими элитами Польши, невозможно, на наш взгляд, обойти один из ключевых эпизодов общей истории — решение в середине XVII столетия жизненно важного для судеб как Польши, так и России так называемого «Украинского вопроса». Польская историческая наука долгое время рассматривала экспансию своей державы на восток как вполне естественный процесс, акцентируя внимание на мирном ее характере, на заслугах её элит и особом призвании Польши в распространении основ западной цивилизации и подъему запустелых, культурно отсталых и деградирующих после монголо-татарского нашествия украинских земель. Такая позиция вызвала естественное неприятие украинских и российских историков, которые справедливо указывают на далеко не мирный и эволюционный, а напротив, безапелляционно-агрессивный характер процесса ополячивания и окатоличивания «русских» (украинских) земель, сопровождавшийся растущим экономическим давлением на крестьянские массы через поэтапное и неуклонное увеличение крепостной зависимости. В этом нам видится ошибочность польской имперской программы в части реализации на украинском направлении. Украинские земли, потерявшие свою государственность, с остатками разобщенных и склонных к компромиссам княжеско-боярских элит, видимо, представлялись польскому истеблишменту легкой и законной добычей. Совсем не так действовали польские элиты, строя свои взаимоотношения с мощной и амбициозной средневековой Литвой. Программа построения великой державы под польской эгидой сохранялась и в литовском направлении, однако, пройдя через ряд взаимно истощающих ресурсы военных конфликтов, польские и литовские элиты, как известно, через ряд объединительных актов (Кревская 1385 г., Городельская 1413 г. и другие унии) решились на образование конфедеративного государства. Отметим, что уже после Кревской унии для польских властных элит остро встал вопрос о так называемых «Кресах» — приграничных территориях

Подляшья, Подоля и Волыни, которые еще с Владимировых времен Польша считала своими потерянными землями. Украинские политические элиты находились лишь в начале пути по формированию национального самосознания и еще не имели государственных устремлений, что облегчало этнополитическую задачу для польских элит. Споры с Литвой о разграничении пограничных земель продолжались более двух столетий — вплоть до момента концентрации власти в обоих государствах в руках Ягеллонов. Люблинская уния 1569 г. зафиксировала рождение Речи Посполитой как военно-политического союза Польши и Литвы в борьбе с внешней агрессией — крестоносцами, турками и татарами, а также Москвой (тактическая задача) и резкого усиления великодержавных претензий (стратегическая задача). «Речь Посполитая Двух Народов», как традиционно определяют Польшу ее историки, с этого момента брала на себя обязанности по защите объединенного государства и автоматически унаследовала нерешенные конфликты и спорные территориальные вопросы Литвы, в частности с Россией. Приграничные земли, особенно юго-восточные рубежи, резко усиливают свое значение как бастиона, защищающего государственное устройство, культуру, веру, а соответственно, всю европейскую цивилизацию от ориентальной угрозы. Именно через Кресы пролегали «греческий», «черный» и Кучманский шляхи, которые выбирали для агрессии турки, татары, волохи, принося с собой опустошение и уничтожение. Кресовые города превращаются в крепости, защищающие нечёткие рубежи вновь созданной протоимперии. Заметим, что противостояние поляков и украинского казачества вместе с крестьянством, которое, главным образом, имело социальную подоплеку, усиливало тенденцию предоставления юго-восточным рубежам национально-патриотической окраски [2]. Выборные (элекционные) польские короли, в значительной степени зависящие от сената и сейма, с целью получения сторонников и укрепления власти, а также в оборонительных целях, передавали влиятельным представителям шляхты, рыцарству, в пожизненное пользование именно малоосвоенные земли юго-восточного пограничья, которое в представлении многих граждан Речи Посполитой были «страной, переполненной молоком и медом» [2]. На Украине, имевшей огромный природный потенциал и перспективы для хозяйствования, можно было быстро обогатиться, и так же быстро распрощаться с жизнью или имением. Однако недостатка в желающих рискнуть не было. Господствующей силой на приграничье становятся польские и лояльные короне украинские князья и бояре. Украинские земли рассматривались польскими элитами именно с колонизаторских

позиций, настроения и интересы местных мелких землевладельцев, крестьян и мещанства не учитывались, поэтому явлением вполне закономерным является перенос украинской-польского конфликта из плоскости социально-религиозной в межнациональную. Польша и на литовских землях, в том числе этнических, проводила линию на усиление своего влияния и насаждение католицизма. Однако действовала здесь намного более гибко и толерантно, а главное — в правовом поле, оказывая юридическую помощь литовским элитам в постепенной модификации литовского законодательства под западноевропейские стандарты (показывая их экономические выгоды), а также и через уравнивание в правах польской и литовской шляхты. Немалую роль сыграли и перекрестные браки, связывавшие элиты обоих субъектов Речи Посполитой, жалованные и дарственные для феодальной знати, которые широко предоставлялись на всей территории государства как способ поощрения и диффузии элитной среды, продуманное и постепенное выравнивание политических позиций княжеской, боярской и служилой знати и формирования из них класса шляхты как электоральной и военно-экономической основы парламентско-королевской империи. В Украине же Польша, а затем и Речь Посполитая вследствие явных просчетов при планировании и реализации политики инкорпорации, получила около 80 крестьянских и казацко-крестьянских восстаний, закончившихся Освободительной войной Б. Хмельницкого. Катализатором волнений, как правило, выступало религиозный (острый и болезненный для православных) вопрос, после чего неизменно возникали экономические требования и проблемы сохранения/расширения прав и вольностей украинской шляхты и казачества. Сослужив немалую службу для Польши на фронте борьбы с турецко-татарской экспансией, украинское казачество на начальных этапах своей истории относилось довольно индифферентно к вспышкам народного гнева, позиционируя себя, прежде всего, как военная каста, призванная защищать православие от «басурман». Однако со временем казачья масса политизировалась и активно включилась в крестьянскую борьбу, а в ряде наиболее масштабных выступлений, и возглавила ее. Эта тенденция имеет целый комплекс причин, анализ которых не является задачей этой статьи, однако результат её указать необходимо: и казачество, и крестьянство вследствие недальновидной и неповоротливой политики властных элит Польши получило квалифицированную военно-административную верхушку в лице части украинской шляхты, перешедшей к казакам («покозачившейся») — вплоть до целой плеяды прекрасно образованных,

имеющих дипломатический и военный опыт представителей княжеских и шляхетских родов. Участие патриотически настроенной части украинской элиты в народных волнениях придало им сакральный, освободительный смысл, идущий корнями к славной истории княжеского периода. Вопрос процентного отношения шляхты в общей массе казацкой старшины, долгое время остававшийся нерешенным украинской историографией, не так давно был выяснен благодаря детальным исследованиям украинских профессоров Н. Яковенко (она приводит цифру в 12,6 %) [2] и В. Кривошеи: «... по состоянию на 1649 г. — 12,6 %» [1]. Отметим, что к казакам шли не только шляхтичи-украинцы, но и этнические поляки [3].

И дело здесь не только в рыцарской романтике Средневековья или стремлении быстрого обогащения с помощью войны (хотя и этого было достаточно), но и в совершенно обыденных объективных причинах: в плотно заселенном политико-экономическом поле нарождающейся империи младшим потомкам многочисленных и многолюдных княжеско-шляхетских родов просто негде было реализовать себя. Удачный брак, воинский подвиг, случай или покровитель — вот те пути к карьере и состоянию, которые открывались единицам, остальные скатывались в маргинес: Польша позднего Средневековья полна была рыцарей, которые продавали свою саблю и военный талант за миску похлебки от нанимателя, — как правило, князя или магната-латифундиста, которые содержали в эти столетия личные армии под собственными штандартами. Множество мелкой и обедневшей шляхты поглощал раздутый многоуровневый чиновничий аппарат государства. Но самые смелые и амбициозные нередко отдавали предпочтение варианту поиска удачи в Степи.

Именно выходцы из шляхты составили интеллектуальное и организационное ядро казацкой старшины, которая возглавила серию казацко-крестьянских восстаний. Война под руководством Б. Хмельницкого окончательно расшатала устои Польско-Литовского государства и истощила его ресурсы, а вхождение в этот конфликт России привело к его гибели и последующим разделам Польши. Так ряд просчетов польских элит по планированию и реализации имперской программы, одним из которых было украинское направление, не позволили этой империи состояться: в истории Польша XVI — середины XVII вв. так и осталась квазиимперией.

Список литературы:

1. Кривошея В. Актуальные вопросы истории казачьей старшины Гетьманщины. [Текст] / В. Кривошея. Украинские генеалогические чтения, 27—29 мая 2011 г. — Киев, [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://forum.vgd.ru/file.php?fid=87406&key>.
2. Яковенко Н. Шляхта в козацькій революції середини XVII ст. (полемічні зауваги до схеми В'ячеслава Липинського) // Козацькі війни XVII століття в історичній свідомості польського та українського народів. Матеріали другої польсько-української наукової зустрічі (Львів, 12—13 жовтня 1995 р.). — Львів — Люблін, 1996.
3. Tomkiewicz W. O składzie społecznym i etnicznym kozaczyzny ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku // Przegląd Historyczny, 1948. — Т. 37, — S. 254.

О БОЛГАРАХ И ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ПРИАЗОВЬЕ В ПЕРВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ НАШЕЙ ЭРЫ

Стефанов Юрий Анатольевич

*аспирант кафедры политологии Луганского Национального
университета имени Тараса Шевченко*

E-mail: stefanov@list.ru

Проблема происхождения болгар на Северном Кавказе, их этническая принадлежность в последнее время с новой силой встала перед историками. Утверждение о том, что болгары появились в степях Предкавказья в результате гуннского нашествия было популярно в 1-ой половине XX в. На этих позициях стояли В. Златарский, и др. Александр Бурмов отвергал утверждение В. Златарского о том, что утигуры и кутригуры являются праболгарами, а также не поддерживает отождествления котрагов с кутригурами, а оногуров с уногундурами. Он считает праболгар самостоятельной этнической группой, в которую позже вошли котраги и оногуры. Сейчас теорию тюркского происхождения активно поддерживает Иван Добрев [5].

Венгерский автор Петер Юхас в своей книге «Тюрко-българи и маджари» посвящает целую главу анализу тюрко-болгарский заимствований в венгерском языке. Однако его доказательства не убедительны, так как в доказательной базе автор приводит много

параллелей опирающихся на различные тюркские языки. И главное, согласно схеме деления тюркских языков, в болгарскую группу входит и ныне живой чувашский язык. Венгры в историческое время имели длительные контакты с чувашами и савирами (как предками чувашей). Нет никакой уверенности, что вычлененные Петером Юхасом заимствования, объясняемые им с опорой на чувашский язык, не есть результат древних контактов мадьяр с савирами. Кроме того, известное утверждение о пребывании среди венгров трёх хазарских племён кабаров и указание на широкое распространение кабарями среди венгров хазарского языка склоняет к мысли, учитывая близость хазарского и болгарского языков, отмеченную арабскими источниками, к влиянию на венгерский язык именно кабаров. Таким образом, зачисление многих заимствований венгерского языка в «болгарские» не убедительно. Более того, слова эти и среди болгар могли распространиться в результате влияния иных тюркских языков [11].

Но старая гипотеза, утверждавшая принадлежность праболгар к тюркским этносам и принадлежность их языка к тюркским языкам болгарской группы активно оспаривается. Петър Добрев выдвинул теорию восточно-иранского происхождения праболгарского языка, и прародиной болгар объявил территории находящиеся вблизи отрогов Гиндукуша и Памира. По его теории в Предкавказье болгары переселились из древней Бактрии. Эту версию поддерживают Живко Войников, Иван Иванов, Иво Андровски и др. Ряд исследователей склоняются к мысли о образовании болгар в результате слияния угров и тюрков. Новосельцев говорит о болгарях как о «смешанных уграх», которые при невыясненных обстоятельствах были тюркизированы.

Таким образом, на настоящее время, мы имеем картину, где достаточно не ясно представлена языковая и этническая принадлежность праболгарской этнической общности в Северокавказском районе. Крайне скудные сведения письменных источников о периоде времён Кубрата и Аспаруха, от II до конца VII веков имеют параллели и в археологии. На территории западной части Северного Кавказа не найдено внушительных доказательств существования в этот период особой болгарской цивилизации. Раскопки в восточных районах Северного Кавказа, город Беленджер и другие объекты, приводимые как доказательство существования болгарской цивилизации, сомнительны, ибо нет ни одного доказательства их принадлежности к Великой Болгарии на Кубани.

Более того, до конца VII века мы достаточно точно не можем идентифицировать и конкретно самих болгар. Дискуссионным

является вопрос: кутригуры и утигуры были составной частью болгар либо же союзными или близкородственными племенами. Новосельцев по этому поводу пишет следующее: «У Прокопия Кесарийского, нашего основного информатора о событиях первой половины VI в., в описании юга Восточной Европы этнонима «булгары» нет, а в качестве восприимчивых гуннов выглядят утигуры и кутургуры. Первые из них обитали на востоке, вторые на западе от Меотиды и р. Танаис (Дон). Из этого исследователи делают заключение, что булгары скрываются под наименованием утигуров и кутургуров. В этом можно усомниться, если предположить, что булгары у Прокопия скрываются под именем «брухии», которые обитали между абасгами и аланами, т. е. в западном Предкавказье. Этот район был по-видимому изначальным местом обитания булгар, откуда отдельные их группы в IV—VI в.в. могли уходить на запад. Именно этот район у Феофана и Никифора называется Великой Болгарией. Здесь же фиксируют булгар Псевдозахария и «Армянская география» VII в.» [8].

Таким образом, конкретных сведений об этногенезе болгар до VII в. включительно, нет. Далее уже арабские авторы определяют дунайских болгар как славян. Волжских булгар — как тюрок. Интересен и неразрешён ещё вопрос, касающийся языка так называемых наследников Великой Болгарии — татар, башкир, карачаевцев, балкарцев. Все эти народы говорят на близкородственных тюркских языках кыпчакской группы. В языковом отношении эти народы такие же наследники Великой Болгарии как и резьянские словенцы, живущие в Италии и утверждающие своё легендарное происхождение от русских, наследники русского языка. То есть, родство языка, несомненно, а преемственность отсутствует. Это в том случае, если признавать язык Великой Болгарии в Прикубанье родственным чувашскому.

Таким образом, идентификация праболгар на этническом уровне, то есть как отдельного этноса со всеми его структурами, постоянно сталкивается с проблемами. Скажем так, различные авторы приводят различной аргументации доводы о различном происхождении болгар, которые воспринимаются и поддерживаются читателями в зависимости от различных, не научных установок, и приобретают популярность благодаря общественному мнению, а не научным доводам. Это касается и теории славянского происхождения праболгар Юрия Венелина, и Д.И. Иловайского. В принципе, но с другими акцентами, о славянском происхождении праболгар говорил

и Ганчо Ценов. Это касается и теории иранского происхождения Петра Добрева.

С другой стороны есть все условия к рассмотрению проблемы происхождения праболгар не в этническом, а в социальном плане, то есть не как особого этноса возникшего на определённой племенной или родовой основе, а сообщества, группы возникшей на социальной, сословной, надэтнической основе.

Есть несколько работ посвящённых одному знаменательному событию, Троянской войне. Йордан Табов в своей работе «Болгары в Троянской войне» и Стефан Чурешки в работе «За критическите изследвания в историята и религията» выдвигают идею участия болгар в троянской войне. Они ссылаются на Иоанна Малалу, который современных ему раннесредневековых болгар отождествляет с мирмидонцами Ахилла. Не будем касаться конкретных доводов, примем к сведению, что эти авторы видят болгар в Ахилле и предводительствуемой им дружине. Теперь давайте взглянём на Ахилла и его дружину. Очень интересно по этому поводу мнение Нины Владимировны Брагинской. Она в частности пишет: «Но в то же время мирмидонцы, о чьем происхождении хоть что-то можно узнать, — пришлые во Фтию, как и сам Пелей. Часто они даже не фессалийцы, как, скажем, Патрокл и отец его Менетий, бежавшие во Фтию из локрийского Опунта... Любопытно, как оказались во Фтии те мирмидонцы, чья судьба нам до какой-то степени известна. Оказывается, они — изгнанники, причем совершают они примерно те же преступления, что и царь Пелей, отец Ахиллеса... Что же еще мы знаем о мирмидонцах и чего не знаем? Мы не знаем ни одного мирмидонца, кроме тех, кто является воинами Ахиллеса или входит в свиту Пелея. Мы не знаем ни одной мирмидонянки, ни одного ребенка или старика мирмидонского племени. Когда заходит речь о выборе жены для Ахиллеса из женщин, живущих во Фтии и в Элладе, то это не дочери мирмидонцев, не мирмидонянки, а ахейянки. Таким образом, и во Фтии и в Элладе живут женщины-ахейянки и мужчины воинского возраста — мирмидонцы. Не только нет в «Илиаде» женщин, стариков и детей мирмидонцев, нет и единственного числа *мирмидонец*... И вот все такие изгнанники отправляются в поход на Трою и становятся самой свирепой силой ахейцев. Эпитет их — «браннолюбивые». Фтия не родина их, но их «дом», Пелей и Ахилл не соплеменники их, но вожди, сами они, как и царь Пелей, — пришлые» [1].

Из высказывания Н.В. Брагинской закономерно следует вывод — Ахилл и его воины, это не этническое племя, а воинское сообщество,

социальная группа, представляющая воинское сословие, которое прибыло под стены Трои из болот Меотиды, где, по всей видимости, находилась их главная, укрепленная штаб-квартира.

Первыми нам известными обитателями Приазовья были киммерийцы. Н.И. Васильева в своей работе «Краткая история Великой Скифии» высказывает мнение, что киммерийцы это не этноним, а геоним, который можно интерпретировать как «степняки», и об этнической принадлежности киммерийцев говорить достаточно проблематично [2]. Ольга Васильевна Борисова склоняется к мысли, что киммерийцы вообще не этническое объединение, а «военный орден» определенной сакральной направленности, рыцари которого имели широкомасштабные планы по установлению своего контроля на просторах восточной Европы. О.В. Борисова приводит несколько возможных трактовок названия киммерийцы. Она допускает, что это название может быть игрой слов на санскрите от названия народа: (kim агуа — «те, кто арии», произнесенное иначе: kim maгуа — «рожденные умирать»). С позиций древнеиранского языка название киммерийцев можно интерпретировать как «быстрый отряд» [10]. Таким образом, в начале письменного периода истории мы сталкиваемся в Приазовье с надэтническим образованием, представляющим воинское сословное сообщество.

Ближе к нашему времени в районе Приазовья мы наблюдаем алан. Происхождение и идентификация алан в принципе не вызывают сомнения, но А.А. Туллаговым высказывается и такое мнение: «Представляется, что аланами (ариями) называлась социальная надплеменная прослойка «азиатских скифов» античных источников, связанная родством с аристократическими домами различных кочевых объединений. Её представители были потомственными профессиональными воинами, чья власть была сакрализована на основании традиций ираноязычного кочевого мира» [13]. Таким образом, мы можем наблюдать, что мнение А.А. Туллагова продолжает и дополняет предположения предыдущих авторов.

По прошествии какого-то времени этническая обстановка в Приазовье изменяется. Здесь появляются германские племена. Среди этих племён наше внимание привлекают герулы, часть из которых оказалась в Приазовье. Проблема связанная с соотношением Герулы / Эрулы / Элуры, то есть с различным написанием этнонима и его этническими соответствиями, то есть один это этнос или разные, в данной ситуации не столь важен. Дело в том, что из себя представляли герулы именно в Приазовье. И опять мы сталкиваемся с мнением ряда авторов, отмечающих не этническую, а социальную,

сословную организацию общества в Приазовье, или части этого общества. Пётр Золин высказывает следующее мнение: «Эрулы использовали в своей армии многих рабов, по крайней мере, рабов по облику, но при этом, наверное, свободных, даже в своих сражениях. Их принуждали сражаться почти голыми и без оружия, — если они справлялись с такой задачей, то им предоставлялась возможность стать полноправными членами эрульского общества» [4]. Данное высказывание автора можно принять как свидетельство в пользу существования сословной организации, проводящей приём в свои ряды посредством определённого испытания претендентов.

Подобной точки зрения придерживается и Г.С. Лебедев, по его оценке герулы — «разноплеменная воинская элита, в бурных условиях IV—V вв. обретавшая способность к самоорганизации» [7]. В своём исследовании «Крымско-готский язык» Н.А. Ганина сообщает следующее: «Однако в любом случае следует принять во внимание версию О. Хёфнера о том, что «эрул»/ «герул» — не один из германских этнонимов, а обозначение социальной группы, соединённой общим культом, эзотерическими знаниями (руны) и, как следствие — воинским товариществом» [3].

Ещё одну рациональную мысль высказывает Н.А. Ганина: «Возможно, герулы были воинской элитой на исконной территориально-племенной основе: трудно представить себе касту, охватывавшую все германские племена, разбросанные на значительном пространстве. Очевидно, для каких-то племён герулы представляли собой чуждую элиту и тем самым — чуждое племя» [3].

Следует отметить, что герулы основавшись в Приазовье, так же как и Ахилл со своей дружиной, совершали морские походы-набеги на территорию Малой Азии и Эллады.

Из сообщений главным образом двух источников, Феофана исповедника и патриарха Никифора, нам известно о существовании Великой Болгарии на Кубани. То есть в местах занимаемых до этого киммерийцами, мирмидонцами Ахилла, аланами, герулами и другими племенами. Не будем вдаваться в дискуссию по поводу того, что Кубрат, предводитель Великой Болгарии и Кубрат предводитель уннугундугов это разные люди или один человек. Взглянём на этническую обстановку существовавшую вокруг Великой Болгарии.

Не вызывает сомнений, что западное Предкавказье и Приазовье было местом активных этнических контактов. Здесь проживали носители индийских языков, родственных санскриту. Об этом достаточно убедительно пишет О.Н. Трубочёв [12]. Здесь же зафиксированы многочисленные восточноиранские племена. Несомненным было

в данном регионе и присутствие абхазо-адыгских народов, чей эпос, «Нарты» представляет собой не что иное, как отражение существования сословного воинского объединения, воинского ордена на данной территории. В данном подтексте не важен спор о происхождении этого эпоса: адыгский он по своей основе или осетинский, поскольку важно его содержание и тот факт, что даже будь он заимствован одним из народов, то это могло бы произойти исключительно в условиях тесного совместного проживания и интенсивного общения, более, нежели простое соседство. Такая передача эпоса могла состояться в условиях нахождения в одном сообществе.

То есть идея существования сословного воинского сообщества, воинского ордена отражена в традициях местного фольклора, причём в разнотипной среде. Далее, в более поздние времена мы наблюдаем проникновение в эти места тюрок и угров. Наличие антов на данной территории может вызывать сомнения, но оно вполне допустимо, если трактовать антов как этническое сообщество имеющее родство как с индоариями, на что указывает О.Н. Трубочёв, так и с восточно-иранскими этносами, лишь позже ославянившихся. Таким образом языковая ситуация данного региона, Приазовья и Прикубанья остаётся хотя в общих чертах и прояснённой, но лишённой конкретики в определённое время, в первые века нашей эры.

В данной ситуации не лишена логики и постановка вопроса о сформировавшейся здесь болгарской общности, о которой до нас дошли сведения Никифора и Феофана. Не представляли ли болгары в данном регионе не этническое — а социальное, сословное объединение, воинский орден. Из выше приведенных цитат вполне закономерно вытекает, что герулы в данном регионе представляли воинское сообщество, а в других местах — этническое, аланы тоже. Учитывая характер болгарского завоевания на Балканах, логичнее допустить, что славяне, якобы добровольно признавшие власть Аспаруха, на самом деле славянизированные антские племена вполне допускавшие общее руководство над собой надплеменной элиты — воинского ордена. В такой ситуации достаточно ясно объяснима проблема взаимоотношений болгар и хазар. Если верить утверждениям многих авторов, в частности и Плетнёвой С.А., то болгары в Хазарии занимали доминирующее положение. Как это объяснить с точки зрения дунайско-болгарского и хазарского жёсткого противостояния. Если Аспарух являлся предводителем воинского ордена, который хазары лишили господства на приазовских и прикубанских территориях, то легко. Тогда Батбаян, спокойно

живший в Хазарском каганате всего лишь предводитель этнически или культурно родственного хазарам объединения, которое могло быть слабо связано с ушедшим с Аспарухом объединением. Наличие болгарских племён в Аспаруховой Болгарии, о которых иногда приходится читать у ряда авторов, не фиксируется документально. Наличие же родов вполне допустимо и в сословной организации. В этом контексте объясним и этноним «болгары». В «Скифо-сарматском словаре» Васо Ивановича Абаева есть слово «bala — 'военная дружина'», не исключено, что оно близко к семантике болгарского наименования — бль(гаре).

С другой стороны, в «Именнике болгарских князей» приводится перечень болгарских предводителей принадлежавших к разным родам, что вполне соответствует выборности руководства в сословных организациях, иначе трудно объяснить такую смену династий.

Ещё один аспект данной проблемы — язык болгар пришедших с Аспарухом на Балканы. Это мог быть любой язык воинской элиты. Сторонники теории иранского происхождения болгар приводят много фактов (достоверных или нет, в данный момент не столь важно) доказывающих наличие в современном болгарском языке восточно-иранского субстрата. В этнической мозаике Западного Предкавказья вполне возможно было влияние различных языков, выше перечисленных, на язык воинского сообщества. Но, не исключено, что таковым языком мог быть и условно иранский с индоарийским влиянием, а позже славянизированный язык антов. В пользу такого заключения говорит и тот факт, что носители именьковской культуры после исхода из своих мест обитания могли частично оказать влияние и на языковую ситуацию в Предкавказье. Следует иметь в виду, что язык именьковцев, по мнению В. В. Напольских представлял собой иную версию развития славянских языков [9].

Следует обратить внимание и на ещё один компонент языковой составляющей. В работе И. Карасева «О проявлении свойств Балканского языкового союза в адыгейском языке» приводятся яркие параллели связывающие грамматику, синтаксис и морфологию адыгейского языка с языками балканского языкового союза [6]. Таким образом, сходство адыгейской грамматики с болгарской наталкивает на определённые выводы: а не начал ли формироваться Балканский языковый союз на Кавказе? Если допустить такой вариант, становится более понятным то расхождение в грамматике между староболгарским (церковнославянским) языком, основанным на говоре города Солунь IX века и современным болгарским, опирающемся в основе на другие диалекты. В то время власть Болгарского государства на Солунь

ещё не распространялась, и там мог существовать близкий, но не антский, а склавинский диалект.

Таким образом, если допустить, что болгары, пришедшие с Аспарухом на Балканы представляли собой не этническое, а сословное объединение, можно объяснить и запутанные ныне проблемы языковой истории. Ведь социальная группа довольно часто не имеет своего языка, для неё важным являются другие критерии, а язык в воинском коллективе выполняет лишь прямую функцию коммуникации. Таким образом, всегда избирается наиболее удобный в данном районе язык, которым владеет, в той или иной степени, большинство населения. С другой стороны, сложившееся в Прикубанье и Приазовье объединение могло пользоваться языком, который в силу известных объективных причин мог испытывать влияние окружающих языков и их субстратов, как то — восточно-иранских, индоарийских, тюркских, угорских, славянских, германских, адыгских и других. Этим можно объяснить и тот факт, с какой лёгкостью исследователи находят в современном болгарском языке следы (достоверные или нет, это другой вопрос) и древних иранских, и древних индийских, и древних германских заимствований.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что после ухода болгар из Приазовья и Прикубанья и установления там хазарского влияния, через некоторое время мы видим здесь вновь существующие сообщества, которые скорее можно охарактеризовать как социально-сословные а не этнические. Такими в первую очередь являются более поздние бродники, и сменившие их позже казаки, представлявшие на раннем этапе сословное воинское объединение с не ярко выраженной этнической доминантой.

Вопрос о том, являлись ли болгары, пришедшие с Аспарухом на Балканы этническим или сословным воинским объединением остаётся открытым. И не в последнюю очередь потому, что многим исследователям достаточно трудно будет преодолеть стереотип этнической принадлежности. Они привыкли устанавливать родственные связи, привлекая даже исследования гаплогрупп и гаплотипов. Но часто не хотят признать тот факт, что люди объединялись не только по родству кровному, но и по родству мнимому, как например социальные верхи объединялись «по крови владыческой». Как позже в этих же местах существовала казачья вольница — последний всплеск древних воинских сословных объединений, и члены этих объединений, несмотря на разное этническое происхождение (чему яркий пример Запорожское казачество) считались братьями казаками.

Список литературы:

1. Брагинская Н.В. Кто такие мирмидонцы? // Балканские чтения I. Симпозиум по структуре текста. Тезисы и материалы. — М., 1990.
2. Васильева Н.И. Краткая история Великой Скифии. Москва.: Мегалактика. 1999—2000. С. 301.
3. Ганина Н.А. Крымско-готский язык. СПб.: Алетейя, 2011. (Славяно-германские исследования. Т. V).
4. Золин П. Эрулы словен-русы будины болото. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.proza.ru/2009/08/26/913>.
5. И. Добрев. Златното съкровище на българските ханове от Атила до Симеон. — София: Рива, 2005 — с. 510..
6. Карасев И.О. проявлении свойств Балканского языкового союза в адыгейском языке. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://arahau.ucoz.ru/publ/estestvennye_jazyki/balkanizm_v_adygejskom/4-1-0-28 (дата обращения: 22. 01. 2013).
7. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб.: Евразия, 2005.
8. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва.: Наука, 1990.
9. Напольских В.В. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в сер. I тыс. н. э. // Славяноведение. 2006. № 2. С. 3—19.
10. О.В. Борисова. Релігійний чинник у геополітичних устремліннях еліт України в добу Середньовіччя / Ольга Василівна Борисова: [монографія]. — Луганськ: ДЗ «Луганський національний університет ім. Тараса Шевченка», 2010.
11. Петер Юхас. Тюрко-българи и маджари. — София, 1985.
12. Трубачёв О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье — Москва.: Наука. 1999.
13. Туаллагов А.А. К вопросу о происхождении ранних алан. //Сборник: Петербургский археологический вестник, 1997.

4.3. ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОВ ПОСТРОЕНИЯ НАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

Андрющенко Людмила Эрнстовна

преподаватель Ростовского-на-Дону автодорожного колледжа

E-mail: nmo-radk@yandex.ru

История человечества тесно связана с историей развития науки, создания техники, облегчающей труд человека. Построение научных теорий напрямую зависит от метода подхода к действительности, то есть способа изучения и исследования явлений природы и общества. Метод познания действительности лишь тогда может быть правильным, научным, если он отражает объективные законы самой действительности. Только знание этих законов позволяет правильно подходить к явлениям природы и общества, правильно исследовать их.

Метод познания и изучения природы и ее законов для того, чтобы изучение действительности и построение научных теорий на основе исследований не получило искажений, должен обладать следующими основными чертами:

- метод должен рассматривать природу как единое целое, где предметы и явления зависят и обуславливают друг от друга;
- метод должен рассматривать природу как состояние непрерывного движения, где всегда что-то возникает и развивается, что-то разрушается и отживает свой век;
- метод должен рассматривать развитие природы как процесс, в котором в результате накопления незаметных и постоянных количественных изменений совершается скачкообразный переход от незначительных, скрытых количественных изменений к изменениям открытым, качественным.

Эти положения метода о развитии природы можно отнести целиком и к построению научных теорий. В современных условиях развитой технологии, применяющей высокоточные приборы для дальнейшего познания действительности, совершенство метода помогает глубже постигнуть взаимосвязь наук, правильно понять неодолимость поступательного развития естествознания в процессе необходимой замены одних теорий другими, которыми выражают более полное знание объекта и, соответственно, более высокую

ступень познания. Логика и психология научных и технических открытий, научных поисков, эволюция и характер научных и творческих идей — все это привлекает внимание философов, ученых, инженеров, психологов.

В основе этого интереса лежит все возрастающее влияние науки на все сферы экономической и культурной жизни общества.

Наука в содружестве с техникой выступает в качестве практической школы и дает философу богатейший материал для раздумий. Философ должен постигать движение научного познания, тонко улавливать его тенденции, в свете новых данных науки творчески решать гносеологические и методологические проблемы. Ученый или инженер инстинктивно, а во многих случаях и сознательно стремится философски осмыслить результаты своих экспериментов. При этом он нередко начинает с попытки проанализировать и понять ход научных поисков, эволюцию идеи, ее связи со смежными идеями и ее отличие от общепринятых концепций. Отдельные стороны логики и психологии научного творчества начинают интересоваться ту часть математиков, психологов, логиков и конструкторов, которые заняты разработкой эвристических программ для компьютеров. Внимание специалистов по эвристике привлекают тончайшие, нередко протекающие в сфере подсознания нюансы. Мышление ученого, инженера, оператора, внезапные скачки мысли, приводят к, так называемым, индуктивным и прогностическим решениям. Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты открытий, которые интересуют почти всех специалистов.

В конце 1895 года весь научный мир заинтересовался открытием Рентгена, в опытах которого икс-лучи испускались стенкой стеклянного сосуда в том месте, куда попадало катодное излучение; стенка здесь фосфоресцировала. Специалист по флуоресценции и фосфоресценции Беккерель подумал, что фосфоресценция связана с лучами Рентгена и решил исследовать, не испускают ли эти лучи обычные тела, фосфоресцирующие после освещения, в частности соли урана, свойствами которых он интересовался. Беккерель выставил на солнце пластинки, покрытые урановой солью, затем завернул их в черную бумагу и положил в кассету вместе с фотографической пластинкой. Пластинка потемнела. Беккерель решил повторить опыт, подготовил несколько кассет, поместил в каждую кассету пластинку, покрытую солью урана и завернутую в черную бумагу, и стал дожидаться солнечного дня. Когда появилось солнце, он сначала решил проверить, не произошло ли что-нибудь с пластинками. Беккерель с удивлением обнаружил, что фотопластинки потемнели,

хотя соли урана не освещались светом. Этому явлению оставалось лишь одно объяснение: уран испускает проникающее излучение неизвестной природы. Руководствуясь неверной идеей, ученый сделал открытие радиоактивности, создавшее новую эпоху в истории науки.

Предшественник Беккереля открыл икс-лучи тоже случайно. Он обнаружил люминесценцию листа бумаги, покрытого платино-синеродистым барием.

Любые открытия можно разложить на гипотезу, логический анализ идей и постановку эксперимента; случайности могут проникать во все этапы в разной степени. Открытие Рентгена к тому времени уже становилось необходимостью. Икс-лучи соответствуют катодным лучам, а последние уже были исследованы многими физиками. Беккерель тоже обязан не только случаю, так как после Рентгена все только и говорили о лучах. Почва была подготовлена. Такая же подготовленность сопутствовала открытию периодического закона; закономерность в мире элементов искали ученые многих стран, время уже требовало решения этой задачи. История открытий как нельзя лучше иллюстрирует связь необходимости и случайности.

Открытие лишь тогда открытие, если оно необъяснимо с точки зрения существующих научных представлений. Именно поэтому его нельзя предвидеть и оно оказывается игрой случая. Счастливые случаи редки в жизни любого ученого, поэтому их нельзя пропускать. Никогда нельзя проходить мимо непонятных явлений, с которыми встретился в эксперименте. И самое важное то, что противоречит существующей теории. Ни в коем случае нельзя отмахиваться от непонятного, хотя, конечно, непонятное может оказаться просто ошибкой опыта, но оно может дать и начало крупному открытию.

Сколько творцов потерпело неудачу за недостатком необходимых условий. Можно обратиться к фактам, касающихся «преждевременных открытий». Некоторые ученые предвидели многие из наших великих открытий. Так, французский фотограф Ньенс за 38 лет до Беккереля почти при аналогичных обстоятельствах «открыл» явление радиоактивности. Но это не имело никаких последствий. Вот что значит «открытие не созрело...». Чаще всего к преждевременным открытиям принадлежат открытия (прежде всего случайные), оказывающиеся вне основной линии развития науки, вне возможности их использования и применения на данном уровне развития науки. Такие открытия или забываются, или возвращаются в определенное время.

То, что случайно найдено путем эксперимента и еще не осмыслено, не понято людьми, принадлежит им только наполовину. Многие

секреты древности утрачены сейчас. И причины, видимо, лежат в преждевременности их появления. Только этим можно объяснить поведение бесспорно талантливого, наблюдательного и широко образованного Рентгена, который запрещал своим сотрудникам произносить слово «электрон».

В конце 1901 года лорд Кельвин в своей речи выразил сочувствие будущим поколениям физиков, что на их долю, как он считал, остались мелкие доделки в стройном здании науки, воздвигнутом учеными XIX века. И тот же Кельвин заметил, что на ясном небосводе физики осталось лишь два облака — одно связано с опытом Майкельсона и другое — с излучением черного тела. Именно из этих облачков и возникли теория относительности и квантовая теория. Сам гениальный Резерфорд сомневался в практической ценности ядерной энергии. Но в то же время другой ученый В.И. Вернадский, отнюдь не физик, говорил, что перед учеными открываются в явлениях радиоактивности источники атомной энергии, в миллион раз превышающие все те источники сил, какие рисовались человеческому воображению. История науки изобилует фактами и необычайной проницательности, и необычайной слепоты, которая присуща отнюдь не ограниченному уму.

Некоторые открытия не делаются или запаздывают, потому что у того, кто бы мог его сделать существует некоторая застывшая тенденция или некоторая предвзятая идея, которая ему мешает представить ситуацию в истинном свете или сделать решающие сопоставления. Все несостоявшиеся открытия видимо, связаны с ошибочной оценкой. Есть ошибки Кельвина и других, вызванные ложными концепциями. И есть ошибки Эйнштейна, которые трудно назвать ошибками в обычном смысле этого слова. Великие умы всегда обладают проникновенной интуицией; возможно, что их утверждения, сегодня рассматриваемые как ошибочные, завтра окажутся истинными! Нельзя торопиться осуждать гения, иначе рискуете погрешить против истинной науки. «Ошибка» Эйнштейна принесла огромную пользу физике. Идеи Эйнштейна (история фотоэффекта, в которую впервые было введено понятие световых квантов, теория поглощения и изучение теории излучения света и т. д.) сыграли большую роль в развитии квантовой теории. Но, ознакомившись с первой работой Бора, Эйнштейн считал, что если она правильна, то это означает конец физики как науки. До конца жизни он не мог примириться со статическим характером квантовых закономерностей. Все физики мира следили за дискуссией между Эйнштейном и Бором, хотя Бор был уверен, Эйнштейн очень много сделал для квантовой

физики и с его вечным, неукротимым стремлением к совершенству, к архитектурной стройности, к классической закономерности теории, к единой системе, на основе которой можно было бы развивать всю физическую картину. В каждом новом шаге физика, который, казалось бы, однозначно следовал из предыдущего, он отыскивал противоречия и противоречия эти становились импульсом, толкавшим физику вперед.

Многих интересуют особенности склада мышления знаменитых ученых. Известный физик Луи де Бройль, например, склонен делить теоретиков на абстрактные умы, которые любят аксиоматику и дедуктивный вывод, недолголюбивают наглядные образы и зачастую склонны уменьшать роль объективности и реальности внешнего мира, и на интуитивные умы, склонные к образным представлениям и смелой индукции, чуждые чистого формализма и убежденные в реальности мира. Эта классификация несколько узка, так как известно множество абстрактных умов, не уменьшающих роли реальности. Известны и другие столь же неполные, но весьма характерные классификации. Например, классики — это большие маститые ученые, вооруженные доскональным знанием всего, что было сделано в их области. Их исследования строго продуманы, методичны и последовательны. Их основной метод — логическое развитие нового на основе старого. Они прекрасные экспериментаторы и уверенно поднимаются по ступеням научного познания. Иногда целые области науки фундаментально разрабатываются руками одной классической школы. Классики часто посвящают всю жизнь одной области исследования. Смена области исследования для них медленный и болезненный процесс, у них велика сила инерции. Романтики часто моложе по возрасту, но не возраст определяет их характер. Они тоже много знают, их знание шире, они интересуются смежными, а иногда и весьма отдаленными областями знаний, что, безусловно, помогает развитию воображения и ассоциативного мышления. Новая мысль приходит к ним не только в результате логического развития старого, но, главным образом, по неожиданному для окружающих пути далеких ассоциаций. Экспериментируют романтики смелее классиков. Редко бывает так, чтобы ученый-романтик широко разрабатывал целую отрасль науки, но часто важнейшие вехи ее развития ставятся руками романтиков. Их увлекают различные вопросы, они безинерционны и с поразительной легкостью переходят от одной проблемы к другой.

Торжество теории относительности и теории квантов на блестящих примерах продемонстрировало общие закономерности

научного познания. Так как наши познания не априорны, а вытекают из обобщения всего человеческого опыта, всякое проникновение в неизвестную область явлений влечет за собой необходимость коренного пересмотра и обобщения основных наших понятий и представлений, даже таких, как понятие физической закономерности. Тем не менее это вовсе не означает, что каждый новый этап развития науки отменяет все прежние. С каждым новым шагом выявляются границы применимости тех понятий и законов, которые раньше считались универсальными. Требования к новой теории становятся все более жесткими, она не только должна объяснять открываемые факты, но и включать в качестве частного случая все ранее открытые закономерности, указывая точные границы их применимости. Основы классической физики содержатся в более общих законах теории относительности и теории квантов, из которых они вытекают в условиях, когда скорости тел не сравнимы со скоростью света, а пространственно-временные масштабы явлений и массы тел таковы, что так называемое действие велико по сравнению с квантовой постоянной. Форма связи физических теорий, когда классическая теория рассматривается в качестве предельного случая теории неклассической, была использована Бором для построения первой квантовой теории атома и получила название принципа соответствия.

Прогресс науки — не движение по кругу, а движение по спирали, приближающей нас к найденным стадиям, но «на высшем уровне». Развиваясь по спирали, научная мысль имеет в то же время тенденцию к синтезам, в которых сочетаются противоречивые представления. Примером может служить история борьбы корпускулярных и волновых концепций в теории света. Множество фактов, противоречащих представлению о зернистой природе света, побудило в свое время Гюйгенса выдвинуть гипотезу о том, что свет это волнообразное движение, распространяющееся в эфире. Ученые пытались синтезировать обе точки зрения. Физики предпочли теорию Бора о «Дополнительном характере волн и частиц». Де Бройль согласился с ней, но впоследствии его стали одолевать сомнения. Как бы там ни было, резюмировал он, истинная теория будет синтезирующей.

Всякое открытие есть результат интуитивной догадки, опирающейся на аналогии и сопоставления, результат отступления от обычного хода рассуждений. Ум следует по двум различным путям — по пути индукции и по пути дедукции. Рассуждая дедуктивным путем, ученый исходит из априорных представлений

и абстрактных формул, в которых физические величины представлены символами. Он преобразует по правилам логики свои уравнения, приходит к определенным соотношениям и принимается за расчет. Индуктивный метод, опирающийся на аналогию и интуицию, и вызывающий скорее к уму пронизательному, стремится угадать неизвестное и установить основу для новой дедукции. Дедукция — безопасность, индукция — риск. Дедукция содержит фантазию, не дает уму впасть в заблуждение, но она извлекает из постулатов лишь то, что в них есть. Великое открытие создается индукцией. Безусловно, индукция первенствует, но задачи требуют не останавливаться на ней, индукция и дедукция выступают в единстве, если речь идет об исчерпывающем решении проблемы.

Психология учит, что творческое мышление, раскрывающее нечто принципиально новое, возникает в проблемной ситуации, для которой характерно противоречие между условиями и требованиями задачи и отсутствием внезапного озарения, которые, несмотря на всю их неожиданность, не случайны, а вполне закономерны в творческом процессе. Открытие — это следствие сцепления огромного количества объективных и субъективных обстоятельств — закономерных и случайных. К ним относятся анатомио-физиологические особенности исследователя, условия его развития, случайные встречи с людьми, прочитанные книги и тысячи других обстоятельств, которые сформулировали интересы человека, заставили его заниматься данной проблемой и, наконец, привели к открытию. Ученый не осознает эти обстоятельства. Во внезапном озарении сливаются вместе и благоприятно сложившиеся обстоятельства, и напряженнейшая работа мысли, не прекращающаяся даже в подсознании. Результаты исследований по психологии мышления позволяют предположить, что в процессе решения задачи в мозгу возникает динамическая модель проблемной ситуации, которая состоит из элементов условия задачи, отраженных в их связях и взаимоотношениях. Эта модель формируется в ходе, ориентировки в условиях задачи, в ходе их анализа и синтеза. Элементы проблемной ситуации существуют в мозге в виде следов отражаемых объектов, каждый из них не просто копирует объект, а имеет тенденцию к динамике, к взаимодействию со следами других объектов. В результате динамического взаимодействия между элементами проблемной ситуации устанавливаются новые связи и отношения, приводящие к решению задачи.

Уместно вспомнить рассуждения психологов, утверждающих, что для решения творческих задач у человека имеется, по крайней

мере, три механизма. Если человеку просто везет, и он без напряжения наталкивается на открытие, действует механизм проб и ошибок. Если у него сильно развито ассоциативное мышление, действует механизм эвристического узнавания. Если человеку и не везет, и ассоциативное мышление развито слабо, вступает в силу третий механизм — процесс построения новой гипотезы, принципа или схемы, опирающейся на свойства элементов задачи. Один из механизмов всегда является ведущим, а результат одинаков: прорыв в новую область.

Когда совершается прорыв из особенного в общее, то при этом всегда одна противоположность переходит в другую, и раскрываются внутренние противоречия, присущие объектам исследования. Переход от особенного к всеобщему совершается в виде скачка; вот почему никто не может описать точно как возникла новая идея. В лучшем случае вспоминаются ассоциации или образ. Это похоже на переход в сон или бодрствование: никто не помнит момента перехода, ибо качественно меняется состояние человека. Научное открытие есть прорыв в новую область, но это не мгновенный акт. В нем можно выделять фазы подготовки (т. е. накопления количественных элементов), собственно скачка и развития, т. е. реализации результатов и следствий. Даже в скачке можно различить два этапа — решающий и завершающий. Первый — появление идеи, содержащей в себе ключ к решению задачи, второй — практическая реализация в виде развернутого решения задачи. Первый этап, как правило, мгновенен. Он есть озарение. Второй — часто растянут во времени. Революции, парадоксы, безумные идеи — это обычное. Сейчас наука вместе с техникой вовлекают в сферу своей прямой деятельности относительно большую часть общества. Время между научным открытием и его реализацией стало гораздо меньше человеческой жизни и даже той ее части, за которую успевает формироваться психика. Наука окружает нас со всех сторон. Инженеры, занятые конструированием, созданием технологических процессов, строительством, связаны с наукой непосредственно. Они испытывают воздействие науки ежечасно, они мыслят так же, как и ученые — их ближайшие коллеги.

Список литературы:

1. Блюменфельд Л.А. Решаемые и нерешаемые проблемы биологической физики. М.: «Едиториал УРСС», 2002.
2. Дорфман Я.Г. Всемирная история физики. М.: КомКнигаФормат, 2007.
3. Ильин В.А. История физики: учеб. пособие для высших педагогических учебных заведений. М.: Академия, 2003.
4. Пайс А. Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна / Ред. А.А. Логунов. М.: Наука, 1989.
5. Уиттгкер В.Т. История теории эфира и электричества. Ижевск: НИЦ, «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
6. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Изд. 3-е исправленное, М: Наука, 1965.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОСТОЯНИИ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Гришакова Лариса Валерьевна

канд. ист. наук, доцент ОГПУ,

г. Оренбург

E-mail: larisa1789@mail.ru

После окончания «холодной войны», победителем из которой вышли США, стал рушиться биполярный мир, установившийся после завершения Второй мировой войны. Распад СССР — общего соперника для Западной Европы и США ускорил продвижение Америки по пути установления экономического и политического господства в мире. Страны Западной Европы чтобы укрепить свои позиции перед лицом мощного конкурента — США и помешать их гегемонистским планам, стали использовать возможности интеграции, результатом которой стало образование Европейского Союза (1992 г.). Внешнеполитический курс Вашингтона, направленный на утверждение гегемонии США все больше сталкивается с сопротивлением со стороны объединенной Европы. Расхождения обнаружились во многом: и в определении формулы мироустройства после распада СССР и крушения социалистической системы; и в понимании роли ООН, международного права; и относительно применения военной силы в урегулировании конфликтных ситуаций. Вашингтон начинает демонстрировать открытое пренебрежение по отношению к международным институтам и нормам, закрепившимся к этому времени. В то время как ЕС предпочитает действия в рамках законов, правил, мер, согласованных в ходе переговоров, Америка полагается на насильственный вариант реализации собственного превосходства.

Поэтому в последние годы, когда произошли кардинальные изменения на международной арене, отечественные исследователи стали уделять еще большее внимание анализу сегодняшнего состояния

трансатлантических отношений и прогнозам их развития в ближайшем будущем. Обращение к этой тематике связано, во-первых, с интересом к давности исторических связей Западной Европы и США в области политики, безопасности, экономики и культуры. Страны, входящие в Евросоюз и США разделяют общие ценности, куда входит демократия, права человека, верховенство закона, рыночная экономика и др. У партнеров сложились общие подходы к угрозам безопасности. Второй фактор активизации исследований связан с тем, что время от времени наблюдается рост напряженности в евро-американских отношениях, который связан с разногласиями по вопросам экономического партнерства, военной стратегии, претензий на лидерство США в глобальном масштабе и т. д.

Большие перемены произошли в трансатлантических отношениях в рамках НАТО. Сегодня остро встал вопрос об обновлении Альянса, о перестройке его в политико-военную организацию. Пересмотр позиций Евросоюза связан с необходимостью проработки концепции общей европейской политики в области безопасности и обороны.

Современные отечественные исследователи, как правило, придерживаются критики атлантизма, понимаемого как философия и практика политического, экономического и военного сближения государств Северной Америки и Западной Европы. И считают, что позиционируя атлантизм, США стремятся к лидерству. Так, М.А. Троицкий, рассматривая эволюцию американско-европейских отношений в период 1991—2004 гг., отмечает, что уже администрации Б. Клинтона удалось выработать и применить на практике т. н. «программирующий подход» к партнерству с ЕС, который позволял Соединенным Штатам осуществлять совместную деятельность со своими союзниками при лидерстве США [23, С. 49 — 50]. Т.А. Шаклеина предприняла успешную попытку создать настоящую сравнительную энциклопедию современной международно-политической мысли США и России [28]. Автором дан анализ американских концепций глобального лидерства. Она отмечает, что в основе восприятия американцами себя в мире лежит идея гегемонистского доминирования, для которого разные школы политического анализа в США используют всякого рода эвфемизмы — концепции «скрытой гегемонии». Т.А. Шаклеина детально проанализировала ключевую американскую внешнеполитическую концепцию 1990-х гг. — доктрину расширения демократии «по Лейку-Клинтону», которая нашла отражение не только в отношениях со странами бывшего «соцлагеря», но и со странами ЕС. Указанная концепция несла военно-политическую нагрузку —

«расширение демократии» предполагало допуск стран, успешно прошедших через «демократический транзит», в «демократическое сообщество», что подразумевало их интеграцию в военно-политические и экономические структуры Запада. В перспективе «расширение демократии» означало включение бывших восточно-европейских союзников СССР в состав НАТО [28, С. 114—116].

Что касается Европейского Союза, то в российской литературе сохраняется мнение о том, что ЕС, несмотря на множество политических решений и вновь созданных институтов до сих пор не продемонстрировал свою способность стать реальным полюсом силы, однако отмечают тенденции к росту влияния Европейского Союза в мировой политике и экономике. Так, М.А. Троицкий считает, что достигнутый уровень интеграционного сближения европейских стран дает основания рассматривать Европейский Союз не как «рядовое» объединение суверенных стран западной и отчасти восточной Европы, а как некое протогосударство. Международную роль ЕС как глобального субъекта, по мнению автора, «уместно рассматривать в контексте проблем глобального лидерства даже сегодня, когда интегрированная субъектность Европейского Союза как международно-политического игрока в полной мере еще не сформировалась» [24, С. 43].

Российские авторы отмечают и то, что в «критических международных ситуациях Евросоюз продолжает вести себя с оглядкой на США, опасаясь самостоятельности в принятии решений» [7, С. 47].

Рассматривая взаимоотношения ЕС и США в первом десятилетии XX в., О.С. Малышев пришел к выводу о том, что концепция одностороннего решения вопросов международной политики (концепция унилатерализма), выбранная США после терактов 11 сентября 2001 г. предопределила раскол в трансатлантических отношениях [10]. Принципиальное несогласие лидеров Европейского Союза с неоконсервативными идеями администрации США зафиксировало расхождение США и ЕС по ряду важнейших вопросов в современных международных отношениях. Автор отмечает, что после политического «провала» американских планов по восстановлению экономики Ирака внешнеполитический курс администрации США был скорректирован в сторону интерпретации международных отношений в традициях политики «трансатлантического мультилатерализма», а отказ Вашингтона от тактики «одностороннего принятия решений» положительно сказался на всем спектре американо-европейских отношений и способствовал преодолению кризиса в трансатлантическом

сотрудничестве в политической и экономической сферах. Так, по мнению О.С. Мальшева, следуя традициям «новой трансатлантической повестки дня», США и ЕС приступили к осуществлению проекта по созданию единого трансатлантического рынка и из периода многообразных трансформаций последних десяти лет, трансатлантический союз вышел мощной и по-прежнему жизнеспособной системой, способной оказывать существенное организующее влияние на глобальную политику.

Помимо работ, рассматривающих взаимоотношения ЕС и США в целом, ряд отечественных авторов подробно останавливаются на анализе отдельных сторон этих отношений.

Относительно военно-политической составляющей в отношениях США и ЕС долгое время в историографии существовало убеждение, что до конца 80-х гг. XX в. положение дел в мире определялось противостоянием двух политических конкурентов — СССР и США. За вывеской «Соединенные Штаты Америки» скрывались консолидированные западные элиты, достигшие антисоветского консенсуса [2; 4]. По сути именно в схватке с Советским Союзом как Соединенные Штаты, так и весь западный мир выглядели единым политическим субъектом. В советское время выходили работы по отдельным вопросам американско-европейских взаимоотношений [8; 9; 26]. Тем не менее, вопросы формирования политико-стратегических отношений США и западноевропейских государств в контексте многосторонних институтов оставались за рамками исследовательских разработок советских ученых.

Современная историография, напротив, уделяет большое внимание проблеме односторонних и многосторонних действий, вводя понятие «унилатерализма/мультилатерализма» [1]. Так, Н.Ю. Тузовская, рассматривая современный этап отношений между Европейским Союзом и Североатлантическим альянсом, где главенствует США, выделяет их крайнюю противоречивость. С одной стороны, считает автор, это сотрудничество, с другой — политическая конкуренция, усиливающаяся из-за несовпадения взглядов стран-членов на функции и задачи каждой из организаций и институционально заложенного дублирования в ряде сфер. Преобладающей на настоящий момент является тенденция к конкуренции: проектов практического взаимодействия НАТО и ЕС пока не столь много. Тем не менее динамика развития отношений двух организаций привела к тому, что если изначально взаимодействие ЕС и НАТО характеризовалось зависимостью действий Евросоюза от Альянса, то на сегодняшний день оно трансформировалось во взаимозависимость. Последнее

проявляется прежде всего на уровне практического сотрудничества, в рамках миссий кризисного реагирования [25, С. 63—99]. Кандидат исторических наук Т.Г. Пархалина, рассуждая о природе трансатлантических отношений в конце 1990-х — начале 2000-х гг., отмечает, что Организация Североатлантического договора обладает потенциалом консенсусной дипломатии, который, в свою очередь, базируется на политической культуре компромисса, характеризующей большинство стран Западной Европы. Это, по мнению автора, не опровергает история с операцией «Союзническая сила», так как те кто обвиняют НАТО в нарушении Устава ООН не учитывают следующие моменты: 1) международное сообщество подошло к рубежу, когда необходимо решить очень важный вопрос: имеет ли оно право вмешиваться в том случае, если происходит массовое нарушение прав человека и национальных меньшинств, или должно бесстрастно наблюдать за этим, прикрывшись Уставом ООН; 2) что важнее в современном мире: суверенитет государства или права человека, является ли их массовое нарушение внутренним делом того или иного государства; 3) члены Совета Безопасности ООН должны нести ответственность за использование права вето при принятии решения о мандате на вмешательство, ибо в ряде случаев они используют его не в интересах защиты личности или народа от вседозволенности властей, но в конъюнктурных интересах тех или иных политических элит, что далеко от Устава ООН [16, С. 14]. Одним из факторов, «цементирующих» НАТО, автор называет экономический: интегрированные структуры Альянса позволяют каждому из государств тратить значительно меньше на оборону по сравнению с тем, что они тратили бы, если бы вынуждены были выстраивать свою систему безопасности самостоятельно [16, С. 15]. По мнению Т.Г. Пархалиной, распада НАТО не произойдет — «слишком тесно связаны трансатлантические союзники, слишком много они получают от участия в интегрированных структурах, слишком ценят они то, что дало им партнерство в рамках Альянса» [16, С. 18].

И.Г. Пархалину поддерживает старший научный сотрудник ИНИОН РАН Ю.А. Гусаров. Говоря о будущем трансатлантических отношений, он считает, что «это будет стратегическое партнерство, а лидером в ближайшие годы, безусловно, останутся США, хотя этого европейцы или нет. Одновременно происходит процесс сближения культур в политической и военной областях, что в долгосрочной перспективе будет определяющим моментом, несмотря на существ-

вующие расхождения в интересах союзников по обе стороны Атлантики» [5, С. 27].

Предметом беспокойства Евросоюза и его государств-членов является ситуация в Афганистане и вокруг него. Как известно, европейские страны участвуют и в боевых действиях, и в реконструкции страны. Новая американская стратегия в НРА была поддержана ЕС, в том числе и потому, что, по их мнению, способствует развитию регионального сотрудничества в сфере безопасности. По мнению отечественных исследователей, пути разрешения конфликта надо искать в самом Афганистане, хотя представляется, что успех миссии Евросоюза маловероятен в условиях ведения боевых действий и продолжающейся оккупации страны.

Кандидат исторических наук, заведующая отделом Западной Европы и Америки ИНИОН РАН Е.А. Нарочницкая, рассматривая ближневосточное направление внешней политики Евросоюза считает, что вовлеченность Европы в ближневосточные дела будет только расти [14, С. 34]. Автор выделяет ряд проблем, вставших перед ЕС в связи с усилением военно-силового компонента в его азиатской политике. По мнению Е.А. Нарочницкой, крупным минусом выглядит слабость самостоятельных (не связанных с участием в НАТО) военно-политических возможностей Европы. Влияние ЕС и отдельных европейских государств в вопросах безопасности в Азии невелико, а в сопоставлении с масштабным, охватывающим все азиатские регионы военно-политическим присутствием США — вовсе незначительно. Становление общей военной политики безопасности ЕС (ОВПБ), происходит по ряду причин крайне медленно и больших перспектив пока не имеет. Автор отмечает возросший интерес и готовность европейских участников Североатлантического блока, в частности Великобритании и Франции, к расширению географической зоны ответственности НАТО и использованию евроатлантических механизмов для глобальной проекции военно-силового присутствия в рамках общей западной стратегии. В возглавлявшейся США коалиции, оккупировавшей Ирак, в разное время за период с 2003 по 2006 гг. участвовало 17 европейских государств-членов НАТО. В марте 2011 г. именно западноевропейские государства — Франция и Великобритания — оказались наиболее активными инициаторами блокады воздушного и морского пространства Ливии. Однако именно в этом Е.А. Нарочницкая видит дилемму — атлантический и военно-силовой крен, расширяя политический инструментарий Европы, одновременно делает

ее заложницей американского курса со всеми его непопулярными сторонами и ловушками [14, С. 36].

Современные исследователи отмечают, что такие лидеры «старой Европы», как Франция и Германия, привлекли внимание и симпатии, выступив в 2003 г. против вооруженного вторжения США в Ирак. Все последующие годы Евросоюз не переставал подчеркивать, что демократия не навязывается силой, что в предупреждении и урегулировании конфликтов приоритет принадлежит диалогу сторон и многосторонней дипломатии, что безопасности не достичь без борьбы с бедностью и отсталостью. Эти особенности европейского внешнеполитического кредо в рамках общей стратегии Запада выгодно выделяло Европу на фоне провалов американского курса [27, С. 3].

О.Н. Новикова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, опираясь на анализ деятельности ЕС, выявляет ряд вызовов, мешающих Евросоюзу успешно выполнять свою миссию. Работа Евросоюза рассматривается в контексте сложной внутривнутриполитической обстановки, при этом внимание уделено самым важным аспектам стратегии ЕС для Афганистана [15, С. 78—103]. По поводу реакции США на проводимую ЕС политику автор подчеркивает, что президент Б. Обама ясно дал понять, что США ждут наращивания усилий ЕС в Афганистане. Афганский вопрос стал испытанием для трансатлантического партнерства. Новая американская стратегия в Афганистане включает идею «регионализации» конфликта, не исключает диалога с Ираном, предусматривает сближение позиций с Индией. Аналогичные положения содержатся в документе ЕС, принятом на Совете ЕС в Люксембурге 27 октября 2009 г. США полагают, что усилия Евросоюза должны являться дополнением к наращиванию военной составляющей Соединенными Штатами, которые надеются повторить в Афганистане успешную, как они считают, стратегию [15, С. 82].

А.К. Субботин, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор экономических наук, рассматривая возможности США и Европы в сдерживании Китая, делает вывод о том, что пока практически нет никаких признаков единой западной стратегии по отношению к Китаю, кроме поверхностных попыток углубить свои отношения с Индией и создать альянс совместно с Японией, Австралией и Индией. Реально развивается только тенденция на окружение Китая американскими военными базами, в том числе с территориями новых стран Центральной Азии и Афганистана. Однако это лишь военно-политическая стратегия, заложенная более десяти лет назад и не пользующаяся в Европе большой популярностью. Автор

считает, что судьба Европы во многом будет зависеть от состояния российско-китайских отношений. И такая постановка вопроса тесно связана с ролью США в этих отношениях. По мнению А.К. Субботина у ЕС и ведущих стран Европы нет внятной и четкой стратегии сдерживания растущего могущества Китая, результатом которого будет заметное снижение роли Европы в мире и ощутимое уменьшение ресурсных возможностей ее дальнейшего развития [21, С. 32—33]. Автор подчеркивает, что ЕС, его ведущие государства-члены заинтересованы в более сбалансированном мировом порядке, основанном на ведущей роли международных институтов. Отсутствие противовеса американскому влиянию в течение двадцати лет подтолкнуло многих сторонников теории баланса сил к выработке концепции «мягкого равновесия». Эта концепция предусматривает развитие партнерских отношений или ограниченное взаимопонимание в сфере безопасности с целью уравнивания потенциально опасной или восходящей державы. Однако Франция и Германия отнеслись с неприятием к вторжению США в Ирак. Европейцы стали опасаться, что речь идет не об оружии массового поражения и связи между Ираком и «Аль-Каидой», а о более широком политическом проекте сохранения господства Соединенных Штатов, невзирая на интересы других претендентов.

События вокруг Ирака подтолкнули многих исследователей к интерпретации политики европейцев по сдерживанию усилий США как «уравнивание». В работах Ю.И. Надточей доказывается, что сегодня США и государства Евросоюза демонстрируют готовность идти на определенные компромиссы, направленные на укрепление и поддержание военно-политической коалиции [11; 12; 13]. На основе анализа исторического опыта Европы и США сделаны выводы о том, что различия в степени приверженности США и объединенной Европы многосторонним механизмам решения международных проблем обусловлены различием европейского и американского стратегического мышления, разностью их возможностей. Так, у американских правящих кругов акцент сделан на военно-силовую составляющую международных отношений (ставка на «жесткую силу»), а у европейских политических элит заметно стремление поставить внешнюю политику на нормативно-правовую основу.

Проблемы усиления европейской интеграции и трансформации коллективной безопасности подняты в работах М.А. Троицкого, О.В. Приходько, а также в коллективных монографиях Института США и Канады, МГИМО, Института Европы — под редакцией А.Б. Дубинина, В.А. Кременюка, П.Т. Подлесого и др. [18; 23; 19; 17; 3; 20; 22].

Общими выводами в перечисленных работах является то, что авторы доказывают — в системе старого миропорядка эпохи холодной войны Европа играла роль младшего партнера в Североатлантическом альянсе, предоставляя экономическую и военную поддержку Соединенным Штатам Америки в деле сдерживания влияния советской державы. После окончания холодной войны стало очевидно, что Европа находится в поисках нового для себя места в изменившемся миропорядке. Европейцы и американцы едины в определении угроз, но расходятся в их понимании. США делают акцент на росте насилия, Европа — на возрастающей сложности современного мира. Европейская стратегия безопасности исходит из намерения террористов использовать оружие массового поражения, а американцы, убежденные в том, что мир стал менее безопасным, чем был и более склонен к насилию, разработали новую национальную стратегию, в рамках которой определили приоритетное направление защиты своей страны, международной системы и западных демократий: борьба с терроризмом и распространением оружия массового поражения. Для европейского подхода к решению проблем, сопровождающих становление нового международного порядка, характерно осознание того факта, что политико-экономическими причинами международного терроризма, распространения ядерного оружия или региональных конфликтов являются растущая пропасть между богатыми и бедными, наличие затянувшихся конфликтов с малыми перспективами их политического разрешения и плохое управление многих стран к югу от Европы. Еще одна черта европейского подхода — восприятие современных угроз мировому порядку менее идеологизировано, чем у американцев. Европейцы в отличие от американцев, не находятся в состоянии открытой войны с «величайшим мировым злом» терроризмом. Страны ЕС рассматривают современный этап как относительное торжество мира и стабильности после страшного периода насилия, которому подвергалась Европа в XX в.

Америка и Европа являются не только стратегическими партнерами и союзниками, но и крупнейшими конкурентами на мировых рынках. Эта сторона отношений также привлекает внимание отечественных ученых. Известны такие трансатлантические споры, как «Налоговая война» (2000—2004), «банановое противостояние» (1993—2008), «стальная война» (1998—2004), спор из-за генетически измененной продукции (1989—2007). Тем не менее, как утверждает А.Ю. Давыдов, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИСКРАН, структура взаимной торговли соответствует экономическому потенциалу партнеров [6]. По мнению автора, высокотехнологичные продукты

и новейшие услуги оказывают все большее воздействие на экономические отношения, хотя и не исключают проблем конкуренции, особенно в валютно-финансовой сфере. Не исчезли и экономические барьеры, мешающие нормальному развитию торгово-экономических отношений. А.Ю. Давыдов расценивает США и страны ЕС как потенциально равных экономических партнеров, хотя исторически сложилось так, что Западной Европе досталась роль догоняющего в конкурентной борьбе с США и НАФТА [6, С. 4]. Рассматривая влияние кризиса в еврозоне на американско-европейские отношения, автор отмечает, что основная угроза, которую европейский долговой кризис создает для американской экономики, состоит в том, что сужение платежеспособного спроса со стороны европейских импортеров оказывает сдерживающее влияние на увеличение продаж со стороны экспортного сектора США. Анализируя различные аспекты внешнеэкономических связей США со странами Евросоюза (динамику взаимной торговли, проблемы инвестиционного сотрудничества, конкуренцию в валютно-финансовой сфере и т. д.), А.Ю. Давыдов приходит к выводу, что в современной мировой экономике США являются основным импортером финансовых ресурсов, сбереженных для них всеми другими странами. Высокий спрос на американские государственные и корпоративные ценные бумаги обеспечивается стабильно высокой конкурентноспособностью и надежностью американской экономики [6, С. 18].

Таким образом, современные российские исследователи, рассматривая проблему трансатлантических отношений, пытаются определить общие параметры взаимодействия США и ЕС в период трансформации системы международных отношений, анализируют возможные последствия тех или иных шагов как ЕС, так и США в сторону конфронтации (например, А.И. Уткин), либо партнерства (в частности, М.А. Троицкий). Авторы рассматривают особенности шкалы американских и европейских ценностей и их влияние на трансатлантические взаимоотношения. Исследователи в своем большинстве сходятся в том, что несмотря на ряд кризисных моментов как в военно-стратегических, так и в экономических вопросах, трансатлантический союз продолжает оставаться мощной и жизнеспособной системой, способной оказывать существенное влияние на глобальную политику. Переломным моментом в истории данного союза называют идею создания «трансатлантического рынка» (О.С. Малышев, Т.Г. Пархалина). При этом нельзя забывать о том, что экономические и военно-политические факторы в развитии трансатлантических отношений взаимодействуют сложным образом (А.Ю. Давыдов). Положительная динамика в трансатлантических

отношениях обусловлена, главным образом, постепенным отказом Вашингтона от курса на одностороннее принятие решений, следование политике компромиссов (Ю.И. Надточей). В целом, большинство российских исследователей считают, что Европа и США останутся партнерами и союзниками, несмотря на возникающие время от времени разногласия, при этом Соединенные Штаты Америки сохранят лидерство в партнерских отношениях с Европой.

Список литературы:

1. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССЭ, 2005. 369 с.
2. Бурсов А.В., Подберезкин А.И. Лоббисты катастрофы (о военно-промышленном комплексе США). М.: Московский рабочий, 1987. 127 с.
3. Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США (2001—2002 гг.) / под ред. В.А. Кременюка, П.Т. Подлесого. М.: МГИМО, 2002. 230 с.
4. Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность. М.: Международные отношения, 1977. 127 с.
5. Гусаров Ю.А. Отношения США к проблеме создания совместной европейской системы безопасности и обороны // Актуальные проблемы Европы. 2002. № 4. С. 19—28.
6. Давыдов А.Ю. Экономика определяет политику? (проблемы внешне-экономических связей США со странами Евросоюза) // США-Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 10. С. 3—18.
7. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю.А. Борко; О.В. Буториной. М.: УРСС, 2001. 215 с.
8. Иванова И.М. Концепция «атлантического сообщества» во внешней политике США. М.: Наука, 1973. 279 с.
9. Караганов С.А., Трофименко Г.А. США — диктатор НАТО. М.: Советская Россия, 1985. 212 с.
10. Мальшев О.С. Эволюция взаимоотношений США и ЕС в первом десятилетии XXI в. М.: LAPLAMBERT Akademik, 2011. 395 с.
11. Надточей Ю.И. «Институциональная сделка Запада» в контексте проблемы односторонности/многосторонности в трансатлантических отношениях // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2007. № 305. С. 79—82.
12. Надточей Ю.И. Уроки войны в Югославии и их влияние на перемену формата трансатлантических отношений в рамках НАТО (1999—2002 гг.) // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 74. М.: Изд-во МосГУ, 2006. С. 11—22.

13. Надточей Ю.И. Военно-силовые аспекты проблемы институциональной легитимности в трансатлантических отношениях на рубеже XX—XXI веков (на примере ООН, НАТО и Международного уголовного суда) // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 84. М.: Изд-во МосГУ, 2007. С. 11—24.
14. Нарочницкая Е.А. Подъем Азии и Европа // Актуальные проблемы Европы: науч. журн. М.: ИНИОН, 2011. № 3.: Азиатский вектор политики западноевропейских стран. С. 13—41.
15. Новикова О.Н. ЕС в Афганистане: политический выбор и его реализация // Актуальные проблемы Европы: науч. журн. М.: ИНИОН, 2011. № 3. С. 78—103.
16. Пархалина Т.Г. О природе трансатлантических отношений на современном этапе развития // Актуальные проблемы Европы: науч. журн. М.: ИНИОН, 2002. № 4.: Западная Европа — США: конкуренты или партнеры? С. 10—18.
17. Политика США в меняющемся мире / отв. ред. П.Т. Подлесый. М., 2004.
18. Приходько О.В. Трансатлантические отношения в сфере безопасности и их влияние на внешнеполитические позиции России. М., 2004.
19. Проблемы истории и политики стран Европы и Америки / отв. ред. А.Б. Дубинин. М.: МГИМО, 2003.
20. Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / отв. Ред. Т.А. Шаклеина. М., 2005.
21. Субботин А.К. Европейский Союз в геополитической стратегии Китая // Актуальные проблемы Европы: науч. журн. М.: ИНИОН, 2012. № 1.: Евросоюз и Китай: проблемы и перспективы отношений. С. 13—36.
22. США и Европа: перспективы взаимоотношений на рубеже веков / отв. ред. А.И. Уткин. М.: ИСКРАН, 2000. 398 с.
23. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991—2004. М.: НОФМО, 2004. 252 с.
24. Троицкий М.А. Европейский союз в мировой политике // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 2(5). С. 43—58.
25. Тузовская Н.Ю. Пределы стратегического партнерства ЕС и НАТО // Актуальные проблемы Европы: науч. журн. М.: ИНИОН, 2010. № 3.: Трансатлантические отношения: новые императивы. С. 63—99.
26. Уткин А.И. Доктрины атлантизма и европейская интеграция. М.: Наука, 1979. 211 с.
27. Франция в поисках новых путей / отв. ред. Ю.И. Рубинский. М.: Весь мир, 2007. 627 с.
28. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке: дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991—2002). М., 2002.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НЕМЕЦКИХ И МЕННОНИТСКИХ КОЛОНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА ЮГА УКРАИНЫ

Хрящевская Людмила Михайловна

*канд. ист. наук, доцент ННУ имени Сухомлинского В.А,
г. Николаев, Украина*

E-mail: ludahryashev@mail.ru

В советский период исследование проблем истории украинских немцев и меннонитов в первой половине XIX века было продолжено в трудах А. Клибанова «Меннониты», А. Рейнмаруса и Г. Фризена «Меннониты», И. Крестьянинова «Меннониты», А. Ипатова «Меннониты» [3], Л. Кабузана «Заселение Новороссии в XVIII — первой половине XIX века», С. Соколовского «Меннониты в США», Е. Дружининой «Южная Украина в 1800—1825 гг.» и «Южная Украина в период кризиса феодализма 1825—1860-х гг. [2].

В советской историографии интерес к рассматриваемой нами проблеме возник уже в 30-е гг. XX в. Появление работ А. Рейнмаруса и Г. Фризена, М. Кривохатского явилось результатом осмысления событий осени 1929 г., когда значительная часть немецкого населения пыталась путем прямого давления на правительство добиться разрешения на выезд из СССР. Данные работы имели, скорее, публицистическую направленность. В них явно прослеживается политическая заангажированность авторов, стремившихся всячески оправдать насилие со стороны властей и представить протестующих в самом негативном свете, используя для этого и метод искажения исторического прошлого поселенцев. Работа А. Клибанова «Меннониты» явилась более значимым с научной точки зрения исследованием и послужила началом его дальнейших изысканий по истории анабаптизма. Представленный автором материал по истории меннонитских поселений первой половины XIX в. базировался на работах А. Клауса и Я. Штаха.

Политические изменения в СССР в 1930-е гг. определили дальнейший ход развития исторической науки, что привело к отказу от изучения целых проблемных блоков. Исследования по истории украинских немцев находились под негласным запретом, а важнейшие архивные фонды были закрыты. И лишь необходимость атеистической работы среди немногочисленных групп меннонитского населения, проживавших в Казахстане и Восточной Сибири, вызвала появление

в 60—70-х гг. работ И. Крестьянинова и А. Ипатова. Для нас наиболее привлекательной с научной точки зрения является исследование А. Ипатова и его попытка рассмотрения меннонитской истории, в том числе и первой половины XIX в., в контексте теории этноконфессиональной общности [3].

Определенный интерес для исследователей представляют работы Е. Дружининой и А. Кабузана, посвященные изучению отдельных аспектов развития различных колонизационных потоков на Украине в период, который освещается в данных «Очерках».

Таким образом, анализ советской историографии по проблемам украинских немцев позволяет с сожалением констатировать, что по вполне очевидным причинам ни одно из исследований не достигло уровня и масштабов крупнейших работ более раннего периода. Закрытость основных архивных фондов явилась основным фактором, блокирующим развитие столь перспективного направления.

Сопровождавшая перестройку демократизация общества привела к росту гражданского самосознания народов СССР, возродила их интерес к своему прошлому и, в том числе, к дооктябрьской истории. Впервые отказавшись от догматов исторического материализма как «единственно верного учения», в котором вся досоветская эпоха рассматривалась как предыстория, как единый революционный поток, в котором классовая борьба выступала в качестве двигателя прогресса, общественность впервые осознала многоплановость того процесса, который мы называем «история человечества». И, приступая к изучению истории Украины через призму этой многоплановости и «калейдоскопичности», современные исследователи получили великолепную возможность ее осмысления с новых позиций — как результат взаимодействия культурных традиций отдельных народов, проживавших на нашей земле и передавших ей свои позитивные импульсы.

Изучение проблем истории немецкого этноса на Украине было возобновлено на рубеже 1980—90-х гг. Напечатанные в журналах «История СССР» и «Український історичний журнал» работы Л. Малиновского «Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности» [8] и И. Кулинича «Немецкие колонии на Украине (в 60-е годы XVIII в. — 1917 г.)» [6] выполнили свою миссионерскую роль. Они привлекли внимание современных историков к столь перспективной проблеме.

В настоящее время над разработкой проблем истории немецких и меннонитских колоний на Украине достаточно плодотворно работают исследователи из Киева, Днепропетровска, Николаева,

Одессы. При Днепропетровском государственном университете в 1990 г. была открыта лаборатория по изучению истории украинско-немецких связей в новое и новейшее время, которая с 1997 г. приобрела статус научно-исследовательского института.

Украинские исследователи являются постоянными участниками ежегодных международных конференций, проводимых с 1995 г. совместными усилиями Международного союза немецкой культуры (Москва) и Института германских и восточноевропейских исследований (Геттинген, Германия), посвященных проблемам истории различных групп немецкоязычного населения России. Так, в 2009 г. в г. Николаеве на базе Учебно-научного института истории и права ННУ им. В.А. Сухомлинского была проведена международная конференция, результатом которой явилось первое комплексное исследование, в котором на конкретном материале раскрываются колонизация немцами южной Украины, экономическое положение и этнокультурная жизнь немецких общин. Анализируется положение немецкого населения в годы Первой мировой войны [12]. Необходимо отметить, что с точки объемов проводимых исследований период первой половины XIX в. находится в менее выигрышном положении, поскольку значительное количество дореволюционных архивных фондов в настоящее время не может быть открыто для широкого доступа ввиду их плохой сохранности. Это вовсе не означает, что исследования по интересующему нас периоду в настоящее время вовсе не проводятся. Свидетельством этого служит ряд последних, выполненных на высоком научном уровне публикаций, авторами которых являются преимущественно археографы [10; 7; 4; 5; 1].

Ценная работа по обработке наиважнейших фондов проделана архивными работниками. Одесскими и днепропетровскими архивистами начата публикация описей фондов Конторы опекунов и Попечительного комитета [9; 10].

Таким образом, историографическая традиция по изучению прошлого немецких и менонитских колоний, заложенная дореволюционными исследователями, была поддержана несколькими поколениями отечественных историков. В настоящее время данная тематика является одним из самых перспективных направлений украинской исторической науки. Значительную роль в дальнейшем изучении исторических судеб немецкоязычных колоний на Украине должно сыграть введение в научный оборот новых источниковых массивов, а также укрепление связей и интеллектуальный обмен между исследователями различных регионов бывшего СССР.

Список литературы:

1. Бобылева С.И. Материалы архива Клюдтов о миграционных процессах немцев // Миграционные процессы среди российских немцев. — М., 1998. — С. 46—52.
2. Дружинина Е.И. Южная Украина в 1880—1825 гг. — М., 1970; Ее же. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825—1860 гг. — М., 1981.
3. Ипатов А.Н. Меннониты. — М., 1971. — С. 70—86.
4. Коновалова О.В. Письма герцога де Ришелье к С.Х. Контениусу (1803—1811 гг.) как источник для изучения процесса колонизации на Юге России // Российские немцы: историография и источниковедение. — М., 1997.
5. Костюк М.П. Немецкие миграционные движения на Волыни (XVIII — начало XX вв.) // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. — М., 1998. — С. 27—46.
6. Кулініч І.М. Німецькі колонії на Україні (у 60-ті роки XVIII ст. — 1917 р.) // Український історичний журнал. — 1990. — № 9. — С. 18—30.
7. Мешков Д.Ю. Докладные регистры и мемории Конторы опекунства новороссийских иностранных поселенцев как источник по истории немецкой колонизации Юга России 1800—1810 гг. // Российские немцы: историография и источниковедение. — М., 1997. — С. 315—328.
8. Малиновский Л.В. Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX — начале XX в. // История СССР. — 1990. — № 2. — С. 175—182.
9. Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России 1799—1876: Аннотированная опись дел 1799—1881 гг. /Ред. О.В. Коновалова. — Одесса, 1998. — Том 1.
10. Плесская-Зебольц Э.Г. Немецкая община в экономической структуре города Одессы // Вопросы германской истории. Немцы в Украине. — Днепропетровск, 1996. — С. 41—48.
11. Фонд «Контора Опекунства новороссийских иностранных поселенцев». 1781—1857: Аннотированная опись дел 1781—1818 гг. / Составители: Н.Л. Юзбашева, Д.Ю. Мешков. — Днепропетровск — К., 1997. — Том 1.
12. Шитюк М.М., Шкварець В.П., Хрящевська Л.М. та ін. Німці Півдня України: історія і сучасність. — М., 2009. — 424 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

28 января 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 05.02.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3